L

Антонъ Григорьевичъ

РУБИНШТЕЙНЪ

род. 16-го ноября 1829 г.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ А. Г. РУБИНШТЕЙНА 1829—1889 гг.

I. Отъ Ред. «Русской Старины».—II. Замѣтки къ біографіи Рубинштейна, докт. М. Б. Р—га.—III. А. Г. Рубинштейнъ въ воспоминаніяхъ бывшаго профессора консерваторіи Г. А. Лароша. — IV. А. Г. Рубинштейнъ — стихотвореніе А. Н. Яхонтова.—V. А. Г. Рубинштейнъ въ 1889 г., гравюра на мѣди, исполнилъ художникъ Ѳ. А. Меркинъ.

второе изданіе редакціи журнала «Русская Старина».

☞ Сборъ отъ продажи этой книги, за покрытіемъ издержекъ по ея изданію, обращается въ пользу „Вспомогательной кассы учащихся въ Санктъ-Петербургской Консерваторіи“.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

1839 ноября 18 1889

L

АНТОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

РУБИНШТЕЙНЪ

род. 16-го ноября 1829 г.

автобіографическія воспоминанія А. Г. Рубинштейна, 1829—1889 гг.

I. Отъ Ред. „Русской Старины". — II. Замѣтки къ біографіи Рубинштейна, докт. М. Б. Р—га.—III, А. Г. Рубинштейнъ въ воспоминаніяхъ бывшаго профессора консерваторіи Г. А. Лароша.—IV. А. Г. Рубинштейнъ — стихотвореніе А. Н. Яхонтова. — V. А. Г. Рубинштейнъ въ 1889 г., гравюра на мѣди, исполнилъ художникъ Ѳ. А. Мѣркинъ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ РЕД. ЖУРНАЛА «РУССКАЯ СТАРИНА».

Сборъ отъ продажи этой книги, за покрытіемъ издержекъ по ея изданію, обращается въ пользу «Вспомогательной кассы учащихся въ Спб. Консерваторіи».

1839 $\frac{\text{ноября}}{18.}$ 1889.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15-го ноября 1889 года.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

А. Г. Рубинштейнъ

АЛЬБОМЪ гравюръ «РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ» Изданіе ред. «РУССКАЯ СТАРИНА».

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

18-го ноября 1889-го г. предстоитъ торжество празднованія полувѣковаго юбилея въ С.-Петербургѣ музыкально-артистическаго служенія Россіи величайшаго изъ современныхъ во всемъ мірѣ музыкальныхъ художниковъ и піанистовъ—Антона Григорьевича Рубинштейна.

«Русская Старина» съ самаго своего основанія, въ теченіи двадцати лѣтъ, всегда являвшая отзывчивость къ признанію заслугъ наиболѣе выдающихся отечественныхъ дѣятелей,—отошли ли они въ иной міръ, или продолжаютъ трудиться въ наши дни на пользу и славу нашего отечества, — не можетъ остаться безучастною къ предстоящему торжеству, истинному празднику для всѣхъ, кто умѣетъ цѣнить все высокое значеніе заслугъ А. Г. Рубинштейна въ великомъ дѣлѣ развитія нравственныхъ силъ всего цивилизованнаго міра...

Въ виду сказаннаго мы посвятили значительную часть одиннадцатой, ноябрьской, книги «Русской Старины» изд. 1889 г. изложенію жизни и обзору дѣятельности — великаго русскаго композитора и артиста А. Г. Рубинштейна.

Обративъ при этомъ вниманіе на обширную литературу всего, что было въ печати о немъ и о его многочисленныхъ музыкальныхъ произведеніяхъ, мы съ удивленіемъ замѣтили чрезвычайную скудость біографическихъ данныхъ объ этой высоко-плодотворной жизни; кромѣ скудости, повторяемъ, біографическихъ фактовъ, бо̀льшая часть и того немногаго, что мы съ нашимъ уважаемымъ сотрудникомъ Н. М. Лисовскимъ нашли въ печати по отношенію къ жизнеописанію нашего художника, нерѣдко отличается сбивчивостью показаній и весьма многими невѣрностями... Напротивъ того, въ области музыкальной критики и болѣе или менѣе правильной оцѣнки творчества А. Г. Рубинштейна, въ массѣ статей и отзывовъ, трактующихъ о его произведеніяхъ, имѣется въ отечественной печати много весьма дѣльныхъ статей и отзывовъ, написанныхъ съ большимъ знаніемъ дѣла.

По самой программѣ «Русской Старины», преслѣдующей задачи чисто историческія и историко-біографическія по отношенію къ отечественной исторіи и къ жизни русскихъ дѣятелей, мы обратили въ въ своемъ историч. изданіи главное вниманіе на біографію Антона Григорьевича.

Въ этомъ отношеніи мы признали необходимымъ дать русскому обществу и будущимъ біографамъ великаго музыканта-художника возможно точный и подробный матеріалъ, а потому рѣшились обратиться за нимъ къ самому Рубинштейну...

Антонъ Григорьевичъ, какъ извѣстно всѣмъ многочисленнымъ его знакомымъ, не любитъ говорить о себѣ и своей дѣятельности; не любитъ даже о себѣ читать и, смѣло можно сказать, громадная часть того, что о немъ въ теченіи пятидесяти лѣтъ писалось и печаталось на многихъ языкахъ, ему вовсе неизвѣстно; тѣмъ не менѣе, мы были такъ счастливы, что вызвали его, въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ, на изустное изложеніе его артистической жизни.

Этотъ живой, искренній и увлекательный разсказъ А. Г. Рубинштейна, былъ въ нашемъ присутствіи записанъ стенографомъ «Русской Старины», затѣмъ прочитанъ нами автору и, по исправленіи, согласно его замѣчаніямъ, напечатанъ въ ноябрьской книгѣ этого историческаго изданія за 1889 г.

Какъ интересное дополненіе къ автобіографическимъ воспоминаніямъ А. Г. Рубинштейна, мы помѣстили вслѣдъ за ними небольшіе, но сердечно написанные о немъ разсказы доктора М. Б. Розенберга, одного изъ его давнихъ и близкихъ друзей, и Г. А. Лароша, одного изъ питомцевъ втораго выпуска с.-петербургской консерваторіи (1866 г.), бывшаго профессора въ Петербургской и Московской консерваторіяхъ.

Независимо отъ этихъ разсказовъ, также вслѣдъ за автобіографіей А. Г. Рубинштейна, мы помѣстили «Лѣтопись его жизни и дѣятельности, съ указаніемъ статей и отзывовъ въ русской печати объ А. Г. Рубинштейнѣ, за время съ 1839 по 1889 годъ». Этотъ обширный трудъ исполнилъ, по нашему приглашенію, для «Русской Старины», изд.-ред. журнала «Библіографъ» — Николай Михайловичъ Лисовскій.

Важность и значеніе этого весьма усидчиваго и кропотливаго труда, полагаемъ, вполнѣ оцѣнятъ всѣ, кому доведется изучать или и самому писать о жизни и творчествѣ нашего геніальнаго артиста-композитора. «Лѣтопись» сопровождается въ приложеніи нѣсколькими

документами, которые полезно сохранить на страницахъ «Русской Старины», которая, какъ пантеонъ всѣхъ выдающихся отечественныхъ дѣятелей, представляетъ для современниковъ и потомства громадный сборникъ всѣхъ необходимыхъ данныхъ для жизнеописаній этихъ людей, составляющихъ, какъ въ данномъ случаѣ, вполнѣ гордость и славу Россіи.

Основатель перваго «Русскаго Музыкальнаго Общества», нынѣ «императорскаго»,—учредитель и первый, по времени, директоръ созданной его энергіей Консерваторіи, — Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ явилъ отечеству громадныя заслуги—призваніемъ къ жизни цѣлаго слоя новыхъ дѣятелей, именно музыкальныхъ-художниковъ, до него не имѣвшихъ, такъ сказать, права гражданства въ русскомъ обществѣ; онъ первымъ положилъ прочный, краеугольный камень въ основу правильнаго, серьезнаго на Руси музыкальнаго образованія, столь важнаго и необходимаго въ общемъ дѣлѣ развитія народа и въ особенности его молодыхъ поколѣній.

Множество произведеній А. Г. Рубинштейна во всѣхъ видахъ музыкальнаго творчества, какъ на русскія, такъ и на многія другія, едва-ли ни всѣхъ народовъ, темы и мелодіи, разнесли по всему земному шару славу его имени, какъ величайшаго современнаго русскаго музыкальнаго художника.

Мы, современники и соотечественники Антона Григорьевича, знаемъ какое высокое наслажденіе приноситъ слушателямъ его высокохудожественное личное исполненіе всего, что только выполняетъ онъ изъ своего необъятнаго музыкальнаго репертуара....

Да, этотъ русскій человѣкъ — вполнѣ великій художникъ по его мощному дарованію, и имя его и плоды его творчества прейдутъ къ отдаленнымъ поколѣніямъ человѣчества, доколѣ человѣкъ будетъ находить наслажденіе въ мірѣ звуковъ....

Михаилъ Семевскій.

1-го ноября 1889 г.
Спб.

По выходѣ ноябрьской книги «Русской Старины» изд. 1889 г.,— профессоръ С.-Петербургской консерваторіи А. И. Рубецъ,—весьма заботливо относящійся къ интересамъ «Вспомогательной кассы учащихся въ С.-Петербургской консерваторіи», — обратился къ намъ съ

просьбою—издать отдѣльнымъ оттискомъ автобіографическія воспоминанія А. Г. Рубинштейна въ пользу этой кассы.

Съ согласія Антона Григорьевича желаніе профессора А. И. Рубца симъ исполнено.

Воспоминанія напечатаны цѣликомъ съ незначительными поправками автора, а изъ приложеній къ нимъ опущенъ обширный и хорошій библіографическій трудъ Н. М. Лисовскаго: «Лѣтопись жизни и дѣятельности А. Г. Рубинштейна».—Желающіе въ немъ найти необходимыя справки могутъ обращаться къ ноябрьской книгѣ нашего изданія «Русская Старина» изданіе 1889 г.

Къ настоящему второму тисненію автобіографіи Антона Григорьевича мы приложили одинъ изъ двухъ его портретовъ, украшающихъ № 11 «Русской Старины» изд. 1889 г., именно гравюру на мѣди, исполненную художникомъ Ѳ. А. Мѣркинымъ. Гравюра эта воспроизведена съ фотографіи г. Ясвойна, и снята съ г. Рубинштейна въ С.-Петербургѣ, въ іюнѣ 1889 г.

Сборъ съ продажи этой книги,—за покрытіемъ издержекъ по ея изданію,—обращается въ пользу «Вспомогательной кассы учащихся въ С.-Петербургской консерваторіи».

М. С.

10-го ноября 1889 г.
Спб.

ВОСПОМИНАНІЯ АНТОНА ГРИГОРЬЕВИЧА РУБИНШТЕЙНА

1829—1889.

I.

Время рожденія.—Мать, первая моя наставница.—Отецъ и наша семья.—Водвореніе въ Москвѣ.—Уроки музыки.—В. Б. Грюнбергъ и ея дочь Юлія Львовна.—А. И. Виллуанъ.—Первый концертъ.—Отъѣздъ заграницу.

1829 — 1840.

Родился я въ 1829-мъ году, ноября 16-го, въ деревнѣ Вихватинецъ, на границѣ Подольской губерніи и Бессарабіи, на берегу рѣки Днѣстра. Деревня Вихватинецъ находится верстахъ въ тридцати отъ города Дубосаръ и верстахъ въ пятидесяти отъ Балты.

До сихъ поръ въ точности я не зналъ не только дня, но и года моего рожденія; въ этомъ погрѣшили показанія моей престарѣлой матушки, которая забыла время моего рожденія; но по послѣднимъ документальнымъ справкамъ — кажется несомнѣнно, что 16-е ноября 1829-го года суть день и годъ моего рожденія, но такъ какъ я всю жизнь праздновалъ день рожденія 18-го числа, то уже на седьмомъ десяткѣ—свой семейный праздникъ передвигать не приходится, пусть онъ уже и остается на 18-е ноября.

Матушка моя, Калерія Христофоровна, рожденная Левенштейнъ, была по происхожденію изъ прусской Силезіи, гдѣ получила порядочное образованіе, а главное—въ музыкѣ, что и дало ей возможность впослѣдствіи начать обученіе своихъ дѣтей этому

искусству, и я ей весьма много обязанъ, такъ какъ въ ней я имѣлъ первую по времени наставницу въ музыкѣ.

Отецъ мой, Григорій Романовичъ, русскій подданный, родомъ изъ города Бердичева, арендовалъ въ деревнѣ Вихватинецъ участокъ земли. Насъ было у него много: старшимъ сыномъ былъ Николай — довольно рано умершій, вторымъ Яковъ, впослѣдствіи докторъ, скончавшійся въ 1863 году, третьимъ былъ я,—Антонъ, четвертымъ опять Николай, впослѣдствіи директоръ консерваторіи въ Москвѣ, родившійся въ 1835 году; сестеръ было двѣ: Любовь—въ замужествѣ за присяжнымъ повѣреннымъ Вейнбергомъ, въ Одессѣ, и дѣвица Софія, живущая съ матерью тамъ же, въ Одессѣ.

Средства къ жизни отца состояли въ томъ небольшомъ доходѣ, который онъ получалъ, совмѣстно съ своимъ братомъ и зятемъ, т. е. женатымъ на его сестрѣ, съ земли деревни Вихватинецъ.

Самыя раннія мои воспоминанія соединяются съ переѣздомъ всѣхъ трехъ нашихъ семействъ, т. е. моего отца, его брата и зятя—со всѣми ихъ дѣтьми и домочадцами, значитъ цѣлымъ родомъ, въ громаднѣйшей фурѣ, въ Москву. Въѣхавъ въ нее, мы направились за Покровскій мостъ, за Яузу-рѣку, и наняли большой домъ какой-то госпожи Позняковой, близъ пруда, обсаженнаго, какъ теперь его помню, деревьями. То было въ 1834 или 1835 году.

Въ Москвѣ мы устроились, на первое время, хорошо. Въ началѣ былъ нѣкоторый матеріальный достатокъ. Всѣ три семьи жили и работали вмѣстѣ, но это продолжалось недолго. Отецъ отдѣлился отъ брата и зятя и переѣхалъ съ дѣтьми и моею матерью на Ордынку, на Замоскворѣчье, гдѣ и устроилъ довольно большую фабрику карандашнаго и булавочнаго производства.

Какъ ни скромна была наша обстановка, но въ ней всегд былъ музыкальный, по тому времени не дурной, инструментъ, фортепіано четыреугольной формы, въ родѣ стола, какъ тогда ихъ дѣлали. На шестомъ году моего возраста матушка стала обучать меня музыкѣ, а затѣмъ и прочихъ моихъ братьевъ; со мною занималась она болѣе, быть можетъ потому, что скоро замѣтила во мнѣ склонность къ музыкѣ или, по крайней мѣрѣ, легкость ея пониманія и усвоенія. Занималась она со мной серьезно, даже очень

строго относясь къ дѣлу, какъ тогда это было въ обыкновеніи, но, какъ потомъ разсказывала, безъ какой-либо предвзятой мысли, а просто потому стала обучать меня музыкѣ, что сама ее знала. Репертуаръ нашъ были — Гумель, Герцъ, Мошелесъ, Калькбренеръ, Черни, Дьябели, Клементи и другія тогдашнія музыкальныя свѣтила; ихъ я и началъ совершеннымъ еще ребенкомъ штудировать. Между тѣмъ въ Москву пріѣхала наша знакомая Варвара Богдановна Грюнбергъ († 1869 г.), жена доктора, и привезла дочь Юлію, лѣтъ десяти, которая настолько уже была сильна въ музыкѣ, что стала давать въ Москвѣ концерты. (Юлія Львовна Грюнбергъ вышла впослѣдствіи замужъ за сенатора Тюрина и живетъ въ Петербургѣ, близко отъ меня, въ Троицкомъ переулкѣ, д. № 6). В. Б. Грюнбергъ, по пріѣздѣ въ Москву, посѣщала съ дочерью нашу семью и успѣхи Юліи дали моей матушкѣ мысль еще серьезнѣе взглянуть на мое музыкальное образованіе. Она однако почувствовала себя недостаточно уже свѣдущей для того музыкальнаго образованія, которое, по ея мнѣнію, я долженъ былъ, по моимъ способностямъ, получить, и стала разспрашивать кто въ Москвѣ лучшій преподаватель музыки? В. Б. Грюнбергъ указала ей на Александра Ивановича Виллуана (Villoing), пользовавшагося въ то время въ Москвѣ большою извѣстностью лучшаго педагога-музыканта [1]). Пригласили его къ намъ. Онъ, кажется, былъ знакомъ съ нашей семьей еще тогда, когда мы жили за Покровскимъ

---

[1]) Въ «Journal de St. Pétersbourg», 1889 г. № 192, іюня 21-го, помѣщено письмо Ю. Л. Тюриной, рожденной Грюнбергъ, объ этомъ моментѣ въ жизни нашего великаго композитора и піаниста: «Antoine Rubinstein était déjà éleve de sa mère, lorsque à Moscou nous le vîmes pour la première fois.

Il était agé de huit ans et c'était un enfant charmant, qui étonnait tout le monde par la précocité de son talent. — M-me Rubinstein avait tout lieu d'être fière de son fils; mais ayant plusieurs enfants, elle ne pouvait se consacrer toute entière à l'éducation musicale du jeune Antoine. Ma mère le lui fit observer et elle insista pour que l'enfant fût confié à Villoing, ce qui arriva en effet»...

Ю. Л. Тюрина, рожденная Грюнбергъ, ученица извѣстнаго Henselt'a и сына Mozart'a, во все время пользовалась славой замѣчательной піанистки. Она давала концерты при дворахъ петербургскомъ и вѣнскомъ и вообще участвовала въ концертахъ, имѣвшихъ всегда значительный успѣхъ. Ея покойная сестра Иза Грюнбергъ, въ замужествѣ Ласкосъ, ученица М. И. Глинки, была прекрасная пѣвица и не безъизвѣстна въ русской литературѣ, какъ романистка; одна изъ ея пьесъ для театра была играна въ Петербургѣ, при участіи В. В. Самойлова. М. С.

мостомъ; какъ бы то ни было, но онъ пріѣхалъ и весьма внимательно прослушалъ мою игру. Матушка тогда-же сказала ему, что весьма желала-бы видѣть въ немъ преподавателя музыки для меня, но, при недостаточности своихъ средствъ, не можетъ дорого платить за уроки.

Виллуанъ поспѣшилъ отвѣчать, что онъ не нуждается въ деньгахъ и весьма охотно возмется руководить моимъ музыкальнымъ образованіемъ—совершенно безплатно.

И вотъ сталъ онъ пріѣзжать къ намъ и давать мнѣ уроки. Онъ былъ затѣмъ моимъ единственнымъ учителемъ; болѣе его—во всю мою жизнь учителей музыки (за исключеніемъ, впрочемъ, какъ скажу далѣе, теоріи музыки) никого у меня не было.

Восьми лѣтъ началъ я заниматься подъ руководствомъ Виллуана, и тринадцати лѣтъ музыкальное мое образованіе кончилось; повторяю,—кромѣ Виллуана у меня уже не было другаго учителя.

Прежде всего Виллуанъ употребилъ много труда и заботъ, вполнѣ впрочемъ успѣшныхъ, къ правильной постановкѣ моихъ рукъ; объ этомъ, да о хорошемъ звукѣ, онъ весьма заботился. Его музыкальная школа хорошо извѣстна,—это былъ въ то время, безспорно, одинъ изъ лучшихъ, если не самый лучшій, профессоръ музыки, но самъ онъ игралъ мало. Ему, и никому другому, я обязанъ тѣмъ прочнымъ фундаментомъ въ музыкальномъ искусствѣ, съ каковаго фундамента мнѣ уже было невозможно упасть. И надо сказать, что во всю мою послѣдующую жизнь я не встрѣчалъ лучшаго руководителя при обученіи музыки; впрочемъ, въ послѣдніе годы жизни, Виллуанъ дошелъ въ своихъ педагогическихъ требованіяхъ при обученіи музыки до крайности, впалъ въ каррикатуру, но въ то время, когда я у него учился—это былъ, повторяю, замѣчательный, положительно лучшій въ своемъ родѣ, учитель. Онъ установилъ извѣстныя требованія и примѣнилъ ихъ ко мнѣ и они оказались самыми лучшими изъ тѣхъ, какія могли быть при преподаваніи игры на фортепіано. Человѣкъ терпѣливый, хотя и строгій въ своихъ требованіяхъ,—что вообще вовсе не дурно,—Виллуанъ скоро такъ сблизился со мною, что былъ для меня болѣе чѣмъ наставникъ,—онъ былъ для меня другомъ, вторымъ отцомъ [1]). Съ того времени, какъ мы

---

[1]) Много лѣтъ спустя, уже пожилымъ человѣкомъ—Виллуанъ женился на сестрѣ извѣстнаго Бахметева, бывшаго директора придворной капеллы и былъ

переѣхали на Ордынку, Виллуанъ бывалъ у насъ уже почти ежедневно и въ занятіяхъ со мной былъ неутомимъ; онъ, видимо, находилъ въ этомъ не только для себя отдыхъ, но наслажденіе; то не были уроки—было истинно музыкальное воспитаніе.

11-го іюля 1839 года, на десятомъ году жизни, я далъ, по желанію Виллуана, первый публичный концертъ; то было въ Москвѣ, въ Петровскомъ паркѣ [1]). Затѣмъ три года—на одиннадцатомъ, двѣнадцатомъ и тринадцатомъ моего возраста—я объѣхалъ съ моимъ наставникомъ всю Европу... Прежде, однако, чѣмъ отправиться изъ Москвы, скажу, что торговыя дѣла моего отца шли довольно плохо, но я не помню, чтобы отецъ отъ того былъ въ тревогѣ; дѣти, впрочемъ, мало замѣчали, да и мало понимали дѣла и занятія отца. Что до матушки, то во все время моихъ занятій съ Виллуаномъ она обыкновенно внимательно за ними слѣдила и потомъ, въ его отсутствіе, наблюдала за моими репетиціями и подготовкой музыкальныхъ уроковъ. Я уже говорилъ, что по обыкновенію того времени—дѣло учебное шло сурово, съ большою строгостью—въ ходу были линейки, толчки и даже пощечины... Теперь и понятія себѣ не могутъ составить, какъ тогда было строго—и при общественномъ и при домашнемъ воспитаніи... Я не скажу, чтобы лично былъ-бы за строгость, но я врагъ и распущенности,—дисциплина воли должна быть непремѣнна... и прежде была дѣйствительно дисциплина, теперь-же ея немного, а то и вовсе нѣтъ...

Весь поглощенный музыкой, я не помню когда и какъ обучился грамотѣ. На 11-мъ году я уже путешествую по Европѣ. Являлся я на эстрадахъ всюду и всегда въ тотъ возрастъ—безъ

весьма несчастливъ въ бракѣ.—Онъ скончался лѣтъ 70-ти, не такъ давно, въ Лѣсномъ, и послѣ его кончины, кромѣ нѣсколькихъ скрипокъ и сущей бездѣлицы денегъ, ничего не осталось; умеръ какъ артистъ—бѣднякомъ. **А. Р.**

[1]) Изъ статьи, тогда же, въ 1839 г., помѣщенной въ московскомъ журналѣ «Галатея», видно, что въ этомъ первомъ своемъ публичномъ концертѣ А. Г. Рубинштейнъ исполнилъ: аллегро изъ концерта Гуммеля, съ акомпаниментомъ оркестра г. Теплова, анданте Тальберга и четыре маленькія пьесы: Фильда, Листа, Гензельта... См. «Русскую Старину», изд. 1888 г., т. LVII, мартъ, стр. 812. Въ той же «Галатеѣ» 1839 г., ранѣе отзыва объ А. Г. Рубинштейнѣ, перепечатаннаго въ «Русской Старинѣ», былъ помѣщенъ еще отзывъ объ этомъ «мальчикѣ-артистѣ»; мы его перепечатали далѣе, въ приложеніи № 1. **М. С.**

малѣйшей робости; я просто смотрѣлъ на мои концерты какъ на игрушку, какъ на забаву, т. е. относился къ нимъ какъ ребенокъ, которымъ и былъ. Впрочемъ, и на меня такъ смотрѣли. Какъ теперь помню, когда въ 1843 году я привезенъ былъ Виллуаномъ прямо изъ-заграницы въ С.-Петербургъ, то послѣ одного съ благотворительною цѣлью даннаго концерта — обласканный императрицею Александрою Θеодоровною, я, по ея желанію, былъ поставленъ на столъ.

II.

Въ Парижѣ. — Листъ, Шопенъ и друг. знаменитости.—Въ Голландіи. — Дѣти-артисты.—Въ Лондонѣ.—Музыкальная память.—Раздробленная и единая Германія. — Въ Зимнемъ дворцѣ. — Императоръ Николай и его августѣйшая семья.

1840—1843.

Поѣздка моя заграницу, кажется въ декабрѣ 1840 г., состоялась такимъ образомъ. Матушка, все болѣе и болѣе озабочиваясь созданіемъ изъ меня возможно лучшаго піаниста, выразила Виллуану желаніе опредѣлить меня непремѣнно въ Парижѣ въ тамошнюю консерваторію. Виллуанъ одобрилъ это и вызвался лично меня туда доставить. Выѣхали изъ Москвы въ дилижансѣ, чрезъ Петербургъ. Въ Парижѣ однако опредѣленіе мое въ консерваторію не состоялось—то находили меня слишкомъ малымъ по возрасту, то слишкомъ далеко ушедшимъ въ музыкальномъ искусствѣ, а я думаю, что просто Виллуанъ, смотрѣвшій на меня, какъ на собственное созданіе, не желалъ со мной разстаться и уступить мое дальнѣйшее музыкальное воспитаніе кому-бы то ни было, хотя-бы консерваторіи парижской... Такъ или иначе, но меня туда не сдали... Надо замѣтить и то, что тогда въ Европѣ была точно какая полоса на „чудесныхъ дѣтей“, т. е. на 10-ти—12-ти лѣтнихъ ребятъ обоего пола, одаренныхъ тѣми или другими дарованіями, и ихъ показывали, игрѣ ихъ дивились какъ феноменальной... Такъ дивились и мнѣ... Цѣлый годъ оставался я въ Парижѣ, но никакихъ другихъ уроковъ, кромѣ занятій музыкой съ Виллуаномъ, не имѣлъ; мой наставникъ точно ревниво оберегалъ меня отъ другихъ: этого-де ученика никто не трогай! Давалъ я нѣсколько разъ концерты, обыкновенно въ залахъ той или другой знаменитѣй-

шей фортепіанной фабрики, напр. у Эрара и другихъ. На одномъ изъ такихъ концертовъ присутствовали Листъ, Шопенъ, Леопольдъ фонъ-Майеръ и другія музыкальныя знаменитости. Концертъ этотъ данъ былъ въ 1841 году, въ концѣ года, при большомъ стеченіи публики, и не съ благотворительною цѣлью, а прямо въ мою пользу. Игралъ впрочемъ не я одинъ, весь вечеръ играли и пѣли... Я уже въ то время игралъ съ скрипачемъ, бельгійцемъ Вьетаномъ... Не припомню программы концерта... Одна изъ программъ дѣтскихъ моихъ концертовъ 1841 г. сохранилась до сихъ поръ и мнѣ ее показывали еще въ недавнее время въ бытность мою въ Голландіи.—Успѣхами моими Виллуанъ былъ очень доволенъ; что до меня, то я, повторяю, смотрѣлъ на все это, какъ на забаву и игрушку для себя. Надо при этомъ сказать, что не смотря на то, что мой наставникъ былъ человѣкъ строгій, я былъ ужасный шалунъ, сорви-голова. И сколько людей я перевидѣлъ тогда, и какихъ замѣчательныхъ людей! Знакомствъ сдѣлалъ массу, приглашали меня изъ семьи въ семью, но вслѣдствіе ранняго моего возраста многое не сохранилось въ моей памяти; помню, впрочемъ, ясно мой первый визитъ къ Шопену; я объ этомъ еще недавно разсказывалъ на моихъ историческихъ лекціяхъ... Лѣтъ девять спустя послѣ того, какъ я видѣлъ Шопена, онъ умеръ.

Годъ пребыванія въ Парижѣ пролетѣлъ для меня какъ мигъ, и для развитія моего не принесъ мнѣ рѣшительно ничего...

Голландскій дворъ былъ первымъ, по времени, изъ дворовъ коронованныхъ лицъ, при которомъ я явился. Королева нидерландская Анна Павловна — тогда еще не была глуха, — любила и знала музыку и, по ея приглашенію, я игралъ у нея во дворцѣ. Это совпало какъ разъ съ бытностью у королевы въ гостяхъ — ея августѣйшаго племянника, великаго князя Константина Николаевича, который, въ сопровожденіи своего наставника Литке, впервые путешествовалъ тогда (13-ти или 14 ти лѣтнимъ юношею) по Европѣ и уже обращалъ на себя вниманіе умомъ, любезностью и находчивостью. Великій князь обошелся со мной чрезвычайно любезно и предупредительно...

Черезъ Голландію везъ меня Виллуанъ въ Германію—по совѣту Листа. Этотъ піанистъ былъ тогда въ апогеѣ его славы и величія; въ области музыки это былъ царь, богъ, — его при-

говоры и указанія были—святы и непреложны. Именно онъ и указалъ Виллуану везти меня, для довершенія музыкальнаго моего образованія, въ Германію. И вотъ мы совершили поѣздку чрезъ Голландію, Англію, Норвегію, Швецію въ Германію, и всюду, куда только являлись, давали концерты. Въ то время, какъ я уже говорилъ, была мода на дѣтей-виртуозовъ, ихъ было тогда довольно много, такая ужъ видно подошла на нихъ полоса. Между прочими припоминаю Софію Бореръ; романическая и даже трагическая судьба связана съ ея жизнью; я не знаю умерла ли она или, какъ говорятъ нѣкоторые, она еще жива; тогда же были мальчики-піанисты Фильчъ, англичанинъ Пальмеръ, дѣвочки—двѣ сестры—Марія и Тереза Миланоло, скрипачки, и другія. Успѣху ихъ содѣйствовало и то, что тогда, именно до 1848 года, была какая-то манія на виртуозность. Листъ стоялъ во главѣ этого направленія—требовалась именно виртуозность. необыкновенная щеголеватость и блескъ въ выполненіи; революція 1848 г., много измѣнивъ въ политикѣ государствъ, внесла совершенно новое направленіе и въ музыкѣ: явилось требованіе на самую суть искусства, и вотъ дошли до чертиковъ—до Вагнера!...

Въ Лондонѣ я былъ весьма привѣтливо принятъ молодою и красивою тогда королевой Викторіей, а вслѣдъ за нею и всѣмъ высшимъ обществомъ... 12-ти лѣтній мальчикъ, я не смущался и среди чопорныхъ миссъ, лэди и напыщенныхъ лордовъ—робости у меня вовсе не было. Музыкальная память моя дѣйствительно и тогда, и значительно послѣ, до пятидесятилѣтняго возраста, была—громадна, но съ 50-ти лѣтъ я чувствую, что она не то, что начинаетъ слабѣть, а появилась какая-то мнительность, что-то вызываетъ то чувство боязни, которое охватываетъ меня нерѣдко въ тѣхъ случаяхъ, когда я нахожусь на эстрадѣ, за роялемъ, предъ многочисленною публикою.... Трудно представить себѣ какое тяжелое это чувство боязни, что вотъ-вотъ, въ тотъ или другой моментъ, память мнѣ измѣнитъ и я забуду или перевру то или другое мѣсто въ исполняемой пьесѣ; играть же по нотамъ — дѣло для меня непривычное, да и публика не привыкла видѣть меня за нотами. Думать, что если я забуду нѣкоторыя мѣста въ выполняемой пьесѣ, то могу ихъ возмѣстить отъ себя — нельзя, такъ какъ въ эту минуту является сознаніе, что въ средѣ слушателей, конечно, множество лицъ,

которыя отлично знаютъ выполняемую пьесу и всякую неточность въ передачѣ ея легко замѣтятъ. Все это, повторяю, весьма болѣзненно дѣйствуетъ на меня и зачастую испытываешь за рояломъ такія муки, какія лишь инквизиція могла бы выдумать, и это въ то время, когда публика, слушая, полагаетъ, что я совершенно покоенъ! Да! но эта боязнь за измѣну памяти и эта тревога являются у меня лишь съ пятидесятилѣтняго возраста; до того, а тѣмъ болѣе въ тотъ ранній періодъ, о которомъ я разсказываю, ничего подобнаго со мною не было...

Я былъ, между прочимъ, весь въ распоряженіи покойнаго Виллуана; имъ составлялись программы концертовъ, и онъ меня держалъ въ большой дисциплинѣ; его велѣнія исполнялись мною безпрекословно. Впрочемъ, я былъ самый шаловливый и здоровый мальчикъ...

Въ Германіи мы посѣтили Пруссію, Австрію, Саксонію, были при самыхъ разнообразныхъ дворахъ владѣльцевъ тогдашней Германіи... И надо признать тотъ непреложный фактъ, что тогдашняя раздробленность Германіи—сослужила ей величайшую службу въ наукѣ, въ литературѣ и въ искусствахъ. Теперь Германія—едина, политически сильна, но она уже не идетъ съ такими громадными успѣхами въ области литературы, искусства и науки, какъ шла и развивалась въ то время!

Въ 1843 году изъ четырехъ-лѣтней заграничной поѣздки явились мы въ С.-Петербургъ. Меня не замедлили призвать въ Зимній дворецъ и представили августѣйшей фамиліи. Императоръ Николай Павловичъ съ первой же встрѣчи отнесся ко мнѣ съ тою привѣтливостью, которая въ немъ, когда онъ того желалъ, была такъ невыразимо очаровательна. Онъ обнялъ меня и шутливо сказалъ:

— «А, здравствуйте—ваше превосходительство!»

При игрѣ въ то время я всецѣло подражалъ Листу; я усвоилъ съ поразительною точностью всѣ его манеры, движеніе тѣла, рукъ, откидываніе волосъ, всѣ тѣ фантастическіе пріемы, какими сопровождалась его игра; это вызывало, конечно, улыбку у тѣхъ, кто видѣлъ и слышалъ Листа, а быть можетъ усиливало и интересъ къ мальчику-виртуозу. Концерты для публики были даны мною въ домѣ Энгельгардта, у Казанскаго моста. Сопровождались они успѣхомъ. Меня осыпали отъ двора подарками,—под-

ношенія отъ публики тогда еще не были въ модѣ; изъ Германіи я вывезъ также много подарковъ, но, конечно, щедрѣе и роскошнѣе петербургскихъ — я нигдѣ не видѣлъ; въ особенности, если что дарилось тутъ-же, послѣ концерта, во дворцѣ—то было вполнѣ изящно и нерѣдко весьма цѣнно; то, что получалось позже, на дому, чрезъ канцелярію,—уже не представляло такой цѣнности,

Я упомянулъ о тогдашней подражательности моей Листу. Слышалъ я его предъ тѣмъ въ Парижѣ очень часто; былъ онъ тогда въ 1839 — 1848 гг., какъ я уже сказалъ, въ апогеѣ своего величія и славы, и могу прямо сказать, что его игра уже въ то время на меня, мальчугана, произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Въ другомъ родѣ, но не менѣе также сильное, въ музыкальномъ смыслѣ, впечатлѣніе произвелъ на меня въ то время—Рубини. Невозможно нынѣ представить себѣ до чего очарователенъ былъ голосъ этого пѣвца и вся его манера выполненія самыхъ трудныхъ для артиста пьесъ. Онъ рѣшительно овладѣвалъ восторженными слушателями... Довольно сказать, что когда лучшія силы итальянской оперы приглашены были изъ Парижа въ Петербургъ, то пѣніе Рубини нерѣдко вызывало слезы умиленія и восторга—у кого бы вы думали—у самого императора Николая Павловича! Представьте себѣ Николая Павловича плачущимъ! Рубини произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что я въ игрѣ своей на фортепіано старался даже подражать его пѣнію..

Съ чувствомъ глубокой признательности вспоминаю я о тѣхъ ласкахъ, какимъ осыпали меня тогда въ августѣйшемъ семействѣ государя Николая Павловича. Вел. князь Константинъ Николаевичъ уже предварилъ императрицу-мать, сестеръ и братьевъ о встрѣчѣ и знакомствѣ со мной въ Голландіи, много сказалъ обо мнѣ хорошаго и, начиная съ августѣйшей его матушки и до всѣхъ его сестеръ, всѣ ко мнѣ были весьма благосклонны. И что это была за прекрасная семья! Юноши-князья всѣ какъ на подборъ молодцы, сестры ихъ одна другой краше... Императрица Александра Ѳедоровна любила музыку. Императоръ Николай, какъ извѣстно, самъ былъ въ своемъ родѣ музыкантъ и художникъ, любилъ вообще искусства, оттого и искренно имъ покровительствовалъ. Въ немъ была музыкальная жилка и способность усвоенія слышаннаго: однажды, напр., я самъ слышалъ, какъ онъ выполнилъ

у себя цѣлую оперу—Фенелу, насвистывая ее изъ ноты въ ноту; музыку балета Катарина или дочь разбойника (такъ кажется?) онъ зналъ всю наизусть... Но о немъ я еще скажу далѣе...

III.

Возвращеніе въ Москву.—Отъѣздъ съ матерью въ Берлинъ.—Контрапунктистъ Денъ.—Мендельсонъ и Мейерберъ.—Кончина отца.—Братъ Николай.—Первое мое произведеніе въ печати.—Отзывъ о немъ Роб. Шумана.—Переѣздъ въ Вѣну.

1843—1846.

Наконецъ, я опять въ Москвѣ у родителей. Денегъ я къ нимъ не привезъ: деньги, добытыя во время путешествія съ концертовъ, пошли на покрытіе издержекъ и вообще на мой съ Виллуаномъ прожитокъ; но привезъ я нѣсколько драгоцѣнныхъ подарковъ. Различныя вещи, осыпанныя брильянтами и алмазами такой цѣнности, какой нынѣ, конечно, не дарятъ уже артистамъ. Время тогдашнихъ подарковъ прошло. Подарки эти были отъ особъ августѣйшихъ фамилій, русской и иностранныхъ, а также отъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ; отъ публики же подношеній, какъ я уже сказалъ, не было. Не было моды и на лавровые вѣнки, за то теперь кому, кому только ихъ ни подносятъ! Нужды семьи были велики. Подарки—отправлены въ залогъ, въ ломбардъ; взятыя подъ нихъ деньги прожиты; вещи, конечно, никогда не были выкуплены.

Матушка, между тѣмъ, была не вполнѣ довольна музыкальными моими успѣхами; умная и заботливая моя наставница, она справедливо замѣтила, что въ смыслѣ музыкальнаго усовершенствованія, въ смыслѣ серьезности образованія мною сдѣлано было не много; что если я буду продолжать давать концерты, то далеко не уйду, и что мнѣ необходимо весьма серьезно поучиться. И вотъ она немедля рѣшается ѣхать въ Берлинъ и везетъ туда меня, сестру Любу и брата, Николая Григорьевича, который, кромѣ хорошей музыкальной техники, весьма рано проявилъ себя какъ композиторъ: пяти лѣтъ отъ роду братъ Николай уже сочинялъ.

Въ 1844 году мы водворились въ Берлинѣ. Съ Виллуаномъ

было, такимъ образомъ, все кончено и съ 13 лѣтъ отъ рожденія я былъ уже самъ своимъ учителемъ. Пробылъ я въ Берлинѣ до 1846 года. Во все это время я бралъ уроки теоріи музыки у знаменитаго контрапунктиста Дена; тамъ же, въ Берлинѣ, учился я языкамъ, которые мнѣ дались безъ особаго труда, даже весьма легко; русскому языку, т. е. грамматикѣ, а также закону Божіему учился я въ то же время у священника православной церкви о. Дормидонта Соколова [1]); дочь его, въ замужествѣ А. Д. Кочетова, подъ псевдонимомъ Александрова, сдѣлалась впослѣдствіи довольно извѣстной пѣвицей; она была потомъ профессоромъ въ московской консерваторіи; для другихъ предметовъ общеобразовательнаго курса были у меня тогда и другіе учителя.

Въ Берлинѣ, по концертамъ, какіе я давалъ тамъ ребенкомъ, меня многіе знали, но въ это время (1844—1846 гг.) я концертовъ тамъ не давалъ, а просто игралъ иногда въ обществѣ и въ клубахъ. Когда въ тѣ же годы императрица Александра Ѳедоровна посѣтила Берлинъ, тогда я съ братомъ были приглашены играть въ ея присутствіи и встрѣтили со стороны государыни обычную ласку и привѣтливость. Данные намъ драгоцѣнные подарки были тогда-же проданы и послужили подспорьемъ въ нашей жизни въ Берлинѣ.

Что касается до моего наставника въ теоріи музыки Дена, у котораго, между прочимъ, бралъ впослѣдствіи уроки и М. И. Глинка (Денъ нѣсколько его пережилъ,—онъ умеръ въ началѣ 1860-хъ годовъ), то это былъ, несомнѣнно, лучшій контрапунктистъ въ Европѣ; другой былъ Марксъ, но тотъ уступалъ Дену.

Я сталъ у него брать уроки теоріи музыки по совѣту Мендельсона и Мейербера. Оба эти свѣтила музыки были хорошими знакомыми матушки, которая посѣщала ихъ въ Берлинѣ и спрашивала у нихъ указаній относительно моего музыкальнаго образованія. Каждое воскресенье я съ братомъ Николаемъ акуратно посѣщали Мендельсона и Мейербера. Денъ былъ въ высокой степени свѣдущъ по своей части; онъ умѣлъ передавать свои обширныя знанія и имѣлъ въ этомъ отношеніи много такту.

---

[1]) Сынъ его, извѣстный нынѣ профессоръ и директоръ «Училища гражданскихъ инженеровъ» въ С.-Петербургѣ, гласный Думы, Д. Д. Соколовъ.
М. С.

Кромѣ Глинки у Дена было много знаменитыхъ учениковъ, напр. Фридрихъ-Киль и друг. Въ общемъ Денъ былъ большой оригиналъ. Я впрочемъ взялъ у него уроковъ не много, такъ какъ въ 1846 году уѣхалъ уже въ Вѣну одинъ, шестнадцатилѣтнимъ юношей. Съ этого времени начинается моя вполнѣ самостоятельная жизнь, въ которой горе и радость, довольство съ самыми тяжкими лишеніями, просто даже съ голодовкою, перемежались точно такъ, какъ это было, да нерѣдко и будетъ въ жизни другихъ общественныхъ дѣятелей.

Въ томъ же, 1846 году, отецъ мой умеръ; матушка уѣхала съ Любой и Николаемъ въ Москву, гдѣ Николай поступилъ въ университетъ; но музыкальные уроки, которые онъ давалъ во множествѣ, и участіе въ безчисленныхъ концертахъ не давали ему ни досугу, ни возможности учиться такъ, какъ бы то слѣдовало студенту университета. Къ нему, впрочемъ, всѣ профессора относились въ высшей степени добродушно и снисходительно; братъ Николай, такъ либо иначе, но кончилъ курсъ университетскій дѣйств. студентомъ или кандидатомъ,—не помню.

Ко времени пребыванія моего въ Берлинѣ относится первое появленіе въ печати музыкальнаго моего сочиненія; оно было издано Шлезингеромъ, однимъ изъ мѣстныхъ издателей музыкальныхъ произведеній въ 1843 году: то былъ маленькій этюдъ, написанный мною еще въ 1842 году, для фортепіано, — пьеска на поэтическую сказку „Ундина“, одна изъ водяныхъ богинь; пьеска, вѣроятно, была еще одобрена Виллуаномъ, но въ сущности ничего собой не представляла, — такъ, переливанье изъ пустаго въ порожнее [1]). Тогда же въ Кельнѣ изданы были двѣ музыкальныя мои вещицы, одна даже съ моимъ портретомъ.

Едвали надо говорить, что какъ тогда, такъ и въ ближайшіе послѣдующіе годы—произведенія мои либо ничего не давали мнѣ и я считалъ себя счастливымъ, если находилъ издателя, какъ то обыкновенно бываетъ съ начинающими композиторами, либо — давали такіе гроши, что о нихъ не стоитъ и упоминать.

---

[1]) Пьеса эта, о которой такъ стро́го отзывается А. Г. Рубинштейнъ, была, однако, тогда же, въ 1842 году, замѣчена знаменитымъ Робертомъ Шуманомъ и онъ далъ о ней въ печати весьма добрый отзывъ. См. его «Gesammelte Schriften über Musik und Musiker», Leipzig. — Далѣе, въ приложеніяхъ, мы помѣстили выписку этого отзыва и переводъ съ него, весьма обязательно сообщенные намъ г-жею М. П. Давыдовой. М. С.

IV.

Въ Вѣнѣ.—Листъ.—Рекомендательныя обо мнѣ письма.—Голодовка и творчество.—Визитъ ко мнѣ Листа.—Уроки.—Переѣздъ въ Берлинъ.

1846—1848.

Въ Вѣну я отправился въ 1846 году потому, что этотъ городъ былъ однимъ изъ главныхъ тогда музыкальныхъ центровъ въ Европѣ, притомъ тамъ былъ царь музыки Листъ и я расчитывалъ на его сильную поддержку и протекцію. Надежды эти, однако, на первый разъ были сильно умалены сухимъ, сдержаннымъ пріемомъ Листа. Онъ мнѣ сказалъ, что человѣкъ способный долженъ достигать всего самъ, не расчитывая ни на какую поддержку. Это меня отъ него на время отшатнуло. Я сдѣлалъ нѣсколько визитовъ. Со мной было десятокъ или полтора рекомендательныхъ писемъ отъ N. N., тогдашняго русскаго посланника въ Берлинѣ, и его жены. Дѣлая визиты, я оставлялъ эти письма... Жду по нимъ отвѣтовъ или приглашеній, мнѣ одинъ отвѣтъ—молчаніе. Такъ было на первое, второе, третье, четвертое письмо, мною оставленныя. Что за оказія! Это меня поразило. Дай, думаю, посмотрю, что̀ обо мнѣ писано въ тѣхъ рекомендательныхъ письмахъ, которыхъ порядочная еще кучка лежала предо мною: вскрываю одно, и что-же оказывается! Посланникъ или его любезная супруга рекомендуютъ меня въ такихъ выраженіяхъ, что де: „Милѣйшая графиня такая-то! Съ тѣмъ званіемъ и положеніемъ, каковыя мы, посланникъ и его жена, занимаемъ, соединена прескучная обязанность оказывать протекцію и рекомендовать разныхъ лицъ изъ нашихъ соотечественниковъ, въ удовлетвореніе ихъ по сему предмету, нерѣдко настоятельныхъ, просьбъ; а потому де рекомендуется вамъ податель сего нѣкій Рубинштейнъ». Вотъ тебѣ и разъ! для меня тогда стало понятнымъ то молчаніе, какимъ отвѣчали мнѣ на эти письма, и вотъ всѣ остальныя грамотки —немедленно полетѣли у меня въ печку.

Въ Вѣнѣ имѣлъ я уроки: большинство были грошовые; я жилъ на самой вышкѣ громаднаго дома, чуть не на чердакѣ; нерѣдко случалось, что дня по два, по три я не имѣлъ чѣмъ заплатить за обѣдъ въ ближайшемъ ресторанѣ и потому оставался безъ обѣда; обстановки въ квартирѣ почти не было ника-

кой, за то всѣ углы и полъ комнаты усѣяны были моими сочиненіями! И какъ много тогда я писалъ, и чего—чего только я не писалъ! Такъ и ложилось все изъ-подъ пера на бумагу, когда жилось буквально впроголодь! Тутъ были всевозможныя пьесы: ораторіи, симфоніи, оперы, романсы; при этомъ не одни лишь музыкальныя произведенія—тутъ были и литературныя, критическія, чуть ли даже не философскія статьи; я даже составлялъ въ своей мансардѣ нѣчто въ родѣ газеты для единаго читателя—самого себя... А голодъ подчасъ такъ и прохватывалъ. Такое житье продолжалось года полтора... Бѣдствовалъ я иногда, повторяю, именно въ это время, въ сильнѣйшей степени. Словомъ, со мной повторилось все то же, что было до меня, да вѣроятно будетъ и послѣ меня для людей, пробивающихъ себѣ дорогу безъ поддержки... Къ Листу я такъ уже и не заглядывалъ—мѣсяца два сряду.

Продолжительное мое отсутствіе напомнило, однако, обо мнѣ Листу. Онъ вдругъ надумалъ сдѣлать мнѣ визитъ и поднялся ко мнѣ съ обычною свитою. То были его приближенные, его дворъ, безъ котораго онъ никуда не показывался: какой-то князь, графъ, какой-то докторъ, артистъ,—все его восторженные поклонники и исполнители его велѣній. Когда Листъ и его свита вошли ко мнѣ—всѣ они, и болѣе всѣхъ самъ маэстро, были, видимо, поражены тою обстановкою, среди которой я жилъ: видимо—она была для него совершенно неожиданная! Онъ тѣмъ болѣе полагалъ, что я живу совершенно обезпеченнымъ, что въ бытность свою въ Москвѣ посѣтилъ моихъ родителей и видѣлъ какъ живетъ все наше семейство. И вдругъ предъ нимъ кромѣшная бѣдность! Надо отдать полную справедливость его такту и добродушію: Листъ обошелся со мной самымъ дружескимъ образомъ и прежде всего поспѣшилъ меня пригласить въ тотъ-же день къ себѣ обѣдать, что было какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ голодъ давалъ уже мнѣ себя чувствовать.

Съ тѣхъ поръ я болѣе и болѣе сближался съ Листомъ и впослѣдствіи былъ въ искренно дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ до самой его кончины... Что до моего композиторства въ Вѣнѣ, то изъ тогдашнихъ моихъ твореній мало явилось въ печати; издателей въ Вѣнѣ всегда было много, но въ тѣ годы, 1846—1847 гг., моихъ сочиненій было напечатано лишь до десяти опусовъ (выпусковъ), при чемъ нѣкоторые были весьма

маленькія пьесы. Если за нѣкоторые изъ нихъ я получилъ по нѣсколько гульденовъ, то это было уже много, такъ какъ музыканты, по крайней мѣрѣ, въ началѣ своего творчества, получаютъ обыкновенно весьма мало за свои произведенія.

V.

Пребываніе въ Берлинѣ.—Вѣянія революціи.—На улицахъ Берлина.—Денъ.—Фантастич. затѣя.—Флейтистъ Гейндель и баронъ Фуль.

1848.

1848-й годъ засталъ меня въ Берлинѣ. Я туда переѣхалъ (въ 1847 г.) изъ Вѣны для той-же цѣли, для какой и тамъ жилъ, а именно быть въ средѣ музыкальнаго міра, давать уроки, играть и писать въ области музыки.

Попалъ я въ Берлинъ въ самый потокъ революціонныхъ идей. Все было взволновано, все и вся были въ какомъ-то напряженномъ, нервномъ состояніи... У меня была масса знакомыхъ среди литераторовъ, журналистовъ, газетчиковъ, артистовъ и вообще людей свободныхъ профессій... Все это волновалось, все это было возбуждено, точно всѣ были охвачены лихорадкой... Толчокъ былъ данъ изъ Вѣны и онъ, съ быстротою молніи, отразился въ Берлинѣ. Вспыхнула революція... Меня потянуло на улицу, и не мудрено,—мнѣ шелъ всего лишь девятнадцатый годъ... Я совершенно не сознавалъ, что мнѣ вполнѣ глупо соваться не въ свое дѣло; всѣ ихъ вожделѣнія должны были быть мнѣ совершенно чужды. Добродушнѣйшія мои хозяйки однако оберегали меня: онѣ не выпустили своего жильца-артиста въ день самой горячей свалки. Онѣ меня просто заперли. Я видѣлъ лишь изъ оконъ своей квартиры, на Bernstrasze, какъ созидались баррикады; но на другой день я уже былъ въ толпѣ на площади и видѣлъ затѣмъ всѣ сцены народной революціи... Видѣлъ я тогда и своего профессора Дена... Пожилой мужчина, извѣстный контрапунктистъ, съ ружьемъ въ рукахъ, расхаживалъ, въ качествѣ солдата народной гвардіи, часовымъ предъ какимъ-то казеннымъ зданіемъ...

И не думалъ я тогда, какой великій переломъ совершается

съ революціоннымъ движеніемъ 1848 года—не только въ политикѣ, но и въ искусствѣ!.. Моя жизнь такимъ образомъ совмѣщаетъ въ себѣ двѣ эпохи: до и послѣ 1848 года—двѣ эпохи совершенно разныя; вотъ почему она и можетъ представить впослѣдствіи нѣкоторый интересъ...

Я упомянулъ о Денѣ. Тогда-же, въ Берлинѣ, онъ спасъ меня отъ совершенія фантастической затѣи, которая могла кончиться для меня довольно печально. Въ бытность еще въ Вѣнѣ, въ 1847 году, познакомился я съ однимъ довольно хорошимъ музыкантомъ-флейтистомъ Гейнделемъ, съ которымъ я тогда-же сдѣлалъ концертную поѣздку по Венгріи. И вотъ мы оба, молодые еще люди, да нѣкій также нашъ знакомецъ баронъ Фуль, сговорились ѣхать искать счастья въ Америку. Путь лежалъ на Берлинъ, затѣмъ въ Бременъ или Гамбургъ—и на корабль, въ Новый Свѣтъ! Сказано—сдѣлано. Я—къ Дену, разсказываю ему: такъ, молъ, и такъ, ѣду искать счастья въ Америку.

— «Что вы, съ ума сошли, что-ли? восклицаетъ Денъ:—неужели въ Европѣ вы не найдете что̀ дѣлать; да вы еще такъ молоды, вы въ ней ничего еще не видѣли и вдругъ бросаетесь, очертя голову, въ Америку,—на всевозможныя бѣды и случайности!»

Ну, словомъ, Денъ такъ горячо и настойчиво меня уговаривалъ отказаться отъ моей затѣи, что я, наконецъ, увидѣлъ ея нелѣпость и измѣнилъ своимъ спутникамъ, не поѣхалъ съ ними. Тѣ, понятно, вознегодовали на меня. Гейндель, флейтистъ, вскорѣ затѣмъ былъ помолвленъ и однажды, когда ѣхалъ къ своей невѣстѣ, попалъ на мѣсто стрѣльбища, вздумалъ его переѣхать и палъ жертвою роковой случайности: его поразила пуля какого-то стрѣлка и онъ умеръ; что же касается до барона Фуля, то тотъ отправился таки въ Америку и, что бы вы думали! составилъ себѣ хорошее положеніе и крупное состояніе; но началъ онъ, какъ самъ мнѣ потомъ разсказывалъ, положительно съ того, что, какъ простой рабочій, разбивалъ въ щебенку камень для шоссе. Я его видѣлъ въ Америкѣ, въ 1872 году, во время моего тамъ артистическаго объѣзда; онъ былъ женатъ, имѣлъ дочерей и выглядывалъ человѣкомъ вполнѣ довольнымъ и счастливымъ.

Оставшись, по совѣту Дена, въ Берлинѣ, я продолжалъ

давать уроки и посѣщалъ Мендельсона, Мейербера... Нѣкоторые уроки были весьма хорошие, т. е. платили очень изрядно, но какъ тогда въ Берлинѣ, такъ и позже въ Петербургѣ, жилъ я, какъ артистъ, довольно безалаберно: есть деньги - пиръ горой, нѣтъ денегъ—живу впроголодь. Иной разъ, бывало, безденежье до того сожметъ, что возвращаешь билеты-квитанціи за уроки и пишешь, что такъ какъ «по множеству занятій не могу продолжать уроковъ въ этомъ семействѣ, то и прошу уплатить до срока или до условнаго количества билетовъ по тѣмъ, которые при семъ-де возвращаю». Присылаютъ деньги и иногда случается настолько разсердятся, что разстаются, не берутъ уже больше у меня уроковъ и не приглашаютъ ихъ продолжать.

Ну, конечно, когда загорѣлась революція, тутъ ужъ было не до музыки! Уроки прекратились, концертовъ никто не давалъ, вообще музыкѣ и музыкантамъ довелось положить зубы на полку и мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ поскорѣй убираться восвояси... Я и отправился въ Петербургъ.

VI.

На границѣ отечества.—Пріѣздъ въ С.-Петербургъ.—Три исторіи.

1849.

То было, кажется, уже въ 1849 году или-же въ концѣ 1848-го года, не помню. Уложилъ я свой скудный багажъ, набилъ большой сундукъ нотами, то была масса моихъ непечатныхъ еще произведеній—плоды трудовъ юнаго композитора, и съ полнымъ простодушіемъ человѣка, ни въ чемъ неповиннаго, отправился въ Россію.

На границѣ останавливаютъ: —«Пожалуйте паспортъ», спрашиваетъ соотечественникъ.

— Какой паспортъ?

— Какъ какой? извѣстно, какой; неужели вы не знаете, что каждый, кто въѣзжаетъ къ намъ, въ Россію, долженъ имѣть паспортъ?

А я впрямь совершенно забылъ объ этомъ, вѣрнѣе—даже вовсе этого не зналъ. Дѣло въ томъ, что когда въ Берлинъ при-

везла меня матушка, я былъ тогда еще ребенкомъ (въ 1844 г.); я, братъ и сестра—всѣ мы значились въ общемъ съ матушкою паспортѣ. Затѣмъ я уѣхалъ въ Вѣну, матушка съ моими сестрой и братомъ и съ своимъ общимъ паспортомъ въ Москву, а я такъ и остался «безъ всякаго вида», въ каковомъ во всѣ три года, 1847—1848—1849, и не оказалось надобности ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ, ни въ другихъ городахъ Германіи. Но какъ только ступилъ на родную землю (сколько помню, то было въ Масловицахъ), меня и огорошили требованіемъ:

— «Паспортъ, паспортъ, пожалуйте паспортъ!!»

Я объясняюсь. Съ трудомъ вѣрятъ моей наивности. «Пожалуйте вашъ багажъ, это у васъ съ чѣмъ сундукъ? Ноты? что за ноты, это какія-то рукописи! Мы это запечатаемъ, тамъ разберутъ. Вотъ вамъ квитанція. Вы куда ѣдете? въ Петербургъ, но на Варшаву; предъявите тамъ квитанцію, сундукъ вамъ выдадутъ».

Какъ ужъ меня затѣмъ пропустили—не помню, но въ Варшавѣ я своего сундука не получилъ, мнѣ было сказано явиться въ Петербургъ къ какому-то Февилю, «тамъ-де онъ вамъ выдастъ ваши вещи».

Наконецъ, я въ С.-Петербургѣ послѣ шестилѣтняго изъ него отсутствія; но въ 1843 г. я былъ въ немъ балованнымъ ребенкомъ, а теперь въѣхалъ въ него самымъ простодушнымъ, вовсе не знакомымъ съ родными порядками молодымъ человѣкомъ! Ну и довелось же мнѣ испытать на первыхъ порахъ всю прелесть этихъ порядковъ, довелось испить самую горькую чашу! Слушайте.

Остановился я въ Петербургѣ въ гостинницѣ. На первыхъ порахъ не припомнилъ—кто у меня знакомые. Одинъ—какъ въ лѣсу—20-ти лѣтній юноша. Ранехонько—ко мнѣ входятъ.

— «Пожалуйте паспортъ».

— Какой паспортъ, у меня его нѣтъ.

— «Какъ нѣтъ! мы васъ держать не можемъ, извольте убираться!»

Вотъ она шутка-то плохая! Вспоминаю я про знакомаго, почти моего товарища съ дѣтства, Шарля Леви—любителя-музыканта, маленькаго по росту человѣчка (онъ умеръ лѣтъ пять тому назадъ). Бѣгу, разыскиваю его гдѣ-то въ Графскомъ переулкѣ. Такъ и такъ—не хотятъ держать въ гостинницѣ, гонятъ, требуютъ паспортъ. «Переночуй у меня,—говоритъ,—тамъ подумаемъ, что

дѣлать». На утро дворникъ — «Пожалуйте паспортъ» Ну чортъ знаетъ что̀ такое - дался имъ этотъ паспортъ! Я пойду, говорю, къ оберъ-полиціймейстеру. Былъ тогда имъ нѣкій генералъ Галаховъ. Прихожу и говорю какому-то чиновнику въ пріемной—что вотъ-де пріѣхалъ я изъ заграницы, знать ничего не знаю о паспортѣ, съ меня его требуютъ... Тотъ оглядѣлъ меня съ величайшимъ недоумѣніемъ. «Подождите», говоритъ. Пріѣзжаетъ Галаховъ. Чиновникъ докладываетъ: «Пришелъ какой-то Рубинштейнъ, пріѣхалъ изъ заграницы и никакого у него паспорта нѣтъ, вотъ онъ!» — «Какъ, что, что такое!» заревѣлъ на меня Галаховъ и налетѣлъ: «гдѣ, гдѣ онъ живетъ, гдѣ былъ, откуда?! узнать, послать, сейчасъ узнать! въ чьемъ домѣ, у кого? какъ смѣлъ! оштрафовать!»...

Да что-же это такое, думаю я,—дался имъ этотъ паспортъ! Да вѣдь знаютъ же меня здѣсь многіе—знаютъ князь Львовъ, графъ Строгановъ, графъ Віельгорскій... пойду къ нимъ, что же это со мной здѣсь дѣлаютъ! Не знаю, какъ Галаховъ меня выпустилъ, спѣшу къ графу Матвѣю Віельгорскому. Такъ, молъ, и такъ. У того лицо даже вытянулось. Вѣдь, не забудьте, какое было тогда время—1849-й годъ!

— Это дѣло серьезное, говоритъ графъ,—дайте я напишу письмо къ Галахову, что знаю васъ, а между тѣмъ, пишите скорѣе къ матушкѣ, хлопочите о паспортѣ.

Написалъ я къ матери; ей довелось писать въ Бердичевъ, чтобы тамъ отъ ратуши выдали мнѣ особый видъ на жительство; пока это идетъ переписка—отправляюсь опять къ Галахову. Представляю ему письмо графа Віельгорскаго. Прочелъ.....

— «Никуда и ни къ чему это не годится, говоритъ, — это ровно ничего не значитъ письмо, — какъ безъ паспорта смѣть сюда показаться!!!» и все это на меня окрикомъ: «Чтобы въ двѣ недѣли былъ у тебя паспортъ!! Слышишь!»

Слышу и думаю: да что-же ты такъ горячишся, вѣдь тутъ есть начальство и повыше тебя. Иду къ генералъ губернатору; былъ тогда имъ Шульгинъ. Прихожу, только что я разинулъ предъ его превосходительствомъ ротъ, а онъ какъ гаркнетъ:

— «Въ кандалы! въ кандалы тебя закую! Въ Сибирь, по этапу сошлю!» (тогда у насъ, въ Россіи, генералы людямъ въ моемъ положеніи всегда говорили ты).

Я такъ и обомлѣлъ. Двадцати лѣтній молодой человѣкъ, прямо

изъ европейскихъ центровъ цивилизаціи, изъ міра искусствъ, художествъ и науки—является на родину и вотъ что его здѣсь встрѣчаетъ!

Не помню, какъ я вышелъ отъ Шульгина; какъ и почему онъ не привелъ въ исполненіе своей угрозы—не знаю... Но что могъ исполнить, это понятно само собой... Я помню только, что мнѣ ужасно было тяжело на душѣ.

Дни проходили—паспорта нѣтъ; я у знакомыхъ,—таковые оказались,—гдѣ день, гдѣ ночь. Всюду разсказываю о томъ, что случилось со мной. Между тѣмъ былъ при дворѣ балъ или концертъ, не знаю, но было собраніе, съѣздъ. Всѣ мои баре, кому только я разсказалъ о Шульгинѣ и Галаховѣ, всѣ на нихъ напустились. «Что вы дѣлаете съ Рубинштейномъ? мы его всѣ знаемъ, онъ былъ принятъ при дворѣ, давалъ концерты въ царскомъ семействѣ, какъ же вы съ нимъ поступаете!» — ну, словомъ, приперли ихъ... Прихожу на другой день къ Галахову. Жду въ пріемной часъ, два, три... и все вѣдь это стоя, сѣсть не имѣю права, да и не я одинъ, всѣ, кто ждали его превосходительство, тогда обыкновенно стояли! Да, нечего сказать, было времячко! Наконецъ, зовутъ въ кабинетъ.

— «Ну, братецъ, о тебѣ мнѣ говорили тамъ, во дворцѣ, разсказывали, что ты такой, да этакой музыкантъ, — не больно я этому вѣрю; такъ поди сейчасъ къ начальнику моей канцеляріи Ч е с н о к о в у (такъ, кажется?), и сыграй ему что-нибудь, чтобъ мы знали, что ты и впрямь музыкантъ! А онъ, Чесноковъ, у меня понимаетъ м у з ы к у!»—и все это было сказано г. оберъ-полицiймейстеромъ въ невыразимо презрительномъ тонѣ.

Привели меня къ Чеснокову (боюсь, не путаю-ли я эту фамилію). Нашлось у него какое-то мизерное фортепіано. Сѣлъ онъ, сѣлъ и я, и все, что было у меня на сердцѣ горькаго, вся злоба и негодованіе на все, что со мною происходитъ, я излилъ въ томъ, что сталъ отбивать на клавишахъ этого инструмента! Я до того гремѣлъ, что фортепіано чуть не плясало подъ моими ударами и, казалось, что оно вотъ-вотъ развалится на двадцать-четыре куска; инструментъ былъ, впрочемъ, самый подлый и бѣшенству моему не было предѣловъ. Чесноковъ, однако, терпѣливо прослушалъ—и отправился со мной къ оберъ-полицiймейстеру.

— «Точно такъ ваше превосходительство, доложилъ началь-

никъ его канцеляріи,—Рубинштейнъ дѣйствительно музыкантъ, потому играетъ»...

«Ну, дай ему отсрочку на три недѣли!» проревѣлъ Галаховъ.

Я вышелъ съ отсрочкой...

Да, повторяю, было у насъ времячко, и въ особенности въ 1849-мъ году!

Паспортъ однако въ эти недѣли изъ Бердичева прислали; я былъ, наконецъ, человѣкъ «съ видомъ»...

Это первая со мной исторія въ родной сторонѣ; ну, вторая была не менѣе курьезна.

Иду я за своимъ музыкальнымъ единымъ сокровищемъ, за сундукомъ съ нотами... Какъ я уже сказалъ, то были рукописныя мои музыкальныя сочиненія, ими былъ набитъ цѣлый сундукъ,—то были мои труды за-трехъ-лѣтнее пребываніе въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Не могу припомнить — почему я пошелъ къ какому-то Февилю и что такое былъ этотъ человѣкъ? Былъ-ли онъ въ таможнѣ, въ цензурѣ, въ тайной или явной полиціи .. Только сундука моего онъ мнѣ не выдалъ.

— «Извольте видѣть, объяснилъ мнѣ онъ, хотя всѣ эти рукописи—ноты, но правительству извѣстно, что анархисты и революціонеры пишутъ свои воззванія и прочія ихъ бумаги условными значками, похожими и на ноты... Быть можетъ, это какой нибудь политическій шрифтъ?! обождите мѣсяцевъ пять, шесть: можетъ быть, вамъ и выдадутъ обратно ваши ноты».

Нечего дѣлать, я долженъ былъ уйдти, а потомъ я сталъ писать по памяти то, что хотѣлъ возстановить изъ моихъ композиторскихъ произведеній, а о злополучномъ сундукѣ и забылъ.

Чтобы покончить съ нимъ, однако, доскажу его судьбу. Прошло нѣсколько лѣтъ. Прихожу я какъ-то въ музыкальный магазинъ Бернарда. Тамъ мнѣ говорятъ: «а мы на дняхъ купили ваши автографы, нѣкоторые отрывки изъ музыкальныхъ пьесъ — вашего сочиненія, собственноручно вами написанныя».

— Гдѣ-же вы это ихъ купили?

— «А мы купили съ аукціона, продавалась какъ ненужная бумага—большая куча нотъ».

— Пошлите, пожалуйста, говорю,—купите и для меня.

— «Нѣтъ, ужъ поздно, всю кучу разобрали на потребу—хорошая нотная бумага».

Что же оказалось? Таможня-ли, цензура-ли, право—не помню, видя, что никто за сундукомъ не является—вызывала, вѣроятно, чрезъ публикацію въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» владѣльца сундука; владѣлецъ сундука, т. е. я, этихъ вѣдомостей не читалъ, за сундукомъ не явился и все его содержимое было продано съ аукціона на вѣсъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда я въ канцеляріи оберъ-полиціймейстера бралъ заграничный паспортъ — чиновникъ-паспортистъ тоже мнѣ похвасталъ, что и онъ у какого-то продавца старой бумаги купилъ нѣсколько отрывковъ изъ моихъ рукописныхъ сочиненій. Это было все изъ того же моего заграничнаго сундука.

А вотъ и еще исторія изъ того же злополучнаго 1849 года.

Пріѣхала въ Петербургъ Софія Бореръ (Sophie Bohrer), та самая знаменитая піанистка, которая еще въ дѣтскомъ возрастѣ давала съ успѣхомъ концерты. Давно съ ней знакомый, я сталъ ее посѣщать и въ первый же визитъ встрѣтилъ у нея въ студенческомъ костюмѣ какого-то господина. Не назову его фамиліи: быть можетъ онъ еще живъ и, въ такомъ случаѣ, конечно, давно генералъ, а быть можетъ—и умеръ. Онъ поспѣшилъ со мной познакомиться; отнесся ко мнѣ съ большимъ вниманіемъ, разыскалъ мою квартиру и, видимо, сталъ втираться въ мое знакомство. Рѣчи онъ велъ въ такомъ родѣ, что вотъ-де „вы пріѣхали изъ самыхъ интеллигентныхъ странъ, пріѣхали въ Россію, гдѣ ничего отраднаго не найдешь даже въ интеллигенціи; изъ странъ движенія и прогресса — прибыли вы прямо въ глушь, но что впрочемъ, и здѣсь, если вамъ то желательно, я готовъ васъ ввести въ такой кружокъ, гдѣ вы отведете душу въ бесѣдахъ о предметахъ, васъ интересующихъ“...

Я, ничего не подозрѣвая, отвѣчаю, что очень буду радъ познакомиться съ образованными людьми. — „Ну и прекрасно, ѣдемте въ эту субботу“. — Пріѣзжаетъ онъ въ назначенное время, везетъ меня куда-то на конецъ Большой Садовой улицы, за церковь Покрова; вводитъ въ какую-то квартиру и тамъ мы находимъ большое собраніе мужчинъ, молодыхъ и пожилыхъ, военныхъ и статскихъ; изъ военныхъ помню одного, то былъ Пальмъ, но я все не вижу хозяина. Спрашиваю о немъ, мнѣ отвѣчаютъ: „подождите, увидите, насъ всѣхъ позовутъ“. Наконецъ, раздается звонокъ, распахиваются двери и мы входимъ

въ большую комнату, гдѣ предъ эстрадою стоитъ рядъ стульевъ, какъ въ концертѣ. На эстраду входитъ красивый мужчина съ бородой и начинаетъ читать что-то въ родѣ соціалистическаго и коммунистическаго трактата,—сколько помню печатное. Все это меня чрезвычайно удивило и я не скрылъ своего удивленія отъ сосѣдей.—„Вотъ не ожидалъ, говорю я, встрѣтить что либо подобное здѣсь, въ Россіи! Я понимаю, что такія чтенія и такіе мысли и принципы высказываются за границей,—тамъ есть для этого почва, условія быта и строй общественный совершенно другіе; но у насъ, въ Россіи, всѣмъ этимъ принципамъ не можетъ быть мѣста! И строй нашей жизни и наши учрежденія ни мало не подходятъ къ тому, чтобы у насъ развивались идеи, подобныя тѣмъ, какія намъ здѣсь читаютъ“!

Высказалъ я это не обинуясь всѣмъ, кто хотѣлъ меня слушать на этомъ вечерѣ — у Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевскаго,—то былъ онъ,—и, можете представить, это только обстоятельство меня, какъ надо полагать, и спасло впослѣдствіи! Впрочемъ, Петрашевскій бывалъ у меня потомъ, на квартирѣ Лури, на Большой Морской, на каковой квартирѣ давалъ мнѣ читать разныя либеральныя на иностранныхъ языкахъ книги, мы съ нимъ толковали о конституціи, о парламентахъ и проч.

Я вскорѣ уѣхалъ въ Москву и здѣсь матушка однажды говоритъ мнѣ: „Слышалъ ты, что дѣлается въ Петербургѣ? Арестованъ какой-то Петрашевскій и съ нимъ много разныхъ лицъ, его посѣщавшихъ. Эти господа составили какое-то тайное общество и вотъ засажены въ крѣпость“.—Можете представить себѣ, какъ встряхнуло меня это извѣстіе! Не безъ робости возвратился я тогда изъ Москвы и съ тревогою ждалъ, что вотъ-вотъ меня арестуютъ. Встрѣчаю своего знакомца, того самаго студента, который возилъ меня къ Петрашевскому; вижу онъ гуляетъ по Невскому, не арестованъ, такъ же ко мнѣ внимателенъ, но я уже былъ съ нимъ осторожнѣе... Видимо, что меня спасъ мой отзывъ о слышанномъ чтеніи, и III-ое отдѣленіе, имѣвшее тогда въ Россіи ужасное значеніе,—меня не тронуло.

VII.

Въ Петербургѣ.—Симфоническіе концерты въ университетѣ.—А. И. Фицтумъ.—К. Б. Шубертъ.—Русская опера.—Великая княгиня Елена Павловна.—Государь Николай Павловичъ и его отношенія къ музыкантамъ и художникамъ.—Лаблашъ.—Оперы «Дмитрій Донской» и «Ѳомка-дурачекъ»—Алекс. Мих. Гедеоновъ и пѣвецъ Булаховъ.—Мои три одноактныя оперы.

1849—1854.

Сталъ я жить въ Петербургѣ какъ жилъ въ Берлинѣ... Давалъ уроки... Бывали уроки и въ рубль, бывали и въ двадцать пять рублей... Писалъ оперы, писалъ по итальянски, писалъ по нѣмецки, такъ какъ русскихъ композиторовъ, за исключеніемъ М. И. Глинки, не было... Были лишь любители музыки,—но были все это дилетанты-помѣщики, дилетанты-чиновники; артистовъ-музыкантовъ, смотрѣвшихъ на искусство, какъ на всю суть своей жизни, вовсе не было... Наиболѣе пылкіе любители музыки сходились лишь на симфоническихъ концертахъ въ университетѣ, подъ эгидою извѣстнаго инспектора студентовъ, Александра Ивановича Фицтума. Студенты составили тамъ изъ своей среды оркестръ, къ нимъ примкнули нѣкоторые любители, напр. докторъ Берсъ, примкнулъ я—и вотъ безъ всякихъ репетицій играли мы по воскресеньямъ, брали за входъ по рублю и публика ломилась въ актовую залу университета... Теперь, какъ вспомню, не могу не надивиться—какъ это шли на эти концерты, и вѣдь шли, нерѣдко буквально пѣшкомъ, по мосткамъ, чрезъ Неву—цѣлыя толпы. Мѣста брали на перебой. Дирижировалъ на этихъ концертахъ Карлъ Богдановичъ Шубертъ, а нѣсколько разъ, за его отсутствіемъ, дирижировалъ я. И вѣрите-ли, не смотря на то, что игралъ нашъ оркестръ безъ репетицій, дѣло какъ-то шло само собой: ужъ много любви и усердія клали любители въ эти симфоническіе концерты въ С.-Петербургѣ! Надо припомнить, что до этихъ университетскихъ концертовъ крайне рѣдко бывали симфоническія собранія: бывало три или четыре концерта въ годъ въ залѣ Пѣвческой придворной капеллы,—вотъ и все.

При капеллѣ существовалъ давно, съ разрѣшенія правительства, кружокъ любителей музыки. Были въ этомъ кружкѣ все

генералы-любители, и статскіе и военные; играли въ немъ и великіе князья, напр. великій князь Константинъ Николаевичъ хорошо игралъ на віолончели... Русская опера почти не существовала: я говорю о труппѣ. Въ ней былъ славенъ одинъ только О. А. Петровъ, прочіе пѣвцы и пѣвицы были плохи, напр. про тогдашнюю примадонну NN*** гр. В. А. Соллогубъ, не безъ основанія, съ острилъ, «что у нея не голосъ, а сквозной вѣтеръ!...» И вотъ, при такомъ-то печальномъ состояніи музыки и пѣнія, зарождается новая эра для искусства въ стѣнахъ Михайловскаго дворца - у великой княгини Елены Павловны.

Замѣчательная была эта женщина! Другой, равной ей, я ни прежде, ни послѣ, въ ея положеніи не знавалъ. Съ представительностью, чисто великокняжескою, она соединяла бездну такта и умѣнья войти въ положеніе, въ мысль рѣшительно каждаго, кто къ ней приближался. Съ ученымъ, военнымъ, артистомъ, государственнымъ дѣятелемъ, писателемъ, поэтомъ, романистомъ— съ каждымъ она умѣла говорить, на каждаго умѣла произвести самое пріятное впечатлѣніе. Императоръ Николай Павловичъ являлъ къ ней искреннее дружеское расположеніе, весьма ее цѣнилъ, видимо, и глубоко уважалъ .. Это у великой княгини Елены Павловны, на одномъ изъ раутовъ, зародилась Крымская война. У нея, близь камина, произошелъ между императоромъ Николаемъ и Гамильтономъ, представителемъ Англіи, тотъ историческій разговоръ о «больномъ человѣкѣ» — о Турціи, который вызвалъ русско-турецкую войну 1853 – 1855 гг. Въ салонахъ великой княгини зародилась эра реформъ Александра II: здѣсь между государственными людьми новаго царствованія и просвѣщенною хозяйкою обсуждалось великое дѣло освобожденія крестьянъ. Да, это была замѣчательная, прямо сказать, необыкновенная женщина и не безъ вліянія на направленіе внутренней и внѣшней политики Россіи... Надо и то сказать, что обставлена была она превосходно; при великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ была баронесса Раденъ, одна изъ умнѣйшихъ женщинъ нашего времени, и ей весьма много обязана великая княгиня.

Я бывалъ приглашаемъ въ салоны вел. кн. Елены Павловны еще при жизни великаго князя Михаила Павловича; это въ бытность мою въ салонѣ великой княгини, однажды вечеромъ, великій князь вошелъ въ зало съ сигарою во рту и съ громадною соба-

кою; по обыкновенію, Михаилъ Павловичъ много шутилъ и острилъ, простился съ женою и со всѣми ея гостями и отправился въ Варшаву: то былъ его предсмертный отъѣздъ,—его привезли обратно въ Петербургъ уже въ гробу.

Послѣ кончины великаго князя, дворецъ Елены Павловны сдѣлался средоточіемъ всего интеллигентнаго общества; государыня Александра Ѳеодоровна была въ то время больна и все именитое и что выдѣлялось въ обществѣ съѣзжалось, главнымъ образомъ, къ Еленѣ Павловнѣ.

Съ 1852 г. великая княгиня пригласила меня состоять у нея постояннымъ акомпаніаторомъ тѣхъ пѣвицъ, которыхъ нѣсколько всегда у нея жило во дворцѣ [1]); вообще я былъ постояннымъ «подогрѣвателемъ», «истопникомъ» музыки при дворѣ вел. кн. Елены Павловны, какъ я самъ себя называлъ... Повторяю, это была высоко интелигентная, прямо сказать, необыкновенная женщина, другой таковой я не зналъ и не знаю. Указываютъ на императрицу Августу, также весьма просвѣщенную личность, но наша великая княгиня Елена Павловна, по уму и образованію, стояла выше. Бывало, спросишь о ней Ауэрбаха или другую какую-нибудь европейскую знаменитость — и всегда услышишь самые восторженные о ней отзывы. Пріѣзжаетъ, бывало, великая княгиня за границу и приглашаетъ къ себѣ на недѣлю, мѣсяцъ, ту или другую знаменитость: писателя или артиста... и тотъ живетъ при ней, видитъ княгиню каждый день, бесѣдуетъ съ ней постоянно и остается рѣшительно очарованъ ея необыкновеннымъ умомъ, самымъ разностороннимъ образованіемъ, тактомъ и любезностью...

Музыкально-артистическіе вечера у великой княгини Елены Павловны были чрезвычайно интересны: здѣсь собирались положительно самые лучшіе артисты, которые оказывались въ Петербургѣ. Часто среди гостей являлась величественная фигура императора Николая Павловича. Ко мнѣ государь былъ всегда благосклоненъ; благосклонность эта выражалась вниманіемъ, нѣсколькими ласковыми словами, но однажды у великой княгини государь Николай Павловичъ просидѣлъ со мною у рояля очень долго и съ замѣчательнымъ искусствомъ насвистывалъ цѣлую

---

[1]) Между прочими здѣсь были г-жи А. К. Лешетицкая-Фридебургъ Ю. Ѳ. Штуббе, въ замужествѣ Абаза, и другія.

оперу. Августѣйшая семья чрезвычайно его любила, но также и боялась, въ особенности когда Николай Павловичъ бывалъ не въ духѣ... Тѣмъ не менѣе, сыновья и дочери обожали отца... Какъ теперь помню два вечера. У великой княгини Маріи Николаевны ставились живыя картины. Государыня Александра Ѳеодоровна лежала полубольная на кушеткѣ; великіе князья, княжны, фрейлины—рѣзвились... Бѣготня и шумъ были чрезвычайные, веселость, смѣхъ... Я, конечно, сидѣлъ у рояля, разыгрывая тѣ пьесы, какими должны были сопровождаться тѣ или другія живыя картины; шла репетиція этихъ картинъ. Вдругъ на порогѣ залы появляется мраморная фигура гиганта, то былъ Николай Павловичъ... Все оледенѣло. Гробовое молчаніе смѣнило величайшій шумъ... Государь былъ чѣмъ-то озабоченъ и сильно не въ духѣ (то была година восточной войны), Вдругъ Николай Павловичъ обратился съ величайшимъ гнѣвомъ къ декоратору Роллеру и сильнѣйшимъ образомъ его распекъ за неладно поставленную или имъ выбранную декорацію. Ну, то есть, мало сказать распекъ,—просто разнесъ несчастнаго декоратора, можно было подумать, что отъ него не останется и былинки!

Порывы гнѣва государя, какъ раскаты грома, оглушили всѣхъ... Можете представить себѣ положеніе молодаго фортепіаниста... На меня, конечно, гнѣвный государь не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Перепуганные и смущенные, собрались на другой день на спектакль и живыя картины всѣ участники, усѣлся скромненько и я, акомпаніаторъ этихъ картинъ. Всѣ со страхомъ ждали государя—помня взрывы его гнѣва наканунѣ, и что-же? онъ явился и внесъ столько ласки, доброты, вниманія, столько очаровательной простоты въ обращеніи со всѣми, не исключая и Роллера, что не только всѣхъ оживилъ, но и розлилъ вокругъ себя самую неподдѣльную веселость, такъ что про этотъ вечеръ многіе мѣсяцы спустя вспоминали потомъ при дворѣ, какъ про самый удачный и веселый... Между прочимъ, въ теченіи этого вечера, государь усѣлся сзади меня, предъ роялемъ сидѣвшаго, и въ антрактахъ шутя и балагуря, спрашивалъ меня—помню-ли я ту или другую арію, и тотчасъ мнѣ ее преискусно насвистывалъ.

Эти вечера—то у великой княгини Елены Павловны, то у вел. княгини Маріи Николаевны—были въ 1853—1854 годахъ...

Изъ эпизодовъ той-же зимы — вспоминаю я другой случай, доказывающій какое сильное впечатлѣніе производили на каждаго—голосъ, фигура, все обращеніе Николая Павловича. Было вечернее музыкальное собраніе у великой княгини Елены Павловны. Пріѣзжаетъ въ Петербургъ, послѣ долгаго ожиданія, знаменитый Лаблашъ. Этотъ добродушнѣйшій и превосходный артистъ былъ, какъ извѣстно, весьма толстъ. По своему веселому характеру и остроумію онъ былъ общій любимецъ и держался рѣшительно предъ всѣми и со всѣми весьма свободно при дворахъ принцессъ, княгинь, королевъ; сама императрица Александра Өедоровна не позволяла Лаблашу стоять предъ собою; наша государыня бывало обѣ руки положитъ на плечи этого толстяка и заставитъ его сѣсть предъ нею .. И чтожъ вы думаете? Какъ разъ въ этотъ вечеръ пріѣзжаетъ императоръ Николай Павловичъ; вошелъ, — Лаблашъ, конечно, вытянулся, это ужь само собой разумѣется, что о сидѣньи не могло быть и рѣчи, а когда государь подошелъ къ нему, взялъ его обѣими руками за руку и сказалъ нѣсколько самыхъ привѣтливыхъ словъ—артистъ, обыкновенно чрезвычайно находчивый и остроумный, шутившій напр. съ англійской королевой Викторіей, какъ съ малымъ ребенкомъ, до того смутился предъ Николаемъ Павловичемъ, что не только не нашелся что̀ отвѣтить, но и голосъ, и губы его задрожали... И это былъ, замѣтьте, Лаблашъ—человѣкъ, дотолѣ никого не боявшійся, вполнѣ независимый,—самъ, такъ сказать, король... Государь его, однако, тогда-же ободрилъ и обласкалъ такъ, какъ только одинъ Николай Павловичъ умѣлъ говорить и обходиться съ артистами и художниками. Разсказывалъ мнѣ какъ-то архитекторъ Кузьминъ: была у него, у Кузьмина, привычка говорить: „понимаете, понимаете", вотъ однажды онъ и докладываетъ государю Николаю Павловичу о какой-то постройкѣ и такъ и сыплетъ „понимаете" да „понимаете"... „Ну да понимаю, братецъ, Господи Боже мой, понимаю, какъ этого не понять" —сказалъ, наконецъ, императоръ оторопѣвшему архитектору.

Припоминаю еще одинъ оригинальный случай: шелъ въ большомъ театрѣ, на сценѣ итальянской оперы, въ первый разъ, „Пророкъ" Мейербера. Послѣ четвертаго акта Николай Павловичъ приходитъ на сцену, приближается къ Маріо, говоритъ ему нѣсколько похвалъ за выполненіе и въ разговорѣ проситъ того снять

корону... Маріо снимаетъ и подаетъ; государь, продолжая разговоръ, отламываетъ съ короны крестъ и возвращаетъ вѣнецъ артисту...

Жилъ я въ Петербургѣ въ 1852 — 1854 годы обычною жизнью: давалъ уроки и дорогіе, и дешевые, зачастую бывалъ въ безденежьѣ такомъ, что отправляешься на уроки съ Каменнаго острова, гдѣ проживалъ лѣтомъ во дворцѣ, по приглашенію великой княгини Елены Павловны, и идешь нерѣдко въ городъ пѣшкомъ, такъ какъ заплатить за извощика было не чѣмъ... Но въ эти же годы совершилось въ моей жизни не маловажное для меня дѣло: я выступилъ предъ публикою въ качествѣ композитора. Сюжетомъ для первой своей оперы я взялъ „Дмитрій Донской". Два акта либретто написалъ мнѣ графъ Сологубъ, одинъ актъ Зотовъ, Владиміръ Рафаиловичъ; ему принадлежитъ второе дѣйствіе—именно сцены у татаръ, востокъ. Директоромъ театра былъ тогда Александръ Михайловичъ Гедеоновъ. Опера была имъ принята и поставлена на сцену...

Русская опера была тогда, да и значительное время послѣ, въ рѣшительномъ загонѣ; я и писалъ потомъ оперы по-итальянски и по-нѣмецки именно оттого, что на русскомъ театрѣ не благоволили къ русской оперѣ... Ей нѣсколько лишь сочувствовали—Павелъ Степановичъ Ѳедоровъ, а впослѣдствіи г. Лукашевичъ... Одинъ изъ преемниковъ А. М. Гедеонова—Степанъ Александровичъ Гедеоновъ, бывшій также директоромъ театровъ, не обинуясь говаривалъ, что „онъ не можетъ понять, какъ это рѣшаются писать русскія оперы; русская-де опера не можетъ и не должна существовать"... Какъ-бы то ни было однако, но опера „Дмитрій Донской" или „Куликова битва"—была мною написана, на сцену принята, сшиты дирекціей новые костюмы... и вотъ въ 1852-мъ году (18-го апрѣля) шло первое ея представленіе...

Помню репетиціи этой оперы; я дирижировалъ оркестромъ; помню грубое обращеніе А. М. Гедеонова съ артистами: онъ всѣмъ, въ томъ числѣ и мнѣ, говорилъ не иначе, какъ ты... На представленіе собралась публика самая отборная; я уже былъ извѣстенъ, у меня было много знакомыхъ, всѣ они были на лицо... Музыка, сколько помню, не понравилась, ну да и пѣнье было прегадостное; что единственно имѣло успѣхъ, такъ это арія

дервиша, которую прекрасно выполнилъ молодой артистъ Булаховъ, первый дебютъ котораго былъ именно въ этой моей оперѣ... Его вызывали, ему апплодировали, заставили повторить... Занавѣсъ упалъ; я спѣшу на сцену, ищу Булахова, чтобъ его поблагодарить, и съ трудомъ нахожу молодаго человѣка гдѣ-то за кулисами, забившимся въ углу... Онъ дрожитъ, смущенъ,—плачетъ... „Что съ вами"?—„Только что меня разругалъ директоръ Гедеоновъ, и разругалъ такъ, какъ не ругается послѣдній пьяный извощикъ"!!—„За что"?—„Зачѣмъ на вызовъ публики я снялъ колпакъ дервиша, кланяться-де дервишъ не долженъ, да и шапка-то новая—могу-де ее испортить! такъ какъ смѣлъ кланяться!! Вотъ тутъ и трудись"!—И ругательства самыя площадныя обрушились на молодаго артиста, который выступилъ на сцену съ задатками таланта и съ хорошимъ голосомъ... Оборванный, обруганный директоромъ на первомъ же дебютѣ—Булаховъ совершенно упалъ духомъ, сталъ зашибать водочкой и не выдѣлялся уже во всю жизнь изъ ряда второстепенныхъ, хотя и полезныхъ артистовъ...

Кой-какой успѣхъ, однако, „Дмитрій Донской" имѣлъ. По крайней мѣрѣ—послѣ представленія именно этой оперы—великая княгиня Елена Павловна пригласила меня быть у нея акомпаніаторомъ пѣвицъ на ея музыкальныхъ собраніяхъ; а въ одной изъ бесѣдъ со мной—великая княгиня предложила мнѣ написать рядъ маленькихъ одноактныхъ оперъ, въ которыхъ послѣдовательно выведены были бы всѣ народности, населяющія наше необъятное отечество. Я и принялся за осуществленіе этой задачи и написалъ три таковыхъ одноактныхъ оперы: одну Кавказскую, на текстъ стихотворенія Лермонтова: „Хаджи Абрекъ"; другую Сибирскую — „Сибирскіе охотники", либрето написалъ Андрей Жеребцовъ, женатый на сестрѣ графини Адлербергъ (Полтавцевой), братъ Михаила Жеребцова, женатаго на княгинѣ Гагариной; третья опера этой серіи была „Ѳомка-дурачекъ", текстъ написанъ былъ извѣстнымъ поэтомъ М. Л. Михайловымъ. Эта послѣдняя опера была изъ великороссійской жизни; она шла (въ 1853 г.) на сценѣ, но до того скверно, — да и голоса были до того отвратительны, — что я буквально бѣжалъ изъ театра, а на другой день явился въ контору театровъ и настоятельно потребовалъ возвращенія мнѣ партитуры

этой оперы... Впрочемъ, какъ говорили мнѣ потомъ, публика отнеслась къ „Ѳомкѣ дурачку“ весьма снисходительно.... Нѣкто Семеновъ, который былъ тогда въ театральной конторѣ небольшимъ чиновникомъ, на мои требованія возвратить партитуру оперы,—сталъ меня успокоивать и урезонивать.... Онъ былъ тогда едва ли ни одинъ изъ театральной дирекціи, который нѣсколько интересовался русской оперой, но я и слышать не хотѣлъ его утѣшеній.

Вскорѣ потомъ, именно въ 1854-мъ году, я уѣхалъ за границу....

VIII.

Пребываніе заграницей.—Въ Москвѣ на коронаціи императора Александра II.—Въ Ниццѣ въ свитѣ великой княгини Елены Павловны.—Мысль объ основаніи «Русскаго музыкальнаго общества».

1854—1858.

Четыре года, именно съ 1854 по 1858 годъ, я провелъ за границей; совершилъ артистическое путешествіе по Германіи, Франціи и Англіи, причемъ я побывалъ во всѣхъ главнѣйшихъ музыкальныхъ центрахъ этихъ странъ... Изъ этого путешествія я лишь на короткое время возвращался въ Россію, именно на коронацію императора Александра Николаевича, вызванный въ Москву великою княгинею Еленою Павловною;—но къ самому дню коронаціи не поспѣлъ, а прибылъ въ Москву на другой день торжества.

Въ бытность мою за границей въ 1854 г. я провелъ мѣсяцевъ пять-шесть въ Веймарѣ... Прежде всего скажу, что въ годину Крымской войны вся Европа была противъ Россіи или, лучше свазать, противъ ея внѣшней и внутренней политики. Къ русскому и Россіи оказывали полную холодность, даже явное нерасположеніе; Пруссія не была исключеніемъ; нѣсколько офицеровъ, генераловъ, украшенныхъ русскими орденами,—вотъ все, что хотя нѣсколько являло симпатію къ нашему отечеству, прочіе всѣ были настроены далеко не привѣтливо... Въ область, однако, музыки это нерасположеніе не распространялось... хотя, впрочемъ, въ Россіи меня считали за нѣмца, а въ Германіи за рус-

скаго... Что до Веймара, то тамъ было царство художествъ, литературы и искусствъ... Листъ жилъ тамъ и царствовалъ... Къ нему стекались на поклонъ... Поэты, писатели, артисты, музыканты—все это съѣзжалось туда и подолгу гостило при дворѣ герцога Веймарскаго, брата вдовствующей нынѣ императрицы германской Августы... Самъ герцогъ, весьма чопорный, разыгрывалъ роль какъ бы большаго монарха съ своей маленькой юнкерской высоты, а потому немножко и былъ смѣшонъ; но это былъ, во всякомъ случаѣ, человѣкъ, искренно расположенный къ искусствамъ, театру и литературѣ, но въ особенности къ музыкѣ. То, что нѣкогда было въ Веймарѣ по отношенію къ Гете, когда про тамошняго герцога можно было сказать: „Мы, милостью Гете, герцогъ такой-то“..., то теперь герцогу весьма желалось установить по отношенію къ Листу... И онъ, виртуозъ-артистъ, былъ богомъ... Тогда-же въ Веймарѣ жила княгиня Витгенштейнъ, жена русскаго флигель-адъютанта, мать нынѣшней княгини Гогенлоэ, урожденная полька Ивановская, женщина умная, образованная до чертиковъ, до тошноты, такъ что разговоръ съ нею былъ просто пытка... Это не былъ синій чулокъ, это было нѣчто гораздо болѣе синяго чулка... Она не была хороша собой, но вліяніе ея на Листа было громадное... Это она отвлекла его отъ излишней виртуозности, отъ внѣшняго щегольства въ искусствѣ, она его направила на болѣе серьезное отношеніе къ музыкѣ, въ областъ композиторства, и вотъ они оба, углубляясь въ самую его суть, дошли до изобрѣтенія музыки будущаго, до Вагнера (M-me Вагнеръ и M-me Оливье, дочери Листа). Это изъ Веймара пошла „музыка будущаго“ [1])... Я провелъ мѣсяцевъ пять-шесть въ Веймарѣ, все это время жилъ у Листа и обѣдалъ у княгини Витгенштейнъ... Листъ былъ, дѣйствительно, въ высшей степени замѣчательная личность. Собственно виртуозную карьеру свою онъ окончилъ лѣтъ сорока; затѣмъ лѣтъ 70-ти онъ опять принялся за виртуозность, но уже тутъ производили впечатлѣніе болѣе его духовный санъ, ниспадающія пряди

[1]) Настоящій родоначальникъ „музыки будущаго“ былъ Бехеръ въ Вѣнѣ весьма извѣстный въ свое время музыкальный критикъ, но такой композиторъ, что про него думали, что онъ сочиняетъ въ припадкахъ сумашествія; тамъ же, въ Вѣнѣ, онъ и погибъ: Бехеръ былъ разстрѣлянъ во время революціи 1849-го года.

А. Р.

сѣдыхъ волосъ, его старость... Кажется, въ 1871 году, Листъ, по приглашенію, прибылъ въ Вѣну. Я былъ тамъ и дирижировалъ въ одномъ изъ концертовъ, данныхъ по случаю его пріѣзда. Мы встрѣтились какъ самые старые друзья, искренно другъ къ другу расположенные. Я зналъ въ немъ недостатки, нѣкоторую напыщенность, но всегда въ немъ цѣнилъ величайшаго исполнителя, —да, виртуоза-исполнителя, не творца, не сочинителя.. Меня, впрочемъ, съѣдятъ за это мнѣніе....

Пріѣхалъ я тогда въ Европу, дабы проявить себя, какъ сочинитель, какъ композиторъ... Въ Германіи, въ то время, при ея безъ малаго четырехъ десяткахъ дворовъ, было хорошо для развитія интеллигенціи... Каждый дворъ соперничалъ другъ съ другомъ въ покровительствѣ наукамъ, художествамъ и искусствамъ... Университеты разныхъ германскихъ государствъ соревновали въ привлеченіи къ себѣ свѣтилъ въ области науки. Вообще интеллигенція, ея упроченіе и развитіе несравненно выше стояли въ раздробленной Германіи, нежели какъ это стоитъ въ ней теперь, когда Германія стянута желѣзнымъ кольцомъ—въ одно большое государство.... И насколько смѣшна была раздробленная до 1871-го года политически Германія, съ ея высокопарными мечтами, настолько высоко стояла она въ области развитія духа, и развитіе идетъ вообще несравненно сильнѣе въ государствахъ маленькихъ. Что̀ была Италія до объединенія и что̀ она нынѣ? И что, впрочемъ, подготовило политическую силу Германіи и ея теперешнее единство, которое, однако, уже тяжело придавило дальнѣйшій ростъ ея интеллигенціи.

За - границей, въ 1854 — 1855 гг., я посѣтилъ не только Германію, но и Лондонъ, и Парижъ; вездѣ концертировалъ...

Въ бытность въ Вѣнѣ, въ 1855 г., я написалъ въ одномъ музыкальномъ журналѣ статью о положеніи музыки въ Россіи; въ этой статьѣ я съ благоговѣніемъ говорилъ о М. И. Глинкѣ, превознесъ его до небесъ, сравнивалъ его съ Бетховеномъ и проч., но другимъ отъ меня досталось, досталось этому невѣжественному диллетантизму, помѣщичьему и чиновничьему, который тогда только и царилъ въ русской музыкѣ, за исключеніемъ великаго творца русской оперы М. И. Глинки... Написаніе статьи этой, впрочемъ, съ моей стороны была порядочная глупость, хотя я въ этомъ не раскаиваюсь, какъ вообще не имѣю привычки раскаиваться въ тѣхъ глупостяхъ, которыя, случалось, дѣлалъ... И досталось же мнѣ за эту статью

въ отечествѣ. Цѣлыя лавины обрушились на меня брани; всѣ эти русскіе непризнанные мною (за исключеніемъ Глинки) диллетанты-сочинители и любители до того озлобились на меня, что хотѣли меня преслѣдовать чуть ли даже ни судебнымъ или полицейскимъ порядкомъ. Ужъ не помню, кто меня тогда спасъ; кажется, великая княгиня Елена Павловна за меня вступилась... Но что было для меня удивительно, это то, что на меня разсердился М. И. Глинка. Я былъ знакомъ съ нимъ въ Петербургѣ, всегда его высоко почиталъ и онъ ко мнѣ относился весьма любезно... Но на этотъ разъ онъ былъ въ Берлинѣ, больной, раздражительный; я его посѣтилъ тамъ... Принялъ онъ меня сухо и осыпалъ укоризнами и наставленіями за ту именно статью, въ которой о его творчествѣ и дарованіи я говорилъ не только съ большимъ уваженіемъ, но восторженно... Такъ я его и оставилъ въ нерасположеніи ко мнѣ, сказавъ предъ уходомъ, что „я всего менѣе ожидалъ отъ него укоризнъ, такъ какъ его я всегда почиталъ и почитаю, и его творчеству отдаю полную справедливость“.

Впослѣдствіи мнѣ удалось доказать мое сочувствіе къ творцу „Жизни за Царя“—не на словахъ, а на дѣлѣ: я далъ въ пользу сооруженія памятника Глинкѣ концертъ и изъ сбора съ этого концерта 5,000 руб. внесъ въ фондъ на памятникъ великаго нашего композитора, чѣмъ и довершилъ дѣло подписки; могу безъ похвальбы сказать, что безъ меня Богъ вѣсть когда бы это дѣло пришло къ окончанію [1]). Это не помѣшало, впрочемъ, распорядителямъ, при открытіи памятника, пригласить меня общею лишь повѣсткою.

Въ Москвѣ, въ 1856 г., въ августѣ и сентябрѣ, пробылъ я недѣли три. Въ ряду общихъ празднествъ, по случаю коронованія императора Александра II, было нѣсколько концертовъ у великой княгини Елены Павловны... На нихъ бывалъ императоръ Александръ II... Покойный государь не являлъ, впрочемъ, большаго расположенія къ музыкѣ; на домашнихъ, такъ сказать, концертахъ во дворцѣ или у великихъ княгинь Елены Павловны или Маріи Николаевны Александръ Николаевичъ обыкновенно въ сосѣдней комнатѣ игралъ свою обычную партію въ карты и появленіе его въ концертной комнатѣ, чрезъ которую онъ обыкновенно проходилъ, почти всегда обозначало время окончанія концерта... Весьма рѣдко

---

[1]) См. объ этомъ концертѣ нашу замѣтку въ «Русской Старинѣ», изд. 1883 г., т. XXXVIII, 484. М. С.

скажетъ онъ нѣсколько похвалъ тому или другому исполнителю музыкальному или сценическому артисту... Надо и то сказать, что покойный государь былъ озабоченъ вопросами величайшей важности для блага всего нашего дорогаго отечества, ему было не до музыки; тѣмъ не менѣе, и по отношенію къ ней, его царствованіе было блестящею эрою: общій режимъ его управленія—вызвать къ самодѣятельности русское общество, вдохнуть въ него жизнь освобожденіемъ его отъ крѣпостныхъ и всякихъ иныхъ путъ, дотолѣ его связывавшихъ, сдѣлало то, что и для музыкальнаго искусства въ Россіи царствованіе Александра II было вполнѣ свѣтлою эпохою...

Послѣ коронаціонныхъ дней вдовствовавшая императрица Александра Ѳедоровна и великая княгиня Елена Павловна отправились въ Ниццу. Я получилъ также приглашеніе отъ великой княгини провести тамъ нѣкоторое время съ ея дворомъ. Былъ я по прежнему при ней, какъ самъ себя шутя называлъ, ея „музыкантомъ-истопникомъ...“

Прелестное это было время зима 1856—1857 гг., проведенная въ Ниццѣ! Императрица Александра Ѳедоровна, сокрушенная потерею мужа и всею тягостью исхода Крымской войны, тѣмъ не менѣе любила, чтобы вокругъ нея молодежь веселилась, и навѣщали ее многіе изъ членовъ августѣйшей семьи: въ Ниццу пріѣзжалъ в. к. Константинъ Николаевичъ; здѣсь проводили недѣли вел. кн. Николай и Михаилъ Николаевичи, была большая свита, припоминаю въ ея составѣ гр. Матвѣя Віельгорскаго, адъютанта Апраксина и другихъ. Шуткамъ и веселью не было конца... Однажды, напр., вздумали устроить шутливую серенаду, дабы позабавить императрицу. Всѣ облачились въ маски и явились съ тѣми музыкальными инструментами, на которыхъ именно не играли; напр. Віельгорскій съ контрбасомъ, я съ литаврами, великіе князья также разобрали почуднѣй инструменты—и таковой оркестръ, всѣ въ маскахъ, явился въ комнаты государыни... При первыхъ звукахъ дикой музыки императрица нѣсколько испугалась, но потомъ много смѣялась и шутила по поводу этой затѣи... Государыня Александра Ѳедоровна была вообще очень добрая и въ обхожденіи очаровательная... Денегъ въ Ниццѣ дворъ не жалѣлъ; самъ король сардинскій, Викторъ Эмануилъ, пріѣзжалъ сюда неоднократно и дѣлалъ всевозможное, чтобы его августѣйшія гостьи не скучали; участникъ Крымской войны, въ союзѣ

съ врагами Россіи, онъ теперь, по окончаніи войны, всячески старался изгладить о себѣ дурныя воспоминанія въ сердцѣ августѣйшей вдовы императора Николая Павловича... Тогда же довелось мнѣ увидѣть и познакомиться съ Кавуромъ, создателемъ единой Италіи... Вообще пребываніе наше въ сезонъ 1856—1857 гг. въ Ниццѣ было чрезвычайно пріятно. Посѣтители изъ Россіи такъ и не переводились здѣсь; великая княгиня Елена Павловна даже купила виллу... Много играли, пѣли, музыки вообще было болѣе, чѣмъ достаточно; много и часто бесѣдовали о ея положеніи въ нашемъ отечествѣ. Великая княгиня Елена Павловна, съ обычною ей отзывчивостью, живо интересовалась этимъ вопросомъ; участникомъ этихъ бесѣдъ были гр. Матвѣй Віельгорскій, я и другіе, принадлежавшіе тогда къ ея обществу... Толковали много. Всѣ мы признавали, что положеніе музыкальнаго искусства въ Россіи весьма печально; всѣ мы, и прежде всѣхъ великая княгиня Елена Павловна, единодушно полагали, что надо что нибудь сдѣлать, по возвращеніи въ Петербургъ, для музыкальнаго образованія русскаго общества, и вотъ тогда, подъ чуднымъ небомъ Италіи, въ Ниццѣ, назрѣла мысль объ основаніи въ Петербургѣ Русскаго Музыкальнаго Общества... Въ 1857 году великая княгиня возвратилась въ Петербургъ; я, посѣтивъ Парижъ и Лондонъ, также возвратился въ Россію.

IX.

Вас. Алексѣевичъ Кологривовъ.—Основаніе въ С.-Петербургѣ «Русскаго Музыкальнаго общества», нынѣ «Императорскаго». — Что навело меня на мысль объ установленіи званія «свободнаго художника» въ области музыки.—Сторонники и противники Русскаго Музыкальнаго общества.—А. Н. Сѣровъ.—Первые концерты Русскаго музыкальнаго общества.—Новое направленіе музыкальнаго образованія въ Россіи.

1858—1859.

Въ Петербургѣ энергическимъ дѣятелемъ при осуществленіи нашей мысли объ учрежденіи Музыкальнаго общества явился Кологривовъ, хорошо мнѣ извѣстный еще съ 1852 года; тульскій помѣщикъ, нѣкоторое время въ какомъ-то вѣдомствѣ гражданскій чиновникъ, затѣмъ жившій въ отставкѣ, Вас. Алексѣев. Кологривовъ хорошо игралъ на віолончели и былъ страстный поклонникъ искусства въ области музыки... Первоначально онъ было

попытался призвать къ жизни русскую оперную труппу. Примкнулъ какъ-то къ театру, но Павелъ Степановичъ Өедоровъ однажды оборвалъ его при всѣхъ и Кологривовъ махнулъ рукой на театръ и оставилъ свою попытку... Прекрасная, во всѣхъ отношеніяхъ благородная, личность Кологривова мало освѣщена въ нашей печати, мало извѣстна и теперь почти вовсе забыта. Скажу болѣе: Кологривовъ и при жизни мало былъ оцѣненъ... Полный несокрушимой энергіи, человѣкъ почина, иниціативы, онъ предался дѣлу учрежденія и организаціи музыкальнаго общества со всѣмъ пыломъ своей души, съ фанатизмомъ, доходившимъ до грубости... Онъ вербовалъ въ Общество все и всѣхъ; онъ захватывалъ чуть не на улицахъ; толковалъ, объяснялъ, привлекалъ; изыскивалъ средства,—словомъ, работалъ для Общества какъ при его основаніи, такъ и въ первые годы по его учрежденіи для его упроченія и развитія. Кологривовъ трудился съ полнымъ самоотверженіемъ, забывая личные интересы, жертвуя матеріальными своими средствами; уложилъ въ это дѣло все и умеръ совершеннымъ бѣднякомъ. Его вдова, вполнѣ достойная женщина, нынѣ еще трудомъ заработываетъ кусокъ хлѣба, служа музыкальною дамою въ институтѣ въ Кіевѣ... [1]). Вообще, повторяю, память Кологривова заслуживаетъ глубокой признательности за труды, положенные имъ при основаніи и упроченіи Музыкальнаго Общества и затѣмъ Консерваторіи, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ въ Москвѣ и въ Кіевѣ... Враговъ возникающаго дѣла, какъ это ни странно, но было множество: враги попадались чуть не на каждой улицѣ столицы; вооружались

---

[1]) «Мужъ мой, пишетъ намъ изъ Кіева г-жа Кологривова, отъ 10-го октября 1889 г., выносилъ въ теченіи своей дѣятельности множество непріятностей и борьбы; эти непріятности были какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ .. Удачи доставались тяжело и надо было имѣть его добрый и всепрощающій характеръ, чтобы вынести все то, что онъ вынесъ. По крайней мѣрѣ, онъ имѣлъ подъ конецъ жизни утѣшеніе, что дѣтище его петербургское стоитъ твердо, а кіевское училище, которое положительно не могло болѣе существовать за неимѣніемъ средствъ, онъ поднялъ его и также поставилъ на твердую почву... Матеріалы къ біографіи моего мужа имѣются у Андроника Михайловича Климченко, который очень любилъ мужа и зналъ все касающееся его дѣятельности».

Съ своей стороны замѣтимъ, что «Русская Старина» съ особымъ удовольствіемъ готова будетъ помѣстить все, что послужитъ къ характеристикѣ личности и дѣятельности покойнаго В. А. Кологривова, сослужившаго добрую службу къ укрѣпленію и развитію музыкальнаго образованія въ Россіи и столь справедливо оцѣненнаго А. Г. Рубинштейномъ. М. С.

противъ музыкальнаго общества, говорили, кричали, писали и печатали. Нападали въ новомъ дѣлѣ на все, нападали даже на дерзость нашу: какъ-де смѣть именовать „Музыкальное общество“ — русскимъ... И не будь просвѣщенной защиты великой княгини Елены Павловны и энергіи Кологривова, дѣло не могло бы стать такъ быстро и прочно... Надо, впрочемъ, сказать, что мы дѣйствовали осторожно. Такъ, напримѣръ, хорошо зная, какая волокита по всевозможнымъ канцеляріямъ предстояла бы, если бы вздумали мы сунуться за разрѣшеніемъ и добиваться утвержденія новаго устава Общества, — такъ какъ въ воздухѣ еще живы были вѣянія Николаевской эпохи, когда основаніе какихъ либо обществъ было до крайности затруднено, мы вспомнили, что при Придворной пѣвческой капеллѣ, съ 1840-хъ годовъ, существовалъ разрѣшенный правительствомъ кружокъ любителей музыки и давались симфоническіе концерты; тамъ въ старые годы бывалъ порядочный оркестръ, которымъ дирижировалъ старикъ Луи Маурёръ. Дѣятельность этого кружка уже нѣсколько лѣтъ какъ совершенно прекратилась. И вотъ мы вздумали кружокъ воскресить и воспользоваться готовымъ его уставомъ... Итакъ, мы просили не болѣе, какъ продолжать дѣло, нѣкогда уже разрѣшенное: пѣть и играть и для этого собираться...—„Ну, что-жъ, хотите пѣть и играть—пойте и играйте, на это уже дано вамъ было разрѣшеніе“,—такъ отвѣчали намъ; такъ и возникло на старыхъ какъ будто основаніяхъ и подъ видомъ будто бы возродившагося лишь кружка любителей-симфонистовъ совершенно новое „Русское Музыкальное Общество“, нынѣ носящее титулъ „Императорскаго“.

Въ стѣнахъ Михайловскаго дворца возникли музыкальные классы, которые и были предтечею явившейся въ 1862-мъ году с.-петербургской консерваторіи. Въ томъ-же дворцѣ быстро составился вполнѣ хорошій хоръ изъ любителей и любительницъ... Въ музыкальныхъ классахъ читались лекціи: Лешетицкій былъ профессоръ игры на фортепіано, Ниссенъ-Саломонъ — пѣнію, Венявскій—скрипкѣ и проч.; я себя назначилъ директоромъ возникавшей консерваторіи; концерты давались безпрерывно, чуть не ежедневно и все для собиранія средствъ на это учрежденіе; одушевленіе и соревнованіе были всеобщія...

Но роды новыхъ музыкальныхъ учрежденій были туги, весьма

туги... Музыкальное искусство—было у насъ въ печальномъ состояніи: русскихъ артистовъ-музыкантовъ, такъ сказать артистовъ цеховыхъ, вовсе не было; были, какъ я уже говорилъ, любители, были меценаты музыки, —была масса любителей итальянской оперы, были помѣщики и чиновники-меломаны, но музыкантовъ-артистовъ, повторяю, цеховаго въ этомъ отношеніи народа—вовсе не было... И вотъ мы—первые зачинщики и заводчики, Кологривовъ и вашъ покорнѣйшій слуга—остановились на мысли непремѣнно создать такое на Руси учрежденіе, изъ котораго выходили бы музыканты съ дипломомъ свободнаго художника музыканта, подобно тому, какъ академія художествъ выпускаетъ изъ своихъ нѣдръ „свободныхъ художниковъ"—живописцевъ, скульпторовъ, архитекторовъ и проч.

Кстати, разскажу вамъ по этому поводу какой, совершенно, повидимому, ничтожный случай заронилъ мнѣ впервые мысль вызвать къ жизни и дать положеніе въ русскомъ обществѣ званію музыкальнаго-художника, артиста, именно, чтобы это званіе само по себѣ, безъ придачи званія помѣщика, чиновника, купца и т. п., давало положеніе въ обществѣ и могло бы наполнять всю суть жизни художника-музыканта.

Вотъ что̀ со мною случилось.

Какъ-то (въ 1850-хъ годахъ) я говѣлъ и пошелъ исповѣдываться въ Казанскій соборъ. Послѣ исповѣди подхожу къ столу для записи своей фамиліи въ исповѣдную книгу. Дьяконъ меня спрашиваетъ:

— „Фамилія ваша, чинъ и званіе?"

„Рубинштейнъ—артистъ".

— „Что-же это вы въ театрѣ служите?"

Я говорю—нѣтъ.

— „А! можетъ быть вы въ какомъ институтѣ обучаете?"

Я говорю—нѣтъ.

Дьяконъ въ недоумѣніи, да и я въ недоумѣніи, помолчали оба.—„Да я артистъ-музыкантъ".

— „Такъ, понимаю; да вы на службѣ?" допытывается дьяконъ.

„Я повторяю вамъ, что нѣтъ, не служу".

— „Да кто же вы такой? какъ записать-то васъ?" И этотъ допросъ продолжался нѣсколько минутъ. Не знаю чѣмъ бы онъ кончился, только дьякону пришла мысль спросить меня: „да кто

же, позвольте узнать, будетъ вашъ родитель, родитель кто будетъ?“

Я говорю: купецъ второй гильдіи.

— „Ну вотъ теперь и знаемъ кто вы, обрадовался отецъ дьяконъ: вы, стало быть, сынъ купца второй гильдіи, такъ это мы и запишемъ“.

Этотъ пытливый допросъ и это опредѣленіе моего общественнаго положенія произвели на меня сильное и неизгладимое впечатлѣніе: было очевидно, что въ Россіи не существовало художника-музыканта, артиста,—какъ званіе, всѣми признанное, опредѣляющее его профессію, все положеніе въ обществѣ человѣка, трудящагося и нерѣдко всю жизнь посвятившаго своему искусству, музыкѣ, и ею поддерживающаго и себя и свою семью... Были архитекторы, живописцы, актеры-артисты, скульпторы, но не было артистовъ-музыкантовъ... И въ самомъ дѣлѣ: кто былъ тогда на Руси М. И. Глинка? — помѣщикъ, дворянинъ Смоленской губерніи; А. Н. Сѣровъ—чиновникъ почтамтскаго вѣдомства..., словомъ всѣ занимавшіеся музыкой, не только какъ исполнители музыканты, но и тѣ, которые являлись творцами въ этомъ искусствѣ—были или дворяне, или чиновники на службѣ, при театрѣ-ли, на педагогическомъ-ли поприщѣ, въ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и т. п.

Неужели же на Руси невозможно самобытное положеніе музыканта-артиста, художника-музыканта—какъ званіе человѣка?

Дьяконъ Казанскаго собора вызвалъ во мнѣ мысль по этому поводу, задалъ мнѣ задачу и вотъ нѣсколько лѣтъ спустя Кологривовъ и я—мы рѣшили эту задачу. Консерваторіи въ Россіи создали изъ своихъ воспитанниковъ и воспитанницъ—цѣлый новый слой русскихъ гражданъ и гражданокъ—носящихъ званіе „свободныхъ художниковъ“ (въ области музыки)... То, что болѣе ста лѣтъ тому назадъ было сдѣлано для художниковъ-живописцевъ и друг., а еще ранѣе, по мысли и почину Сумарокова, основателя русскаго театра, сдѣлано для русскихъ актеровъ и актрисъ, то явилось въ 1860-хъ гг. для русскихъ артистовъ-музыкантовъ—обоего пола...

Да, Вас. Алексѣев. Кологривовъ была крупная, исключительная въ своемъ родѣ личность и по энергіи, и по той страсти почина и любви къ музыкальному дѣлу, которая его одушевляла...

Такихъ людей вообще мало въ русскомъ обществѣ, именно людей съ почином, инициаторовъ, которые толкаютъ все и вся къ единой, ими намѣченной цѣли—теперь я ихъ и вовсе не вижу... Отличный музыкантъ, человѣкъ весьма образованный, прекрасно знавшій Европу и ея музыкальныя сферы—Кологривовъ, между прочимъ, выдвинулъ и поддержалъ И. Х. Николя и І. А. Вейкмана—этихъ нынѣ славныхъ стариковъ,—являющихся столпами оркестра... Эти всѣ, равно какъ и Карлъ Богдановичъ Шубертъ, незабвенный А. И. Фицтумъ (инспекторъ студентовъ въ университетѣ), Лавоніусъ, Скордули (его дочь—извѣстная въ свое время пѣвица), Шустовъ, сынъ архитектора,—были всѣ кружка Кологривова... Весь этотъ кружокъ состоялъ изъ людей, которые дышали музыкой, она для нихъ была альфой и омегой ихъ существованія... Теперь такихъ людей нѣтъ!

Настоящее время, конечно, во многомъ лучше (я говорю о музыкальномъ мірѣ) времени 1859—1860-хъ годовъ; искусство разлилось весьма широко въ обществѣ, освѣтило и вовлекло въ свою область множество лицъ, но той теплой любви къ искусству, какая проникала насъ,—увы, теперь нѣтъ...

Выше я уже говорилъ о томъ всеобщемъ одушевленіи, какое охватило всѣхъ, принимавшихъ, подъ покровительствомъ великой княгини Елены Павловны, горячее участіе въ основаніи русскаго музыкальнаго общества и первыхъ музыкальныхъ классовъ въ ея дворцѣ... Лучшія музыкальныя силы того времени, бывшія въ Петербургѣ, отдали тогда свой трудъ и время почти даромъ, только-бы положить основаніе прекрасному дѣлу: Ник. Ив. Заремба, Лешетицкій, Ниссенъ-Саломонъ, Венявскій и друг. брали бывало (въ 1858—1860 гг.), въ нашихъ музыкальныхъ классахъ въ Михайловскомъ дворцѣ, по рублю лишь за урокъ. Просто невѣроятное дѣло! Толпы учениковъ и ученицъ всѣхъ положеній, средствъ и возрастовъ быстро наполнили эти классы... Все это жаждало музыки, музыкальнаго высшаго образованія... Составились оркестры, хоры... Великая княгиня интересовалась дѣломъ живѣйшимъ образомъ, посѣщала классы, давала необходимыя средства, словомъ являла покровительство не одною ласкою и платоническимъ вниманіемъ, но и вещественно, матеріально... Да, послѣ того времени — меценатство уже не простирается до поддержки дѣла деньгами, а деньги, увы,—главный нервъ всего дѣла...

Во главѣ музыкальнаго общества явились я, гр. Матвѣй Віельгорскій, В. А. Кологривовъ, Дм. Вас. Стасовъ, Д. В. Каншинъ... Послѣдній собирался составить какое-то особое общество любителей музыки въ Петербургѣ, но мы, чтобы не дробились силы, въ видахъ единенія въ дѣйствіяхъ, пригласили его въ наше общество; онъ вошелъ въ него, обѣщая привлечь до сотни лицъ со средствами; это сдѣлать ему не удалось, но онъ лично былъ всетаки вполнѣ полезнымъ нашимъ сочленомъ...

Всѣ мы, вожаки и наши сторонники, посѣтили нѣсколькихъ богатыхъ людей въ Петербургѣ, приглашая ихъ помочь нашему дѣлу, и въ первый-же годъ было собрано не Богъ вѣсть что̀, но все же нѣсколько тысячъ руб. Мы точно славили Христа, разъѣзжая по домамъ и собирая деньги; были у кн. Юсупова, Бенардаки, Василія Ѳедуловича Громова и нѣсколькихъ другихъ; кто давалъ—100, 300, даже по 500 руб. Нѣкоторыя изъ дамъ высшаго общества особенно горячо потрудились при основаніи нашей консерваторіи. Софія Яковлевна Веригина (супруга члена государственнаго совѣта А. И. Веригина) собрала однажды по подписному листу до 3,000 руб.; Юлія Ѳедоровна Абаза, рожденная Штуббе, завѣдывала скромною кассой нашихъ музыкальныхъ классовъ; княгиня Елизавета Витгенштейнъ, рожденная Эйлеръ, по рублямъ бывало собирала на наше дѣло деньги. Словомъ, одушевленія и энергіи было много, но не мало было и сопротивленія... Оно гнѣздилось во многихъ оффиціальныхъ сферахъ. Напр., разсказывали, что директоръ капеллы Алексѣй Ѳедоровичъ Л*** грозилъ подчиненнымъ ему пѣвчимъ отставкой, если кто изъ нихъ дерзнетъ въ посту участвовать въ нашихъ концертахъ; возникла „безплатная школа“, также въ видахъ протеста противъ насъ, въ видахъ противодѣйствія: у васъ-де—берутъ за обученіе деньги, милости просимъ къ намъ, мы это же дѣлаемъ безплатно! А. Н. Сѣровъ громилъ насъ всюду, на всѣхъ перекресткахъ и въ печати... не стѣсняясь ничѣмъ.—„Это-де цеховой педантизмъ, это-де все нѣмцы“!—декламировалъ онъ всюду, гдѣ только могъ, — и все это изъ-за того, что его не пригласили въ русское музыкальное общество быть директоромъ и вообще не дали никакого положенія... Ѳеофилъ Толстой (писавшій подъ псевдонимомъ—Ростиславъ) также былъ въ величайшемъ гнѣвѣ; всѣ хотѣли играть роли, но откуда ихъ было взять

для нихъ? Впослѣдствіи, когда мы поняли подкладку ихъ нападокъ, мы стали создавать для противниковъ нашего дѣла роли; учреждали въ русскомъ музыкальномъ обществѣ разные комитеты, напр. по разсмотрѣнію музыкальныхъ сочиненій,—по составленію программъ и т. п. Крикуновъ приглашали въ члены этихъ комитетовъ и такъ постепенно умиротворяли страсти и личныя самолюбія...

Кстати о Сѣровѣ. Это была, несомнѣнно, даровитая личность, въ особенности въ немъ было очень много пониманія сцены и всѣхъ сценическихъ условій; было какое-то чутье, и въ дѣлѣ созданія оперъ онъ могъ-бы пойти весьма далеко; но, къ сожалѣнію, недостатокъ эстетическаго образованія сказывался въ немъ весьма замѣтно; въ немъ мало было чувства изящнаго, въ его твореніяхъ было много грубаго... Не знаю, какихъ цѣлей онъ добивался въ искусствѣ, по крайней мѣрѣ, въ молодости, но вѣрно то, что онъ былъ съѣдаемъ вполнѣ болѣзненнымъ самолюбіемъ и честолюбіемъ... Ему хотѣлось всюду первенствовать—и подъ гнетомъ этого чувства Богъ вѣсть чего только онъ ни писалъ въ своихъ статьяхъ о музыкѣ, до чего только ни договаривался онъ на своихъ лекціяхъ объ искусствѣ. Доходило до того, что онъ возставалъ противъ музыкальныхъ школъ... Изъ громадной массы его писаній я весьма мало что читалъ, но и это не многое поражало меня своими абсурдами... Этотъ замѣчательный человѣкъ не рѣдко просто доходилъ до крайности, онъ рѣшительно не зналъ иногда, что дѣлаетъ—договариваясь Богъ вѣсть до чего, отрицая напр. пользу консерваторій и вообще музыкальнаго образованія въ школахъ...

Концерты въ первые три года существованія Русскаго Мукальнаго общества были даваемы въ домѣ Елисѣева, у Полицейскаго моста, гдѣ нынѣ Благородное собраніе. Публики собиралось много, т. е. около 900 челов., зала не вмѣщала болѣе. Концерты имѣли полный успѣхъ. Одну изъ ихъ особенностей составляли программы, печатавшіяся съ біографическими подробностями о тѣхъ композиторахъ, произведенія которыхъ выполнялись на нашихъ концертахъ...

Все пошло хорошо, но все это было ничтожно противъ чрезвычайно важныхъ послѣдствій: явилось постепенно, подъ вліяніемъ дѣятельности русскаго музыкальнаго общества, полное

преобразованіе въ обученіи музыкѣ во всемъ русскомъ обществѣ, во всѣхъ институтахъ, общественныхъ учрежденіяхъ, въ семействахъ... Дотолѣ музыка, въ большинствѣ случаевъ для молодежи ограничивавшаяся бряцаніемъ на фортепіано для поздравленія мамаши съ папашей или въ честь какой либо начальницы, уступила мѣсто серьезному отношенію къ дѣлу музыкальнаго образованія... Теперь, какъ извѣстно, во всѣхъ школахъ и институтахъ — совершенно серьезно смотрятъ на это весьма важное дѣло въ общемъ ходѣ развитія учащихся; питомцы петербургской консерваторіи и по образцу ея явившихся учрежденій въ нѣсколькихъ городахъ нашего отечества свершили полный переворотъ въ дѣлѣ музыкальнаго образованія въ Россіи... Много сдѣлано въ Москвѣ, подъ руководствомъ покойнаго Николая Григорьевича и его достойныхъ преемниковъ. Тамъ при началѣ дѣла держались моего совѣта, который я далъ Н. Г.: „скорѣе, скорѣе собери какъ можно болѣе членовъ, организуй отдѣленіе музыкальнаго общества и дѣйствуй бодро и энергично". И онъ дѣйствовалъ тѣмъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ, что въ Москвѣ не было конкуренціи и многіе были весьма отзывчивы на его призывъ къ дѣлу упроченія музыкальнаго образованія.

X.

Музыкальные классы въ Михайловскомъ дворцѣ.—Учащіе и учащіеся.—Музыкальная школа.—Консерваторія.—Первые ея, по времени, профессора и первые выпуски ея учениковъ и ученицъ. — Отношенія къ консерваторіи общества и его требованія.—Заслуги консерваторіи предъ Россіей.

1859 — 1868.

Между тѣмъ въ Петербургѣ „музыкальные классы" Михайловскаго дворца стали перерождаться въ консерваторію... Явился уставъ, явилось учрежденіе... Тутъ произошелъ одинъ смѣшной случай... Время было кваснаго патріотизма... Пишемъ уставъ, надо избѣгать иностранныхъ словъ, ну какъ консерваторію назвать консерваторіей! Никакъ невозможно! Слово совершенно иностранное. Назвали Музыкальной школой. Профессора̀ опять слово иностранное, назовемъ—преподавателями. Назвали. Уставъ представленъ, уставъ утвержденъ (1862 г.) Чтоже вышло?

Профессоръ на Руси — это своего рода чинъ, положеніе довольно высокое, значительное; преподаватель—это уже гораздо мельче. Итакъ мы сами себя поурѣзали, гоняясь за выраженіями русскими. Уже гораздо позже, послѣ кончины великой княгини Елены Павловны († 1873), когда дѣло консерваторіи и музыкальнаго общества принялъ подъ свое покровительство великій князь Константинъ Николаевичъ—пересмотрѣнъ былъ уставъ „Музыкальной школы“—она сдѣлалась и по имени консерваторіею, съ профессорами.

Я былъ ея первымъ директоромъ (съ 1862 по 1 сентября 1867 г.); А. А. Герке, Ѳ. О. Лешетицкій, Дрейшокъ, К. Ю. Давыдовъ, г-жа Генріета Ниссенъ-Саломонъ, Г. Ѳ. Венявскій, К. Б. Шубертъ, П. Л. Петерсенъ, І. А. Вейкманъ, Альбертъ Цабель, Чіарди, Н. И. Заремба, А. И. Виллуанъ, Луфтъ, Мецдорфъ, И. К. Воячекъ, Кавалини, Фереро, Репетто, К. К. фанъ-Аркъ, Г. Г. Кроссъ (съ 1867 г.), Зейфертъ, А. С. Фаминцынъ, А. И. Рубецъ (съ 1867 г.), Іогансенъ (тоже), Черни и друг. славные дѣятели въ области музыкальнаго искусства въ Россіи вошли въ первую по времени въ Россіи консерваторію какъ профессора, а нѣкоторые изъ нихъ какъ адъюнкты.

И чтò за превосходные, чтò за даровитые артисты-музыканты и знатоки музыкальнаго искусства явились въ первыхъ выпускахъ нашей консерваторіи: П. И. Чайковскій, Ив. Осип. Рыбасовъ (†), Ларошъ (1866), Е. А. Лавровская, А. Н. Есипова, М. В. Терминская, С. А. Малоземова (нынѣ преподавательница въ консерваторіи), Н. А. Ирицкая, О. Ѳ. Минквицъ, В. А. Тиманова (хотя короткое время, но она также была въ петербургской консерваторіи и изъ нея переѣхала въ Берлинъ), Луи Альбрехтъ, А. Л. Спасская (основательница музыкальной школы въ Вильнѣ, хорошая также музыкантша), Конст. Пушиловъ, Василій Салинъ (скрипки), Луи Гоммиліусъ (органистъ), Ив. Макаровъ, Г. Г. Кроссъ (†)—(Кроссъ и Чайковскій—перваго выпуска 1865 г., получили медали); К. К. Зики, Н. А. Губертъ, г-жа Щетинина, г. Альтани, г-жи Логинова, Тарновская, Клеммъ, А. А. Хвостова, Соколовская, Турчанинова, Скордули, А. И. Рубецъ, Соловьевъ, И. Дм. Пановъ и многіе другіе (выпуски 1865—1868 гг.). Конечно, это обиліе талантовъ въ рядахъ первыхъ выпусковъ объясняется и

тѣмъ, что русское общество выслало, въ началѣ 1860-хъ гг., изъ своей среды лучшія назрѣвшія силы въ число учениковъ и ученицъ консерваторіи, каковое учрежденіе такъ долго оно ждало... А число учащихся въ консерваторіи, дѣйствительно, все росло, да росло... Къ концу моего перваго въ ней директорства учениковъ и ученицъ насчитывалось до 200; позднѣе — оно дошло до 700 лицъ обоего пола, и это, по моему мнѣнію, было уже большою ошибкою! Консерваторія должна была, такъ сказать, вырости въ вышину, а она раздалась въ ширь и стала музыкальной фабрикой. И теперь, когда я, послѣ длиннаго ряда годовъ, вновь опять директоромъ—я всѣ силы употребляю, чтобы ее изъ фабрики обратить въ художественную мастерскую, и я не теряю надежды на успѣхъ...

Обращаясь ко времени основанія въ Петербургѣ консерваторіи, передамъ нѣсколько чертъ, характеризующихъ отношенія тогдашняго общества къ небывалому на Руси учрежденію. Многія изъ нашихъ барынь поражены были прежде всего тѣмъ, что это заведеніе для музыкальнаго образованія является вполнѣ русскимъ... „M-r Рубинштейнъ, говоритъ мнѣ бывало великосвѣтская дама,— представляя свою юницу дочь, и говоритъ, разумѣется, по французски:—я вамъ привела мою дочь, надѣюсь, что она здѣсь усвоитъ себѣ музыкальное образованіе и не забудетъ иностранныхъ языковъ“...

— Да вѣдь у насъ все преподаваніе идетъ на языкѣ русскомъ.

— „Какъ, недоумѣваетъ барыня, — музыка на языкѣ русскомъ... Вотъ это оригинально“!

И дѣйствительно, напр., являлось оригинальнымъ, что у насъ въ консерваторіи впервые въ Россіи началось преподаваніе теоріи музыки на языкѣ русскомъ. Профессоръ Н. И. Заремба, протестантъ, отчасти фанатикъ въ дѣлѣ религіозномъ, но отличный профессоръ теоріи музыки, преподавалъ ее на языкѣ русскомъ. До него, кто желалъ ознакомиться съ теоріей музыки, долженъ былъ обращаться къ иностранцамъ, либо ѣхать въ Германію... Заремба былъ золотой человѣкъ для консерваторіи и прекрасно зналъ свое дѣло...

Многіе въ публикѣ смотрѣли на возникшее наше учрежденіе, какъ на мѣсто удобное въ особенности для слабоумныхъ дѣтей. — „Господинъ директоръ, — говорили мнѣ нѣкоторыя сердо-

больныя маменьки, приводя своихъ полуидіотовъ сыновей: „этого мальчика уволили изъ такого-то и такого-то заведенія по слабости здоровья (разумѣлось, нерѣдко, по неспособности и малоуспѣшности); куда мнѣ его дѣть? я и придумала отдать его къ вамъ, въ консерваторію; у васъ и полегче ему будетъ, и наукамъ онъ обучится, да и къ музыкѣ, можетъ быть, окажется способнымъ“!

Ну вотъ, что̀ бывало прикажете дѣлать съ такими барынями! Насилу бывало втолкуешь имъ, что и въ консерваторіи нужны ученики и ученицы способные, прилежные, здоровые физически и душевно...

Введеніе у насъ преподаванія научныхъ предметовъ, въ паралель съ музыкой, также подавало поводъ нѣкоторымъ расчетливымъ родителямъ опредѣлять къ намъ своихъ птенцовъ только потому, что они одновременно обучатся и тому и другому,— что-де это и обойдется гораздо дешевле... Впослѣдствіи, когда консерваторіи дали льготу перваго разряда по отношенію къ воинской повинности, подобно тому, какъ то дано академіи художествъ, бывали молодые люди, которые вовсе не по призванію къ искусству, а единственно дабы выхватить съ дипломомъ льготу перваго разряда (служба въ такихъ случаяхъ была всего одно-лѣтняя — вмѣсто четырехъ-лѣтней), укрывались подъ гостепріимную сѣнь консерваторіи. Конечно, это были случаи не частые, но бывали... и во всемъ этомъ весьма мало было музыкальнаго! Быстрый ростъ числа учащихся обоего пола въ консерваторіи имѣлъ также свои существенные недостатки; консерваторія раздалась въ ширину, въ особенности во время моего отсутствія изъ этого учрежденія... При Н. И. Зарембѣ, Мих. Пав. Азанчевскомъ, К. Ю. Давыдовѣ [1]) и друг. сдѣлано было весьма много хорошаго, но и было не мало промаховъ... хотя бы, напр., относительная легкость полученія дипломовъ учащимися, изъ которыхъ,—говорю про мужчинъ, — нѣкоторые не были одушевлены любовью къ искусству, да и не имѣли къ нему призванія, а просто добивались диплома въ видахъ освобожденія или облегченія для себя отбыванія

---

[1]) Въ первомъ изданіи моего разсказа по ошибкѣ было опущено упоминаніе о К. Ю. Давыдовѣ. Это былъ замѣчательный дѣятель въ области музыки и обладалъ превосходнымъ музыкальнымъ дарованіемъ. А. Р.

воинской повинности... Повторяю, во всемъ этомъ было мало музыкальнаго... Введеніе преподаванія научныхъ предметовъ въ консерваторіи было также, можно сказать, ошибкою: консерваторія—должна быть вполнѣ музыкальнымъ университетомъ, сюда должны поступать лица съ надлежащею научною подготовкою, здѣсь не должно быть приготовительныхъ классовъ...

Во всякомъ случаѣ, консерваторіи въ нашемъ отечествѣ сослужили превосходную службу: онѣ разлили по всему лицу Россіи свѣтъ музыкальнаго образованія; при этомъ одна уже петербургская консерваторія, не говоря о московской и о музыкальныхъ школахъ Кіева, Харькова, Саратова, Тифлиса, Одессы,—нынѣ даже въ Омскѣ таковая имѣется, — одна петербургская консерваторія дала Россіи цѣлый рядъ чрезвычайно сильныхъ талантовъ въ области музыкальнаго искусства; назову хотя слѣдующихъ: бывшаго правовѣда Чайковскаго—по музыкальнымъ сочиненіямъ геніальнаго художника, дошедшаго до своего апогея и сдѣлавшагося, какъ художникъ-писатель въ области музыки, достояніемъ всей Европы, между тѣмъ какъ ему едвали еще есть 50 лѣтъ [1]); г-жу Лавровскую—по пѣнію, г-жу Есипову — піанистку, покойнаго Губерта—по теоріи музыки (онъ былъ преемникъ Николая Григорьевича Рубинштейна—въ званіи директора московской консерваторіи), Кросса—піаниста и бывшаго профессоромъ въ спб. консерваторіи; Германъ Августовичъ Ларошъ, человѣкъ весьма образованный, прекрасно владѣющій перомъ какъ музыкальный критикъ и знающій теорію музыки въ такомъ совершенствѣ, какъ весьма не многіе профессора ее знаютъ, при томъ отличный преподаватель—онъ былъ профессоромъ въ московской консерваторіи; г. Альтани—замѣчательный капельмейстеръ, и мног. другіе; отличныхъ преподавателей и преподавательницъ, выпущенныхъ консерваторіей, можно насчитывать, за 25 лѣтъ ея существованія, нѣсколько десятковъ... Впрочемъ, относительно пѣнія, кто лучше, кто хуже учитель пѣнія — сказать трудно: это какъ доктора: самый лучшій можетъ уморить, такъ точно и въ пѣніи — самая лучшая преподавательница или профессоръ могутъ испортить, а не усовершенствовать свою ученицу...

[1]) Петръ Ильичъ Чайковскій род. 25-го апрѣля 1840 г., кончилъ курсъ въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія въ Спб., въ 1859 г., и нѣкоторое время состоялъ на службѣ въ департаментѣ Мин. Юстиціи. М. С.

XI.

Оставленіе консерваторіи. — Мои концерты. — Артистическое путешествіе по Америкѣ.—Венявскій.—Степень музыкальности у различныхъ народовъ.

1867 — 1872.

Въ сентябрѣ 1867 года я оставилъ консерваторію, такъ какъ разошелся во взглядахъ съ нѣкоторыми ея профессорами на самую суть и цѣль преподаванія; притомъ я, дѣйствительно, человѣкъ темперамента пылкаго, да и крутъ; я горячо все беру къ сердцу, потому что горячо люблю самое дѣло....

Какъ въ бытность въ консерваторіи, такъ и послѣ во всю жизнь я продолжалъ давать частые концерты. Давалъ ихъ повсюду въ Европѣ, во всѣхъ главнѣйшихъ центрахъ цивилизаціи; не довелось быть только въ Румыніи, да въ Греціи и, конечно, въ Турціи... Относительно благотворительныхъ концертовъ довелось давать ихъ также не мало [1]); но тутъ замѣчу одну особенность нашего русскаго общества. Здѣсь, т. е. въ Россіи, вообще часто доводилось мнѣ давать концерты въ пользу учащихся и притомъ всевозможныхъ высшихъ, спеціальныхъ, даже среднихъ учебныхъ заведеній, между тѣмъ ни одного разу не довелось этого дѣлать за предѣлами Россіи, и не пришлось потому, что съ таковыми просьбами не обращались ко мнѣ... Тамъ, заграницей, когда давалъ я концерты съ благотворительною цѣлью, то это обыкновенно было въ пользу бѣдныхъ обывателей того или другаго города, либо по случаю какого либо мѣстнаго бѣдствія, въ пользу пострадавшихъ отъ него, либо въ пользу фонда артистовъ и т. п., но въ пользу учащихся ни въ Германіи, ни въ другихъ странахъ, кромѣ Россіи, нигдѣ меня никогда не просили играть. Это

---

[1]) Нѣкоторые изъ друзей А. Г. Рубинштейна намъ сообщили интересную справку: по приблизительному, но довольно вѣрному расчету, Антономъ Григорьевичемъ собрано только въ Россіи, и лишь со времени основанія консерваторіи, т. е. менѣе чѣмъ въ 28 лѣтъ — 300,000 руб. съ благотворительныхъ его концертовъ и отдано имъ на добрыя цѣли и учрежденія или въ пользу бѣдныхъ. Также много потрудился для добраго дѣла и братъ его Николай Григорьевичъ († 1881 г.): въ теченіе, напр., одной зимы 1877 — 1878 гг., его субботними и воскресными концертами въ Москвѣ и окрестныхъ городахъ вычена Н. Г. сумма въ 32,000 руб. въ пользу «Краснаго Креста». **М. С.**

тѣмъ болѣе удивительно, что напр. университетское образованіе заграницей обходится весьма дорого... Этого отсутствія заграницей концертовъ въ пользу учащихся я себѣ никакъ не могу объяснить, между тѣмъ у насъ въ отечествѣ мнѣ доводилось часто участвовать въ концертахъ или даже давать ихъ именно съ этою доброю цѣлью...

Въ 1872 году я вмѣстѣ съ скрипачемъ покойнымъ Генрихомъ Венявскимъ принялъ приглашеніе одного антрепренера сдѣлать артистическое путешествіе по Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки [1]). До меня въ Америкѣ изъ русскихъ музыкантовъ были только кн. Юрій Голицынъ и Славянскій-Агреневъ. Договоръ американца со мною былъ заключенъ въ Вѣнѣ, при посредствѣ адвоката Жака. Въ мою пользу было выговорено 200,000 франковъ вознагражденія, половина суммы была тогда же положена антрепренеромъ въ банкъ...

По договору антрепенеръ не имѣлъ меня право везти въ южные штаты, вообще весь маршрутъ былъ въ точности обусловленъ договоромъ, юридически вполнѣ оформленнымъ. На извѣстное время я поступилъ въ полное распоряженіе антрепренера... Ну ужъ и не дай Богъ никогда поступать въ такую кабалу! Здѣсь уже нѣтъ мѣста искусству,—это чисто фабричная работа, обращаешься въ какой-то автоматическій инструментъ; артистъ теряетъ свое достоинство, онъ пропадаетъ...

Въ теченіи восьми мѣсяцевъ пребыванія моего въ Америкѣ, при чемъ мы объѣхали Соединенные Штаты вплоть до Новаго Орлеана, дальше не были, я 215 разъ выходилъ на эстраду... Случалось, да и не рѣдко, два-три раза въ день давали мы концерты, и все въ разныхъ городахъ... Успѣхъ и сборы были всегда полны, но все это настолько тяжело, что я просто сталъ презирать и себя и искусство; все время былъ собой недоволенъ, такъ что когда, нѣсколько лѣтъ спустя, мнѣ было сдѣлано предложеніе повторить мой объѣздъ Америки, причемъ предлагали гонораръ въ

---

[1]) Генрихъ Венявскій былъ, безспорно, первый въ тѣ годы скрипачъ,—ничего подобнаго нигдѣ не было; его игра производила громадный эфектъ; человѣкъ онъ былъ остроумный, забавный, но болѣзненный.... Въ Америкѣ однако вовсе не хворалъ; за свой артистическій вояжъ въ Новый свѣтъ онъ получилъ 100 т. франковъ. Умеръ отъ водяной, въ Москвѣ. А. Р.

полмилліона марокъ за это музыкальное путешествіе, я на отрѣзъ отказался... Какъ курьезъ отмѣчу: контрактъ выполнялся такъ строго и точно, что покойный Венявскій, человѣкъ вообще нервный и въ бытность свою въ оркестрѣ Большаго театра въ Петербургѣ, да и въ консерваторіи профессоромъ, часто не являвшійся по слабости здоровья, тутъ, въ Америкѣ, волей-неволей нашелъ въ себѣ настолько силы, что ни единаго раза не проманкировалъ и постоянно являлся съ своею волшебною скрипкою на эстраду, да и немудрено: за неявку, по контракту, на него падалъ штрафъ въ 1,000 франковъ!

Заработокъ въ Америкѣ положилъ основаніе моему матеріальному обезпеченію. До тѣхъ поръ его не было; только послѣ Америки я поспѣшилъ пріобрѣсти недвижимость-собственность—дачу въ Петергофѣ... Съ 1865-го года я женатъ, но дѣлалъ свои путешествія всегда одинъ.

Во время моихъ путешествій—весь досугъ, какой выдавался, посвящалъ я либо на чтеніе, либо на композиторскую дѣятельность; часто писалъ по-нѣмецки, либо по-французски (оп. «Неронъ»), но потому на иностранныхъ языкахъ, что съ трудомъ добывалъ русскаго либреттиста, да и постановка на отечественной сценѣ новыхъ оперъ вообще бываетъ значительно позднѣе, чѣмъ на иностранныхъ сценахъ; для либретто „Демона" я обратился къ профессору Дерптскаго университета П. А. Висковатову... либретто для оперы „Горюша" написалъ мнѣ Дмитрій Вас. Аверкіевъ...

Кстати, относительно музыкальности тѣхъ или другихъ народовъ скажу, что хотя повсюду въ Германіи преобладаетъ въ настоящее время особаго рода патріотизмъ, что-де и чортъ не братъ нѣмцу, а вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ въ нихъ какой-то не то піэтизмъ, не то мистицизмъ, да и вся мощь и сила германцевъ нынѣ, увы, въ штыкахъ и единствѣ, что для культуры ножъ острый, тѣмъ не менѣе Германія, все-таки, по моему мнѣнію, остается самою „музыкальною" въ свѣтѣ націею. Да вотъ какъ: если взять счетъ понимающихъ музыку процентами на 100, то число нѣмцевъ равняется 50%, французовъ—16%, англичане (самая немузыкальная часть всего человѣческаго рода)—2%. Даже американцы гораздо болѣе англичанъ понимаютъ и любятъ музыку... Говорю это съ полнымъ безпристрастіемъ, ибо въ Англіи я всегда находилъ лично для себя самый радушный пріемъ... При всемъ ихъ ко

мнѣ радушіи, долженъ откровенно сказать, что въ музыкѣ они ничего не чувствуютъ и ничего въ ней не понимаютъ... Этого, однако, не пишите, а то сыны Альбіона на меня весьма разгнѣваются... Въ Америкѣ все-таки чуть-чуть больше музыки, чѣмъ въ Англіи... Собственно же музыка существуетъ только въ Германіи—именно музыка высокая; во Франціи есть одинъ лишь отдѣлъ въ области музыки, который идетъ превосходно и весьма цѣнится, но это все не то, что въ Германіи,—какъ можно! Истинное пониманіе высшихъ музыкальныхъ произведеній нигдѣ, кромѣ Германіи. Русскіе съ своими прекрасными народными мелодіями стоятъ особнякомъ... Русская мелодія, дѣйствительно, чудная! Только Швеція и Норвегія имѣютъ еще такія очаровательныя мелодіи; впрочемъ я не распространяюсь о музыкальности русскаго народа, такъ какъ меня, какъ русскаго, заподозрятъ въ невольномъ пристрастіи къ своему отечеству.

Въ общемъ же, при нынѣшнемъ въ Европѣ преобладаніи бисмарковщины съ одной стороны, вагнеровщины съ другой, когда всѣ идеалы стали верхъ ногами,—для музыки—я говорю о музыкальномъ творчествѣ—положительно насталъ критическій моментъ! Знаніе техники сдѣлало гигантскіе шаги, но собственно музыкальное творчество, повторяю, кончилось... Съ послѣдними дивными звуками Шопена оно умерло или обмерло,—на долго-ли, не знаю! Въ данное время, въ области музыкальнаго творчества, по моему мнѣнію, повторяется то же явленіе, что было въ искусствѣ живописи: въ XV, XVI, даже въ XVII-мъ столѣтіяхъ—оно стояло чрезвычайно высоко; въ XVIII-мъ живопись стала падать, дошла до ничтожества и вотъ лишь только теперь начинаетъ возрождаться... Этотъ временный застой явился и для музыкальнаго творчества... Когда оно выйдетъ изъ него и въ какомъ видѣ выйдетъ—этого никто не знаетъ, но вѣрно то, что все, чѣмъ мы въ ней восторгались, что любили, уважали, предъ чѣмъ преклонялись и чему удивлялись—это съ Шопеномъ кончилось...

XII.

Мои статьи о музыкѣ и музыкальныя, въ различныхъ родахъ, произведенія.— Историческіе концерты въ столицахъ главныхъ городовъ Европы. — Вторичное вступленіе директоромъ въ консерваторію.—Записки и проекты.—Вопросъ о реформахъ въ организаціи музыкальнаго дѣла въ Россіи, какъ одного изъ сильныхъ средствъ для образованія народа.

1852 — 1889.

Обращаясь къ моей дѣятельности, какъ писателя въ области музыки, вспоминаю, что въ № 1-мъ газеты „Вѣкъ“—предпринятой въ 1860 г. покойными В. П. Безобразовымъ, А. В. Дружининымъ и К. Д. Кавелинымъ, а также нынѣ здравствующимъ П. И. Вейнбергомъ, я помѣстилъ статью о „Музыкѣ въ Россіи“,—именно о диллетантизмѣ въ музыкѣ; при этомъ я рѣзко возставалъ противъ этихъ любителей-диллетантовъ, отъ которыхъ кромѣ вреда для музыкальнаго дѣла въ Россіи ничего не видѣлъ... Статья вновь вызвала бурю противъ меня, новая лавина нападокъ на меня обрушилась, но и теперь, 30 лѣтъ спустя, остаюсь при тѣхъ-же взглядахъ, какіе высказалъ въ той статьѣ. Надо впрочемъ сказать, что тотъ диллетантизмъ, противъ котораго я выступилъ до учрежденія консерваторіи, уже теперь не имѣетъ прежняго вреднаго значенія въ русскомъ обществѣ, но тогда онъ былъ на первомъ планѣ. Во всякомъ случаѣ, статья 1860 г. теперь уже не имѣетъ никакого значенія.

За перо, однако, я брался для написанія статей объ искусствѣ весьма рѣдко: такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, написалъ по-нѣмецки статью (она имѣется и въ русскомъ переводѣ) относительно духовныхъ оперъ или ораторій [1]), а другую (въ лейпцигскомъ журналѣ „Signal“) по поводу сдѣланнаго мнѣ предложенія взять на себя редакцію изданія музыкальныхъ классиковъ; таковое изданіе весьма важно уже потому, что оно легло-бы основою въ дѣлѣ общаго усвоенія тѣхъ или другихъ музыкальныхъ терминовъ и понятій... Въ послѣдніе годы мнѣ принадлежатъ проектъ новаго устава консерваторіи и всѣ тѣ записки, къ ней и къ музыкальному въ Россіи искусству относящіяся, изъ ко-

---

[1]) Письмо А. Г. Рубинштейна о «духовной оперѣ»: («Geistliche Oper»). Сборникъ Левинскаго, изданный въ Берлинѣ, подъ названіемъ: «Vor den Kulissen» (Изъ-за кулисъ). М. С.

торыхъ одна, я надѣюсь, получитъ установленный ходъ... Вотъ то немногое, что я писалъ; будущій мой біографъ не получитъ и моей корреспонденціи, такъ какъ ея почти не было: переписываться терпѣть не могу, такъ какъ врагъ всякаго письма.

Времени написанія тѣхъ или другихъ моихъ оперъ—вполнѣ точно я не помню, судить же о времени написанія по тѣмъ годамъ, когда онѣ ставились на сцену, нельзя, такъ какъ нерѣдко представленіе шло значительно позже времени написанія ихъ. Тѣмъ не менѣе, я помню, что оперы: „Ѳомка-дурачекъ"—была написана мною въ 1852 г., „Демонъ" въ 1871 году; нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта послѣдняя опера перешла уже за сотое представленіе, но съ тѣхъ поръ шла-ли пять разъ—не знаю; съ своей стороны, я къ дирекціи никогда не обращался, да и не обращаюсь съ просьбами или хотя напоминаніями о постановкѣ того или другаго изъ моихъ сочиненій. Пусть дѣлаютъ какъ хотятъ. Почему, напр., снимали съ репертуара мою оперу „Купецъ Калашниковъ"—я рѣшительно не знаю; для меня весьма пріятно, что эта опера очень понравилась и была одобрена свыше и, по желанію высшей власти, вновь была поставлена на сцену; но почему, вопреки этого одобренія, послѣ двухъ-трехъ представленій, опять снята—рѣшительно недоумѣваю; между тѣмъ какъ сборы эта опера давала полные, слѣдовательно публикѣ очевидно опера весьма нравилась...

Опера „Маккавеи"—писана мною въ 1873—1875 гг., шла же она на сценѣ въ Петербургѣ впервые только въ 1877-мъ году... Гораздо ранѣе былъ поставленъ мой „Неронъ" въ Гамбургѣ.— Далѣе идутъ мои комическія оперы: „У Разбойниковъ", „Попугай" — 1885-го года....

Не могу похвалиться, чтобы оперы мои встрѣчали со стороны дирекціи отечественнаго театра радушіе; бывало довольно часто, что дирекція вовсе игнорировала мои произведенія, между тѣмъ за рубежемъ родной земли пріемъ былъ очень, очень радушенъ... Да и въ послѣдніе годы у насъ „Демона" даютъ весьма рѣдко; „Маккавеи"—не даютъ [1]); „Калашникова" вовсе

---

[1]) Любопытный фактъ: когда нѣкогда, по представленію г. Лукашевича, покойный гр. А—гъ согласился, наконецъ, разрѣшить постановку «Маккавеи», то его сіятельство положилъ такую резолюцію: «дать можно, но отнюдь на новыя декораціи и костюмы ничего не тратить».

спяли... Если оказывается самое доброе вниманіе къ моимъ произведеніямъ въ офиціальномъ мірѣ, такъ это только свыше... Быть можетъ, я ошибаюсь, но въ основѣ нерасположенія дирекціи къ моимъ операмъ лежитъ нерасположеніе не ко мнѣ лично, а къ консерваторіи... Впрочемъ, я никогда не имѣлъ объясненій съ директорами театровъ, такъ какъ эти лица все же смѣняющіеся; въ личныхъ сношеніяхъ они весьма любезны.... Надо и то сказать, что положеніе директора театровъ не только въ Россіи, но и повсюду очень, очень трудное и если меня спросятъ: какой постъ, по моему мнѣнію, труднѣе—министра иностранныхъ дѣлъ или директора театровъ, я скажу—послѣдній постъ несравненно труднѣе...

Ораторіи или духовныя оперы „Потерянный Рай" и „Вавилонская башня" написаны весьма давно, а именно первая изъ этихъ ораторій уже въ 1854-мъ году была готова, а вторая, по времени написанія, относится къ 1870-му году. Къ этому роду произведеній принадлежитъ «Моисей»—четыре картины.

Большая часть моихъ симфоній безъ названій, наиболѣе изъ нихъ извѣстны—„Океанъ", „Драматическая", № 5—„Русская", всего кажется до шести симфоній. Музыкальныя картины: „Іоаннъ Грозный",—„Донъ-Кихотъ" и „Фаустъ"; баллада „Леонора".... „Эроика" посвящена памяти М. Д. Скобелева, рукопись подарена мною въ музей Боголюбова, въ Саратовъ... Къ раннимъ произведеніямъ моимъ относятся музыкальныя иллюстраціи къ баснямъ Крылова: „Оселъ и Соловей",—„Кукушка и Орелъ",—Стрекоза и Муравей",—„Ворона и Лисица",—„Парнасъ"—„Квартетъ"... и друг. Къ послѣднимъ, по времени написанія, принадлежатъ оперы „Суламиѳъ", да вотъ теперь—„Горюша"... Романсовъ на текстъ лучшихъ нашихъ поэтовъ написано много, а сколько и какіе—не помню, всѣ они переименованы въ каталогахъ... [1]).

Въ сезонъ 1885—1886 гг. я привелъ въ исполненіе мысль, которую давно лелѣялъ: мнѣ хотѣлось, какъ окончаніе моей виртуозной карьеры, представить въ рядѣ концертовъ въ главнѣйшихъ центрахъ Европы, такъ сказать, наглядную исторію посте-

---

[1]) См. въ ноябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1889 г. «Лѣтопись», въ которой перечислены всѣ произведенія А. Г. Рубинштейна и указано время появленія ихъ въ печати или на сценѣ. **М. С.**

пеннаго развитія фортепіанной музыки. И мнѣ удалось цѣликомъ осуществить эту мысль; до меня бывали лекціи по исторіи музыки, но историческихъ концертовъ, въ такихъ, по крайней мѣрѣ, размѣрахъ, какъ я предпринялъ, дѣйствительно не было.

Я далъ по семи историческихъ концертовъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Парижѣ и Лейпцигѣ; по три таковыхъ же концертовъ въ Дрезденѣ и Брюсселѣ; при этомъ въ первыхъ семи городахъ каждый историческій концертъ давалъ я вдвойнѣ, т. е. каждый концертный вечеръ повторялъ именно одинъ для публики, и на другой день тотъ же концертъ для учащихся въ области музыкальнаго искусства; на тѣ и другіе концерты слушателей набиралась масса... Дѣло казалось, дѣйствительно, невѣроятнымъ: напр., два вечера я играю въ Петербургѣ, затѣмъ сряду же два вечера въ Москвѣ, возвращаюсь въ Петербургъ и вновь даю сряду два концертныхъ вечера, и т. д., итого по 14 концертовъ въ каждомъ изъ этихъ городовъ. Пріемомъ публики и вообще успѣхомъ повсюду я вполнѣ былъ доволенъ; на физическое утомленіе я никакъ не могу жаловаться, я его не испытывалъ [1]); не могу жаловаться и на мою память—многое изъ того, что я игралъ на этихъ концертахъ, изучалъ я съ самаго моего дѣтства... На изученіе остальнаго, что я игралъ впервые, и довольно много, мнѣ оказалось достаточно одного лѣта... Никакого на концертахъ моихъ суфлера не было, не бываетъ, да таковой едвали и возможенъ... Что касается до матеріальной стороны дѣла, то все устройство этихъ концертовъ было взято на себя особымъ агентомъ изъ Берлина г. Вольфомъ, за опредѣленный % изъ чистаго сбора. Я, такъ сказать, пріѣзжалъ прямо на эстраду, не зная никакихъ заботъ и хлопотъ... Это чрезвычайно удобно. Въ Россіи у насъ только теперь для музыкальнаго дѣла устраиваются агентства. Въ Петербургѣ Павелъ Леонтьевичъ Петерсенъ, въ Москвѣ г. Юргенсонъ берутъ нынѣ на себя всѣ хлопоты для освобожденія отъ нихъ артистовъ при устройствѣ ими концертовъ........ Кстати замѣчу: Павлу

---

[1]) Великій нашъ піанистъ и композиторъ, — скажемъ мы отъ себя, — не обнаружилъ при этомъ гигантскомъ дѣлѣ, имъ совершенномъ, ни малѣйшаго утомленія или ослабленія музыкальной памяти, а потому и сѣтованіе его на якобы обнаруживающееся у него съ 50-ти лѣтъ ослабленіе музыкальной памяти слава Богу, совершенно преждевременно. См. выше, стр. 14.

М. С.

Леонтьевичу исключительно принадлежитъ превосходная фортепіанная фабрика Беккера. Всѣ толки о томъ, будто я вложилъ въ это дѣло свои сбереженія, совершенно неосновательны....

Въ началѣ 1887 года я опять сталъ во главѣ Петербургской консерваторіи и тогда же, въ мартѣ, внесъ въ Русское Музыкальное Общество записку объ устройствѣ общедоступныхъ спектаклей и концертовъ, дабы дать возможность, съ одной стороны, творческимъ силамъ новыхъ русскихъ художниковъ выступать съ своими произведеніями, а съ другой—публикѣ пользоваться и наслаждаться тѣми музыкальными дарованіями, которыя выдвигаются изъ нашихъ русскихъ консерваторій [1]... Къ тому же 1887 году относится мой проектъ новаго устава консерваторіи... Онъ получилъ надлежащее движеніе...

Положеніе музыкальнаго искуства въ Россіи и возможно лучшее устройство музыкальнаго въ ней воспитанія—меня весьма озабочиваютъ. По этому поводу мною составлена довольно обширная записка....

Совершенно необходимо, чтобы наши консерваторіи были приняты въ непосредственное вѣдѣніе правительства. Подобно тому, какъ университеты, разныя спеціальныя академіи (напр. художествъ), и вообще всѣ высшія учебныя заведенія вѣдаются правительствомъ, такъ и консерваторіи должны войти въ разрядъ прямо правительственныхъ учрежденій... Для ихъ учрежденія и организаціи былъ весьма полезенъ починъ и энергія частныхъ обществъ; но послѣ тридцати-лѣтняго существованія консерваторій — нѣтъ основанія, чтобы эти высшіе разсадники музыкальнаго образованія оставались бы внѣ непосредственнаго вѣдѣнія правительства. Отъ таковаго перехода изъ частныхъ рукъ, хотя бы и изъ обществъ, въ завѣдываніе правительства — можно ждать только лучшаго для упроченія и для развитія консерваторій... Затѣмъ всѣ музыкальныя школы, безъ изъятія, должны быть, въ силу закона, поставлены въ тѣсную связь и подчиненность къ консерваторіямъ, онѣ должны подготовлять для нихъ контингентъ учащихся. Консерваторіи желательны во всѣхъ главнѣйшихъ центрахъ Россіи, — каковы Петербургъ, Москва, Тифлисъ, Рига, Варшава, Кіевъ, Одесса, даже Омскъ, — чѣмъ ихъ будетъ больше, тѣмъ будетъ лучше,

---

[1]) Записку эту смотри далѣе въ приложеніи. М. С.

но крайне желательно, дабы правительство непремѣнно содержало, въ ряду государственныхъ учрежденій,—не менѣе двухъ консерваторій—одну на сѣверѣ, другую на югѣ; на сѣверѣ для музыки, на югѣ для пѣнія; надо же пользоваться и климатическими условіями нашего юга для высшаго обученія пѣвцовъ и пѣвицъ....

Правительство, принявъ въ непосредственное свое вѣдѣніе развитіе музыкальнаго искусства въ Россіи,—дѣло въ высшей степени важное въ общемъ развитіи народа, — какъ мнѣ кажется, должно озаботиться, дабы, по возможности, въ каждомъ губернскомъ городѣ была бы опера. При матеріальной и нравственной поддержкѣ правительства чрезъ посредство, напр., начальника въ губерніи, и вообще какъ мѣстной, такъ и высшей центральной власти, это далеко не такъ трудно, какъ представляется съ перваго взгляда; что же касается до музыкальныхъ исполнителей, то въ теченіи болѣе четверти вѣка консерваторіи въ столицахъ и музыкальныя школы въ нѣкоторыхъ изъ губернскихъ городовъ (Харьковъ, Кіевъ, Саратовъ, Тифлисъ и др.) подготовили ихъ настолько въ значительномъ числѣ, что уже теперь имъ негдѣ примѣнить то искусство, которое усвоили себѣ питомцы этихъ музыкальныхъ учрежденій—нерѣдко долголѣтнимъ и усерднымъ трудомъ; а при развитіи консерваторій, подъ эгидою правительства, число музыкальныхъ исполнителей быстро станетъ увеличиваться.... Итакъ, артистическихъ силъ для нѣсколькихъ десятковъ оперныхъ провинціальныхъ труппъ будетъ вполнѣ достаточно....

Наше провинціальное общество, какъ всѣмъ извѣстно, утопаетъ въ картежной игрѣ, низшій классъ погрязъ въ пьянствѣ, всѣ слои населенія—въ невѣжествѣ; не надо, однако, быть пророкомъ, чтобы предвидѣть въ высокой степени благодѣтельное вліяніе, каковое произведутъ оперные спектакли, заботливо, разъ навсегда прочно, поставленные въ провинціи... Какой, съ теченіемъ времени, проявится значительный подъемъ нравственныхъ силъ всего русскаго общества, а затѣмъ и народныхъ массъ, чего правительство не можетъ не желать, ибо всѣми своими мѣропріятіями ведетъ или должно вести къ той же цѣли.... Съ другой стороны, существованіе въ провинціи оперныхъ театровъ дастъ исходъ и примѣненіе тѣмъ артистически-музыкальнымъ силамъ страны, каковыя подготовляютъ и будутъ подготовлять наши консерваторіи (правительственныя) и музыкальныя (частныя)

школы.... Мы выйдемъ, наконецъ, изъ жалкаго настоящаго, когда на всю Россію имѣются лишь двѣ оперы—въ Петербургѣ, да въ Москвѣ, если же появляются частныя, оперныя антрепризы въ провинціи, то таковыя обыкновенно весьма скоро лопаются,—несомнѣнно выйдемъ, если правительство возьметъ все это дѣло въ свои руки.

Удивительное дѣло—даже въ столицахъ хотя и имѣются у насъ оперные театры, но всего лишь по одному. Мыслимо-ли при одномъ театрѣ удовлетворять и справедливыя требованія отечественнаго искусства, т. е. ставить оперы русскаго творчества, и въ то же время, въ угоду публикѣ, повторять однѣ и тѣ же иностранны оперы, да ставить еще балеты! Да и для иностранныхъ оперъ—но первоклассныхъ старинныхъ мастеровъ—при одномъ театрѣ тоже почти никогда не сыщется ни мѣста, ни времени... И вотъ, Моцартъ, Мейерберъ и друг. великіе композиторы остаются у насъ цѣлыми годами внѣ репертуара...

Все это, очевидно, явленіе не нормальное...

Обращаясь къ провинціи, скажу, что въ число обязанностей начальниковъ губерній и областей должны быть непремѣнно включены заботы объ устройствѣ мѣстныхъ театровъ, объ упроченіи и развитіи оперныхъ спектаклей, общедоступныхъ концертовъ, о музыкальномъ развитіи массъ.... И я вѣрую, обрати правительство на это вниманіе, преподай надлежащія указанія губернаторамъ, предводителямъ дворянства, городскимъ головамъ, поощри ихъ усердіе—дѣло пойдетъ, непремѣнно пойдетъ.... Въ государствѣ монархическомъ, гдѣ режимъ и авторитетъ власти, какъ у насъ, весьма сильны, гдѣ на правительствѣ лежитъ не только право, но и святой долгъ, въ дѣлѣ развитія культуры массъ, идти впереди народа, — правительство не можетъ не обратить самаго серьезнаго вниманія на упроченіе и развитіе музыкальныхъ учрежденій и музыкальнаго въ Россіи образованія.

Далѣе. Во всей массѣ у насъ, на Руси, учебныхъ заведеній высшихъ, среднихъ, низшихъ,—какого бы типа и вѣдомства они ни были, должны быть непремѣнно введены музыкальные классы, и не то, чтобы ребятишки или взрослые юноши и дѣвицы умѣли бы распѣвать свѣтскія или духовныя мелодіи, но чтобы знали они основныя правила музыкальнаго искусства, знали бы какъ предметъ обязательный, что чрезвычайно важно... Пусть посмотрятъ, какъ это идетъ въ Германіи, либо въ Америкѣ... Я не требую лишнихъ затѣй, не нахожу напр. нужнымъ, чтобы изъ школьниковъ ма-

лолѣтокъ составлялись бы цѣлые оркестры, какъ напр. я это видѣлъ въ одномъ изъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ; участіе въ такихъ оркестрахъ требуетъ отъ ребятъ много времени, но пусть обучаютъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, — въ ряду обязательныхъ предметовъ, — элементарной теоріи музыки, чтобы каждый и каждая изъ учащихся совершенно изучили, еще въ стѣнахъ учебнаго заведенія, такъ сказать, азбуку музыкальнаго дѣла. Повѣрьте, это дастъ самые благотворные плоды. Консерваторіи должны стоять высоко, и только симъ послѣднимъ должно принадлежать право, — послѣ производства строгихъ, серьезныхъ испытаній, выдавать надлежащіе дипломы, подобно тому, какъ это дѣлаютъ университеты и различныя высшія спеціальныя учебныя заведенія... Вотъ это будетъ правильная постановка дѣла! да и весь кадръ преподавателей и преподавательницъ музыки (во всѣхъ разнообразныхъ ея отрасляхъ) долженъ будетъ имѣть отъ консерваторій надлежащіе аттестаты на право обученія музыки въ учебныхъ заведеніяхъ и въ семействахъ, подобно тому, какъ отъ учителей общеобразовательныхъ предметовъ, какъ въ общественныхъ школахъ, такъ и отъ домашнихъ наставниковъ и наставницъ—требуются надлежащіе дипломы.

Обращаясь къ театрамъ, къ сюжетамъ оперъ, — я вовсе не раздѣляю мнѣнія тѣхъ, которые требуютъ, чтобы то и другое были народными и берутъ это понятіе въ самомъ узкомъ смыслѣ.— Вмѣсто сказокъ, да глупыхъ фарсовъ — давайте въ народномъ театрѣ пьесы Пушкина, Гоголя, Гете, Шекспира и другихъ великихъ писателей, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ! Пусть театръ идетъ не въ хвостѣ невѣжества и глупой забавы;—что̀ за охота мужику платить хотя-бы и 15 коп., чтобы идти смотрѣть того-же пьяницу въ зипунѣ, котораго онъ видитъ въ кабакѣ, но пусть театръ стоитъ выше народа и ведетъ его за собой. На первыхъ порахъ народъ, можетъ быть, найдетъ таковыя пьесы для себя скучными, непонятными, но, будьте увѣрены, скоро оцѣнитъ ихъ достоинства, устремится въ театры и тогда театръ станетъ дѣйствительно высокимъ образовательнымъ средствомъ народныхъ массъ... У насъ охотно говорятъ и пишутъ обо всемъ этомъ, но не многіе хотятъ искренно уразумѣть важность этого предмета, а тѣмъ болѣе способствовать осуществленію сказаннаго.

Дѣятели 1860-хъ годовъ свершили многое для музыкальнаго

образованія въ Россіи. До нихъ—почти ничего не было для музыки; опера русская,—несмотря на созданія геніальнаго Глинки,—была въ полномъ загонѣ; со времени учрежденія „Русскаго музыкальнаго общества" въ столицѣ нашего отечества и основанія тамъ-же консерваторіи, по Россіи раскинулась сѣть, по крайней мѣрѣ до двадцати отдѣленій музыкальнаго общества, равно музыкальныхъ школъ... Итакъ правительство имѣетъ уже предъ собой большія музыкальныя силы и разсадники для ихъ образованія; ему остается только придти къ нимъ серьезно на помощь и взять музыкальное дѣло въ Россіи въ число своихъ государственныхъ заботъ, а консерваторіи и музыкальныя школы поставить въ тѣ же условія, въ какія поставлены относительно министерства народнаго просвѣщенія университеты и гимназіи...

Впрочемъ, обо всемъ вышеизложенномъ я говорю здѣсь лишь мелькомъ; всѣ свои мысли о правильной постановкѣ музыкальныхъ учрежденій и вообще музыкальнаго образованія въ Россіи,—обо всемъ, что необходимо для этого сдѣлать,—я подробно и систематически излагаю въ особой, мною составленной и представленной, запискѣ...

Я твердо вѣрую, что при томъ живомъ интересѣ, каковой въ настоящее время являютъ въ высшихъ правящихъ сферахъ къ высокой задачѣ правительства отвлекать народъ отъ невѣжества и пороковъ, въ которыхъ онъ погрязъ, и вести его путемъ нравственнаго развитія при содѣйствіи искусствъ, между прочимъ,—музыки, возвышающей нравственныя силы массъ, — многія изъ предположеній моихъ будутъ приняты и будутъ даны силы и средства къ проведенію ихъ въ жизнь на благо нашего Отечества и для всеобщаго преуспѣянія многомильоннаго русскаго народа!

Дай-то Богъ! Я, по крайней мѣрѣ, по совѣсти сказалъ по сему предмету свое слово, вынесенное изъ многолѣтняго опыта, изъ изученія дѣла и изъ чистаго желанія сослужить дорогому нашему Отечеству, въ мѣрѣ моихъ силъ и знанія, вполнѣ добрую службу.

А. Г. Рубинштейнъ.

Спб. $\frac{\text{сентябрь}}{\text{октябрь}}$ 1889 г.

Примѣч. Перечитавъ мой разсказъ, записанный стенографически и исправленный по моимъ же указаніямъ, я нахожу,—что, какъ всякое устное изложеніе, онъ многаго коснулся лишь слегка, поверхностно; обо многомъ я не досказалъ,—кое о чемъ сказалъ, быть можетъ, нѣсколько рѣзко или даже лишнее; нахожу, наконецъ, кое-гдѣ повторенія... Все это приводитъ меня къ рѣшимости — приняться самому за перо, что я и сдѣлаю при первомъ досугѣ и напишу о видѣнномъ и испытанномъ въ моей жизни... **А. Г.**

АНТОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РУБИНШТЕЙНЪ

Замѣтки къ его біографіи, доктора М. Б. Р—га.

I.

Мнѣ было шестнадцать лѣтъ, когда я, весьма рано потерявшій отца своего, бывшаго врачемъ въ Малороссіи, переѣхалъ въ Москву и въ 1839 году поступилъ въ бывшую тогда имп. медико-хирург. академію, впослѣдствіи слившуюся съ университетомъ. Здѣсь я нашелъ въ средѣ студентовъ двухъ братьевъ Рубинштейнъ; то были родные дяди нынѣ великаго нашего художника-музыканта. Я познакомился съ моими товарищами, а чрезъ нихъ и съ родителями Антона Григорьевича, его братьями и сестрами.

Скажу прежде всего о моихъ товарищахъ по факультету: Эммануилъ Романовичъ Рубинштейнъ былъ замѣчательно умный и образованный человѣкъ; отличный латинистъ, онъ получилъ весьма солидное образованіе, такъ какъ первые университетскіе курсы прошелъ въ Дерптѣ, каковой университетъ, и именно по медицинскому факультету, что видно изъ напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» обширныхъ и въ высшей степени интересныхъ Записокъ Н. И. Пирогова («Р. С.» изд. 1884 и 1885 г.), стоялъ въ то время чрезвычайно высоко. Сводный братъ Эммануила, отъ другой матери, Константинъ Рубинштейнъ, мало на него походилъ. Отца ихъ, т. е. дѣда Антона Григорьевича, я не зналъ вовсе; но за то хорошо познакомился съ отцомъ его, Григоріемъ Романовичемъ, негоціантомъ, имѣвшимъ въ то время, когда я сталъ у него бывать, карандашную и булавочную мастерскую. Мастерская эта была довольно значительная, въ ней работало до 70 лицъ, подъ руководствомъ нѣкоего, весьма свѣдущаго, нѣмца Трея.

Григорій Романовичъ Рубинштейнъ былъ человѣкъ съ необыкновенно пріятнымъ характеромъ и счастливою наружностью, привѣтливый, открытый, въ высокой степени гостепріимный; любилъ однако

поиграть въ картишки, для чего частенько отправлялся въ клубъ; эта любовь къ картамъ перешла и къ его сыновьямъ, но А. Г., сколько мнѣ извѣстно, никогда ими не увлекался и далѣе преферанса «по маленькой» — не шелъ. Хлѣбосольство въ этой семьѣ было издавна замѣчательное и эта черта также полностью перешла въ характеръ Антона Григорьевича. Григорій Романовичъ былъ человѣкъ вполнѣ образованный, отлично говорилъ по нѣмецки; предки его были, вѣроятно, евреи, самъ онъ, впрочемъ, равно какъ и вся его семья, были исповѣданія православнаго. Отлично владѣя языкомъ нѣмецкимъ, Григорій Романовичъ говорилъ и по французски, хотя значительно хуже.

Супруга его, Калерія Христофоровна, доселѣ здравствующая и живущая въ Одессѣ, была высокая, стройная, красивая женщина; она очень хорошо владѣла языками нѣмецкимъ и французскимъ; въ ней виденъ былъ еще немного еврейскій типъ; на языкѣ нѣмецкомъ она и до сихъ поръ ведетъ переписку съ сыномъ. Отличительное свойство ея характера—любовь къ правдѣ: это ходячая истина и это качество она цѣликомъ передала своимъ дѣтямъ. Всѣмъ извѣстна правдивость Антона Григорьевича... Калерія Христофоровна вела дѣтей строго, требовала во всемъ правды, трудилась сама въ дѣлѣ ихъ воспитанія и отличалась замѣчательною выдержкою; эта женщина была сама систематичность...

Никогда не забуду одного изъ эпизодовъ, гдѣ предо мною особенно ярко проявилась и строгость, и выдержанность ея слова. Нѣсколько лѣтъ, до самаго окончанія моего курса (1844 годъ), я всегда бывалъ у нихъ по воскресеньямъ; къ обѣду собиралось иногда отъ 20 до 30 знакомыхъ, разныхъ негоціантовъ, студентовъ (помню напр. одного изъ нихъ—юриста Виноградскаго).

Вечеромъ, бывало, заложатъ намъ, по распоряженію хозяина дома, бывшую при его фабрикѣ лошадь въ безрессорную телѣжку, наберется въ нее человѣкъ пять молодежи и мы направляемся съ Ордынки, гдѣ жили Рубинштейны, въ Большой Театръ... Между мальчиками былъ Яковъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, преумный, лѣтъ 14, юноша, братъ Антона Григорьевича, преизрядный шалунъ. За какую-то шалость мамаша пригрозила его посѣчь. Мы всѣ, и онъ съ нами, съѣздили въ театръ, вернулись—легли спать, думали угроза забыта! Не тутъ-то было: въ часъ ночи приходитъ мамаша, беретъ шалуна, уводитъ въ другую комнату и даетъ ему десять розогъ... «Слово должно быть исполнено», говоритъ она при этомъ: «ты нашалилъ, тебѣ сказано—наказаніе, и получай его!» При всемъ томъ, ея безусловная справедливость и нѣж-

ныя заботы о дѣтяхъ дѣлали то, что они безпредѣльно ее любили, обожаютъ и до сихъ поръ... Ежегодно, въ праздникъ Пасхи, Антонъ Григорьевичъ ѣздитъ къ своей матушкѣ и проводитъ съ нею дни Свѣтлаго Христова Воскресенья.

Достойно вниманія, что когда въ 1846 году Григорій Романовичъ Рубинштейнъ скончался, оставивъ дѣла въ разстроенномъ положеніи, его вдова ни мало не упала духомъ: она приняла на себя уплату его долговъ, отъ которыхъ могла бы и отказаться, такъ какъ мужъ велъ дѣла на свое имя;—продала для этого все, что только можно было продать, а сама опредѣлилась музыкальною дамою въ одинъ извѣстный въ Москвѣ пансіонъ, дабы воспитать въ немъ свою дочь Софію (старшая ея дочь—Любовь уже была замужемъ) и получавшимся заработкомъ, да при помощи одного добраго знакомаго, продолжала платить мужнины долги; она не желала ни на минуту допустить, чтобы на память ея честнаго мужа пала бы какая-либо тѣнь!

Еще черта для характеристики этой женщины. Пока Антонъ Григорьевичъ былъ холостой, онъ жилъ вмѣстѣ съ матерью въ Петербургѣ. Въ 1865 году онъ женился и ѣдетъ съ женой за границу. Калерія Христофоровна, ко времени ихъ возвращенія, приготовляетъ молодымъ новобрачнымъ ихъ квартиру, ставитъ на столъ все, что нужно, къ часу пріѣзда является даже кипящій самоваръ и все, что необходимо для чая, и затѣмъ мать удаляется на особо нанятую ею для себя квартиру, гдѣ-то въ Дмитровскомъ переулкѣ, и поселяется тамъ, отдѣльно отъ сына.

— «Гдѣ сынъ женатый, тамъ при немъ не должна быть теща», говоритъ Калерія Христофоровна, всю жизнь отличавшаяся большимъ тактомъ.

Антонъ Григорьевичъ, какъ я помню, и въ дѣтствѣ былъ мальчикъ вполнѣ серьезный. Мать занималась съ нимъ музыкой чрезвычайно усидчиво; она работала съ нимъ ежедневно, отнюдь не менѣе двухъ часовъ, и это съ самаго ранняго дѣтства! Каждая фальшивая нота или малѣйшее невниманіе дорого обходилось Антону Григорьевичу,—тотчасъ слѣдовало взысканіе линейкою, да по чемъ ни попало! Такое ужъ было время! Педагогика безъ затрещинъ или розогъ тогда была немыслима.

Его наставникъ, Александръ Ивановичъ Виллуанъ, былъ человѣкъ благороднѣйшихъ правилъ; обрусѣлый, обмосковившійся французъ, онъ и говорилъ по русски, какъ чистый москвичъ; прекрасно, конечно, владѣлъ и своимъ роднымъ языкомъ; это былъ человѣкъ образованный и необыкновенно живаго, вспыльчиваго темперамента... Своихъ учениковъ, оказывавшихъ дарованіе къ музыкѣ, какъ напр. братья

Рубинштейны, онъ истинно любилъ, какъ своихъ дѣтей, просто обожалъ, что не мѣшало, однако, Виллуану, при его вспышкахъ, поколачивать своего геніальнаго ученика [1]).

Я даже слышалъ по этому поводу отъ извѣстнаго профессора Бруни, а тотъ, въ свою очередь, отъ профессора-живописи Алексѣя Тарасовича Маркова, слѣдующее: довелось какъ-то Маркову, гдѣ-то за границей, въ началѣ 1840-хъ годовъ, ѣхать на пароходѣ съ Виллуаномъ и его воспитанникомъ Антономъ Рубинштейномъ, и вотъ онъ, Марковъ, былъ однажды свидѣтелемъ, какъ вспыльчивый менторъ высѣкъ своего одиннадцатилѣтняго ученика за какую-то дѣтскую провинность. И это было какъ разъ въ тѣ годы, когда нашъ „чудо-виртуозъ" приводилъ въ восторгъ тысячи посѣтителей его концертовъ, даваемыхъ имъ во всѣхъ центрахъ Европы....

Старшій братъ его, Яковъ Григорьевичъ, былъ превосходный по характеру человѣкъ; замѣчательно умный, отличный врачъ, — въ каковомъ званіи онъ служилъ послѣдовательно въ полкахъ лейбъ-гвардіи — Семеновскомъ, Измайловскомъ и Московскомъ, Яковъ Григорьевичъ отличался замѣчательною гуманностью.... Умеръ онъ, къ сожалѣнію, слишкомъ рано, — въ 1863-мъ году, — въ С.-Петербургѣ.

Николая Григорьевича я зналъ съ трехъ-четырехъ лѣтняго возраста, когда тотъ бѣгалъ еще въ рубашенкѣ. Музыкальныя способности его были положительно феноменальны: это несомнѣнный фактъ, что пяти лѣтъ онъ уже сочинялъ пьесы, напр. я помню его кадриль того времени, помню и то, какъ малютка показывалъ своей матери тѣ ошибки въ печатныхъ нотахъ, какія иногда ему попадались! Антонъ Григорьевичъ мнѣ разсказывалъ напр., что братъ его Николай, пятилѣтній малютка, подалъ однажды свое сочиненіе матери; — „что это ты, Коля, написалъ?" спрашиваетъ мать. — „Это Meine Laune, мое настроеніе!" отвѣчалъ мальчуганъ, который едва еще поднимался съ земли!

Первая, кто указала Калеріи Христофоровнѣ на необходимость взять для ея геніальнаго въ музыкѣ мальчика Антона вполнѣ опытнаго наставника, была родная сестра моя Варвара Богдановна Грюнбергъ, когда она пріѣхала въ Москву съ своею дочерью, а моею племянницею, Юліей Львовной, тогда одиннадцати-лѣтнею дѣвочкою, но уже хорошею піанисткою... А въ свою очередь, это я сказалъ моей сестрѣ—объ А. И. Виллуанѣ, съ которымъ былъ уже тогда знакомъ и бывалъ у него,

---

[1]) Мы имѣли удовольствіе видѣть у Авг. Антонов. Герке четыре фотографическихъ снимка съ портретовъ А. Г. Рубинштейна начала 1840-хъ годовъ: голова мальчика въ высшей степени характерна, выразительна и симпатична. М. С.

познакомившись съ нимъ чрезъ посредство богатаго негоціанта Іосмана, женатаго на родной сестрѣ Виллуана...

Такимъ образомъ, хотя косвенно, но родная сестра моя В. Б. Грюнбергъ († 1869 г.), отрекомендовавъ славнаго учителя, какимъ былъ Виллуанъ, семейству Рубинштейнъ, способствовала быстрому развитію нашего славнаго художника-музыканта...

На первомъ публичномъ концертѣ Антона Григорьевича, 11-го іюля 1839 года, въ театрѣ или въ какомъ-то вокзалѣ (не помню что́ это было за зданіе), въ Петровскомъ паркѣ, подъ Москвою, — я былъ... Я думаю уже не многіе остались въ живыхъ изъ тѣхъ, которые были на этомъ, вполнѣ достопамятномъ, концертѣ.... Какія именно піесы выполнялъ нашъ десятилѣтній артистъ, не помню; но положительно помню, что слезы брызнули у меня, когда я увидалъ тотъ восторгъ, тѣ оваціи, какими сопровождала публика, наполнявшая зало, игру этого ребенка. Зрѣлище было, дѣйствительно, восхитительное... торжество полное; родители Антона Григорьевича тоже очень были обрадованы его столь раннимъ успѣхомъ.

Сестра нашего композитора, Любовь Григорьевна, въ то время была необыкновенная красавица, настоящая Рафаелевская Мадонна, блондинка; она рано вышла замужъ за Якова Исаевича Вейнберга, человѣка съ солиднымъ юридическимъ образованіемъ, роднаго брата извѣстнаго нашего писателя и поэта Петра Исаевича Вейнберга; а младшая сестра, Софія Григорьевна,—получившая отличное образованіе, подобно своимъ братьямъ, вполнѣ причастна музыкѣ: хорошая піанистка, она прекрасно пѣла...

II.

Съ тѣхъ поръ, какъ Виллуанъ увезъ за границу своего ученика (1840—1843 гг.), я на многіе годы потерялъ изъ виду Антона Григорьевича, такъ какъ, по окончаніи курса въ университетѣ (1844 г.), я поступилъ врачомъ въ провинцію, къ одному весьма богатому помѣщику Хлюстину, (Курской губ., Грайворонскаго уѣзда), а затѣмъ въ 1845 году перешелъ къ вдовѣ знаменитаго кавказскаго генерала Н. Н. Раевскаго, сыну героя 1812 года. При этомъ семействѣ и двухъ сыновьяхъ (одинъ изъ нихъ въ 1876 году палъ смертью героя на поляхъ Сербіи, а другой, женатый на княжнѣ М. Г. Гагариной, служитъ въ чинѣ генералъ-маіора), я пробылъ пять лѣтъ за границей... Только въ 1850 году, уже въ С.-Петербургѣ, я нашелъ нашего милаго, дорогаго Антона Григорьевича—въ скромной

квартирѣ артиста холостяка; кажется у него было четыре комнаты, на Вознесенскомъ проспектѣ, чуть-ли ни въ томъ домѣ, гдѣ теперь книжный магазинъ Эриксона, не далеко отъ Вознесенскаго моста. Къ Антону Григорьевичу собирались каждую субботу—артисты, литераторы, любители музыки; въ числѣ обычныхъ его посѣтителей можно было видѣть—Карла Богд. Шуберта, Пикель, графа Матвѣя Віельгорскаго, Шарля Леви, Генриха Венявскаго, Фицтума и многихъ другихъ; шла всегда весьма оживленная бесѣда, играли, пѣли, и вечеръ кончался обычнымъ угощеніемъ—громаднымъ кускомъ ростбифа и пивомъ.

Не смотря на свою молодость, Антонъ Григорьевичъ уже пользовался тогда въ Петербургѣ, въ кругахъ интеллигенціи, во всѣхъ вопросахъ, до музыкальнаго искусства относящихся, большимъ авторитетомъ: обо всемъ, что касалось до музыки, тогдашніе любители и знатоки обращались къ нему—за совѣтомъ, указаніемъ, рѣшеніемъ...

Средства къ жизни у Антона Григорьевича въ 1850-хъ годахъ не были еще регулярны: отъ довольства, получаемаго большимъ трудомъ, массою уроковъ,—онъ частенько переходилъ къ совершенному безденежью... Приглашенный великою княгинею Еленою Павловной къ ея двору, Антонъ Григорьевичъ быстро занялъ то высокое положеніе въ области рѣшенія вопросовъ, съ музыкальнымъ дѣломъ связанныхъ, каковое положеніе прямо вызывалось и его обширнымъ, серьезнымъ музыкальнымъ образованіемъ и его мощнымъ дарованіемъ художника-музыканта. Великая княгиня, сама женщина высоко просвѣщенная и по-истинѣ необыкновенная, чрезвычайно цѣнила и уважала Антона Григорьевича... Ни на минуту не можетъ быть сомнѣнія, что авторитету, вліянію и энергическому почину Рубинштейна—какъ Русское музыкальное общество съ его развѣтвленіями по Россіи, такъ и Петербургская консерваторія всецѣло обязаны своимъ основаніемъ и быстрымъ упроченіемъ ихъ положенія...

Осенью 1867-го года это учрежденіе, давшее уже, кажется, къ тому времени три выпуска даровитыхъ исполнителей, теоретиковъ и преподавателей въ области музыкальнаго искусства, стояло уже весьма высоко... Какъ теперь помню, въ прекраснѣйшій осенній день, какіе дни весьма рѣдки въ Петербургѣ, торжество встрѣчи столицею августѣйшей невѣсты наслѣдника престола—принцессы Дагмары... Торжественный поѣздъ слѣдовалъ, между прочимъ, по Загородному проспекту; здѣсь, предъ однимъ изъ скромныхъ по наружности домовъ,—то былъ домъ консерваторіи, выхлопотанный для нея изъ казны заботами высокоуважаемаго К. К. Грота,—была устроена платформа, роскошно декорированная; на ней и на балконѣ стояли оркестръ и хоры, съ балкона дирижировалъ—нашъ славный композиторъ... То

былъ Рубинштейнъ и созданная имъ первая въ Россіи консерваторія... Исполнена была великолѣпная музыкальная пьеса его неистощимаго таланта, въ которой мелодіи датскія и русскія съ обычнымъ искусствомъ нашего маэстро были слиты въ одно стройное, гармоническое цѣлое... Весь блестящій поѣздъ августѣйшей фамиліи остановился предъ консерваторіей и съ величайшимъ удовольствіемъ прослушалъ пьесу. Зрѣлище, повторяю, было восхитительное... А грандіозный народный концертъ, устроенный Антономъ Григорьевичемъ въ 1866-мъ году, въ Михайловскомъ манежѣ, для нѣсколькихъ тысячъ слушателей, наполнившихъ манежъ... То было послѣ злодѣйскаго покушенія Каракозова. Была всеобщая радость о чудесномъ спасеніи Государя-Освободителя... Онъ самъ и весь дворъ присутствовали на концертѣ, особая ложа была для Комисарова-Костромскаго. Дирижировалъ — Рубинштейнъ и участниками было много лицъ изъ консерваторіи... А сколько затѣмъ было прекрасныхъ дней въ жизни Петербургской консерваторіи,—этого молодого еще учрежденія, сколько пользы и самаго высокаго наслажденія доставило русскому обществу это излюбленное дитя нашего великаго музыкальнаго художника!

Въ 1865-мъ году Антонъ Григорьевичъ женился на Вѣрѣ Александровнѣ Чикуановой, дочери русскаго помѣщика-дворянина, бывшаго гвардейскаго офицера. Достойная супруга своимъ тактомъ, образованіемъ, заботливостью о семьѣ и любовью къ ней и къ мужу, а также отзывчивостью и сочувствіемъ къ его постояннымъ и многочисленнымъ трудамъ, принесла покой и счастье своему мужу. Она дала ему дочь— нынѣ замужемъ (Антонъ Григорьевичъ уже дѣдушка) и двухъ милыхъ юношей-сыновей, изъ которыхъ первый — Яковъ Антоновичъ — наружностью и нравственными качествами весьма напоминаетъ своего прекраснаго дядю, покойнаго Якова Григорьевича Рубинштейна.

Въ 1867 г. Антонъ Григорьевичъ оставилъ постъ директора въ консерваторіи. Все и вся, кому только были близки интересы этого учрежденія, умоляли его тогда не покидать ее; великая княгиня Елена Павловна также приняла въ этомъ дѣлѣ горячее участіе и съ своей стороны просила Антона Григорьевича не выходить въ отставку. Онъ было согласился остаться. Какъ теперь помню этотъ день: весь дворъ дома, въ которомъ онъ жилъ, лѣстница,—все было засыпано цвѣтами, присланными признательными учениками и ученицами... Антонъ Григорьевичъ не долго однако побылъ на своемъ посту и оставилъ тогда-же консерваторію; поводомъ къ тому было то, сколько мнѣ извѣстно, что онъ не выносилъ необходимости совѣщаться о дѣлахъ консерваторіи съ такими сочленами по совѣту общества или комитета,

которые не были спеціалистами въ вопросахъ, относящихся до музыки, да и вообще онъ полагалъ, что въ этихъ дѣлахъ и при тогдашнемъ еще положеніи новаго учрежденія, какова была консерваторія, коллегіальное вершеніе дѣлъ было едвали полезно. Дѣло шло быстрѣе и цѣлесообразнѣе при единствѣ и силѣ власти; въ особенности онъ не выносилъ вмѣшательства въ его распорядки — чиновничьяго элемента, обычной у насъ страсти все регламентировать, подводить подъ пункты устава, словомъ вести дѣло не жизненно, а мертво, формальнымъ образомъ.

Впрочемъ, быть можетъ, я и ошибаюсь въ объясненіи причинъ оставленія имъ консерваторіи. Вѣрно только то, что самое учрежденіе, какъ свое дѣтище, онъ продолжалъ любить и во всѣ годы (1868—1886), когда не былъ уже ея директоромъ, но если бывалъ въ Петербургѣ, то часто посѣщалъ консерваторію и въ судьбахъ ея принималъ сердечное участіе... [1]).

Извѣстна истинно-феноменальная память Антона Григорьевича тносительно музыки.. По этому поводу вспоминаю я случай, о которомъ мнѣ разсказывалъ покойный Венявскій, и каковой случай былъ при немъ, въ одномъ обществѣ, за границей; одинъ заѣзжій піанистъ выполнялъ какую-то не дурную пьесу; она всѣмъ понравилась и всѣ стали осыпать похвалами піаниста, который, на вопросъ: кому принадлежитъ композиція этой пьесы, приписалъ ее себѣ.—«Позвольте, замѣтилъ бывшій въ числѣ присутствовавшихъ Рубинштейнъ,—я эту пьесу слышалъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ Прагѣ,—ее выполнялъ при мнѣ самъ авторъ, такой-то». Самозванецъ долженъ былъ сознаться, что, приписавъ себѣ чужое произведеніе, онъ пошутилъ.

Однимъ изъ лучшихъ помощниковъ Антона Григорьевича при учрежденіи Русскаго музыкальнаго общества — былъ Василій Алексѣевичъ Кологривовъ,—человѣкъ несомнѣнно энергичный, горячо любившій искусство, знавшій его хорошо и пребеззаботная голова о собственныхъ интересахъ... Онъ не выходилъ изъ долговъ, и Антонъ Григорьевичъ частенько его выручалъ изъ критическаго положенія съ тою добротою, какая присуща Рубинштейну; ну, да не одному Кологривову—были открыты всегда дружеское сердце и карманъ Антона Григорьевича... Не любилъ только онъ, да и не любитъ, когда напо-

[1]) Ближайшимъ поводомъ оставленія Рубинштейномъ въ 1867 г. консерваторіи было его разномысліе по поводу выпуска нѣкоторыхъ учениковъ и учениць изъ консерваторіи: онъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ Совѣта, полагалъ, что, въ виду молодости этихъ учениковъ, слѣдовало бы ихъ оставить еще на нѣкоторое время въ консерваторіи.

М. С.

минаютъ ему объ его услугахъ и одолженіяхъ,—остающихся, какъ мнѣ извѣстно, очень часто безвозвратными... Говорить ли о его щедрыхъ вкладахъ на доброе дѣло и добрыя благотворительныя учрежденія? Всѣмъ извѣстна, и особенно въ Петербургѣ, отзывчивость его въ этомъ отношеніи: множество благотворительныхъ учрежденій, фондовъ, вспомогательно-благотворительныхъ кассъ и особенно молодежь учащаяся—тысячами обоего пола—собирали обильную жатву съ концертовъ Антона Григорьевича!

Какъ ни много и ни усердно трудился Антонъ Григорьевичъ, а все таки основу матеріальнаго его достатка (не превышающаго, какъ я слышалъ, капитала въ 200 тыс. рублей) положила лишь поѣздка его въ Америку, въ 1872-мъ году. Отечество, кромѣ массы заботъ и трудовъ, да многихъ непріятностей, ну, если хотите, пожалуй, и славы—ничего ему не дало. За то сохранитъ оно изъ вѣка въ вѣкъ его чистое и славное имя на страницахъ Отечественной исторіи въ ряду лучшихъ сыновъ Русскаго народа.

М. Б. Р—гъ.

Октябрь 1889 г.
Спб.

ПОРТРЕТЫ А. Г. РУБИНШТЕЙНА

Къ одиннадцатой, ноябрьской, книгѣ «Русской Старины» изд. 1889 г. приложены два портрета нашего великаго музыкальнаго художника: одинъ вполнѣ точный снимокъ, исполненный въ лучшемъ фотографическомъ заведеніи Москвы г. Мая (бывшемъ Набгольца, Шерера и К°) съ превосходной акварели П. Ѳ. Соколова 1844 года. А. Г. Рубинштейнъ изображенъ на 15-мъ году отъ рожденія, подлѣ него его младшій братъ, впослѣдствіи столь же знаменитый, Николай Григорьевичъ († 1881 г.).

Подлинная акварель П. Ѳ. Соколова († 1848 г.), знаменитѣйшаго въ свое время художника-акварелиста, признаваемаго первоначальникомъ русской акварели [1]), — портретъ его кисти Рубин-

[1]) Интересный очеркъ жизни П. Ѳ. Соколова, составленный его сыномъ А. П. Соколовымъ, напечатанъ въ «Русской Старинѣ», изд. 1882 г., томъ XXXIII, стр. 639—646.—Мы имѣемъ отпечатанный снимокъ съ живописнаго его портрета, исполненнаго однимъ изъ братьевъ Брюловыхъ, каковой снимокъ будетъ приложенъ къ «Русской Старинѣ». М. С.

штейна (1844 г.) находится въ художественномъ альбомѣ гр. Віельгорскаго, нынѣ принадлежащемъ его племяннику Михаилу Алексѣевичу Веневитинову [1]), которому и приносимъ глубочайшую благодарность за сообщеніе помянутой акварели и наблюденіе за производствомъ и отпечатаніемъ съ нея для «Русской Старины» снимковъ, приложенныхъ къ стр. 520 ноябрьской книги, изд. 1889 г.

Другой портретъ, помѣщенный при той же книгѣ (стр. 257), — и нынѣ во второмъ тисненіи воспроизведенный — гравюра на мѣди художника Ѳ. А. Мѣркина,—исполнена съ фотографіи 1889 г. Фотографія эта принадлежитъ одной изъ лучшихъ мастерскихъ въ С.-Петербургѣ г. Ясвойна, но, къ величайшему сожалѣнію, она исполнена имъ въ іюнѣ 1889-го года, послѣ того, какъ Антонъ Григорьевичъ два мѣсяца усиленно занимался, съ утра до вечера, экзаменами въ консерваторіи и былъ чрезвычайно утомленъ.

Это утомленіе сказалось на его портретѣ, который въ точности передалъ на мѣди мастерской рѣзецъ художника Ѳ. А. Мѣркина.

Въ дѣйствительности и въ другое время дорогой всѣмъ намъ подлинникъ—Антонъ Григорьевичъ—выглядитъ гораздо моложавѣе и бодрѣе.

Тѣмъ не менѣе настоящій портретъ А. Г. Рубинштейна—гравюра Ѳ. А. Мѣркина, въ ряду тѣхъ, какія въ 1889 г. появились и появляются изображенія нашего юбиляра, безспорно одинъ изъ самыхъ лучшихъ.

М. С.

Къ исторіи «Императорскаго Русскаго Музыкальнаго общества».

По случаю исполнившейся четверти вѣка со времени основанія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго общества—составленъ и будетъ выпущенъ въ свѣтъ сборникъ относящихся до него свѣдѣній, и, такимъ образомъ, исторія дѣятельности общества и его отдѣленій — будетъ подробно изложена. Трудъ этотъ принадлежитъ А. М. Климченко. **А. Р.**

[1]) См. объ этомъ альбомѣ въ моихъ замѣткахъ, «Русск. Стар.» 1889 г., т. LXII, апрѣль, стр. 243—244. **М. С.**

АНТОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РУБИНШТЕЙНЪ

въ воспоминаніяхъ быв. ученика Спб. консерваторіи

1862—1866.

I.

18-го ноября 1889 года Антону Григорьевичу минетъ шестьдесятъ лѣтъ. Если не примѣнять къ возрасту наше россійское мѣрило, по которому «маститый писатель», «маститый художникъ» и «маститый дѣятель» начинается чуть-ли не съ тридцатипяти лѣтъ и всѣ сферы умственной и общественной дѣятельности оказываются какими-то богадѣльнями для стариковъ, то шестьдесятъ лѣтъ совсѣмъ не такъ ужь много. Во Франціи шестидесятилѣтняго дѣятеля причисляютъ почти-что къ молодому поколѣнію, что въ свою очередь тоже нѣсколько странно. Между своими ровесниками Антонъ Григорьевичъ вдвойнѣ производитъ впечатлѣніе молодости: онъ молодъ не только о своему пылкому характеру, но и по своей кипучей дѣятельности, ко орая у него скорѣе ростетъ, чѣмъ уменьшается съ годами. Можно ли о такомъ, въ лучшемъ смыслѣ слова молодомъ, человѣкѣ писать какія-то «воспоминанія», превращать его уже теперь въ объектъ исторіи? Отвѣчаю: вполнѣ можно, и прибавлю, что Рубинштейну не привыкать стать къ историческимъ о себѣ разсказамъ. Объектомъ исторіи онъ, точно также какъ и теперь, былъ и тридцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ занялъ почетную страницу въ популярной и авторитетной въ то время «Geschichte der Musik» Франца Бренделя. Онъ могъ бы занять ее и десятью годами раньше.

Имѣя отъ роду шестьдесятъ лѣтъ, Антонъ Григорьевичъ, какъ извѣстно, 11-го іюля 1889 г. праздновалъ пятидесятилѣтнюю годовщину своего перваго появленія на концертной эстрадѣ.

Онъ имѣетъ за собою полстолѣтія неутомимой, всегда блестящей и почти всегда счастливой дѣятельности. Вокругъ него начинаетъ уже возникать третье поколѣніе съ тѣхъ поръ, какъ онъ кудластымъ и красивымъ мальчикомъ дебютировалъ въ московскомъ Петровскомъ паркѣ.

Итакъ, писать о немъ воспоминанія не только вполнѣ законно, но даже весьма и весьма пора, ибо число людей, помнящихъ конецъ тридцатыхъ и начало сороковыхъ годовъ, уменьшается съ каждымъ днемъ. Пишущій эти строки въ данномъ случаѣ не особенно пригоденъ и совсѣмъ не авторитетъ: его знакомство съ Антономъ Григорьевичемъ началось въ сентябрѣ 1862 года, почти съ самаго дня открытія петербургской консерваторіи. Часто видѣлъ онъ Антона Григорьевича только пока былъ ученикомъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя такимъ мемуаристомъ, не могутъ не быть отрывочны и случайны. Не задаваясь честолюбивою цѣлью и оставаясь въ предѣлахъ возможнаго, я попытаюсь разсказать кое что изъ видѣннаго и слышаннаго мною въ тогдашней консерваторіи. Черты, хотя и разбросанныя, но вѣрно отпечатавшіяся въ моей памяти, быть можетъ, послужатъ нѣкоторымъ пособіемъ для характеристики Рубинштейна, какъ человѣка.

II.

Нельзя представить себѣ ничего подобнаго обожанію, которое мы, молодежь, питали къ Антону Григорьевичу. Нахлынувъ на юное учрежденіе изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества и отчасти изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ Россіи, мы представляли пеструю толпу. Былъ тутъ и отставной чиновникъ таможеннаго вѣдомства Кроссъ, и сынъ придворнаго пѣвчаго Рыбасовъ, и бывшій помощникъ судебнаго слѣдователя при черниговской уголовной палатѣ Рубецъ, и старшій столоначальникъ департамента министерства юстиціи Чайковскій (изъ правовѣдовъ), и дерптскій студентъ Тиронъ, и грузинъ Саванелли, и военный инженеръ Мирецкій, и адвокатъ (впослѣдствіи присяжный повѣренный) Баранецкій, и поручикъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка фонъ-Цуръ-Милленъ, и пріѣхавшій изъ Нюкастля контористъ пароходнаго общества, петербургскій англичанинъ Люджеръ, и сынъ младшаго преподавателя французскаго языка при третьей петербургской гимназіи Ларошъ. Даже былъ одинъ магометанинъ, конвойный офицеръ; излишне прибавлять, что онъ носилъ княжескій титулъ. Разнообразные по происхожденію, мы представляли нѣкоторую пестроту и по возрасту. Мнѣ было семнадцать лѣтъ, Люджеру—шестнадцать, и такихъ, конечно, было большинство

но были и гораздо старше: Кроссу, напримѣръ, было лѣтъ тридцать; были и постарше Кросса; былъ и крошечный, лѣтъ двѣнадцати, полякъ, хорошенькій Амбражевичъ, имѣвшій симпатичное обыкновеніе тузить обоими кулаками въ грудь взрослыхъ товарищей, когда ихъ шутки ему не нравились. Сверхъ всего этого мы и «направленія» были самаго различнаго. Рихардъ Мецдорфъ мнилъ себя вагнеристомъ; Старцевъ и Фредериксъ однажды при мнѣ затѣяли большой споръ, утверждая первый—что «Русланъ и Людмила» гораздо выше «Вильгельма Теля», второй — что «Вильгельмъ Тель» гораздо выше «Руслана и Людмилы»; Славинскій былъ очарованъ вѣяніями новѣйшими, преимущественно шумановскими, а впослѣдствіи нашелъ пристань въ сѣровизмѣ; я (къ величайшему негодованію Фанъ-Арка) былъ берліозіанецъ и, кажется, въ тайнѣ гордился тѣмъ, что другаго берліозіанца въ консерваторіи не было; Чайковскій исповѣдывалъ культъ Моцарта и отчасти Глинки. Но всѣ мы, военные и штатскіе, большіе и малые, бѣлые и красные, растрепанные и прилизанные боготворили Антона Григорьевича.

Тогдашняя консерваторія была маленькая и помѣщалась во флигелѣ элегантнаго барскаго дома Демидова, нынѣ уже не существующаго, на углу Демидова переулка и Мойки; на мѣстѣ его выстроена пятиэтажная громада, принадлежащая г. Корпусу. Главное зданіе дома съ важностью, по московски, стояло во дворѣ, отдѣленнымъ рѣшеткой отъ набережной, а съ насъ довольно было и флигеля, да и тотъ мы раздѣляли съ такъ-называемымъ нѣмецкимъ клубомъ. Но организація училища была полная съ первыхъ дней его существованія; были классы и курсы всѣхъ видовъ, исключая конечно трехъ старшихъ, такъ какъ первый выпускъ состоялся лишь три года спустя (1865 г.). Совершенная новизна дѣла видимо оживляла и подзадаривала учениковъ: господствовало какое-то бодрое, радостное настроеніе, и этотъ общій духъ видимо отражался на молодомъ основателѣ консерваторіи, видимо радовалъ и бодрилъ и его. Въ нѣкоторой степени, конечно, все это мнѣ теперь только кажется такимъ свѣтлымъ и поэтичнымъ, ибо всякому человѣку, прожившему полстолѣтія или около того, свойственно идеализировать свои студенческіе годы. Но я могу указать и на факты, свидѣтельствующіе о господствовавшемъ среди учениковъ оживленіи. Рихардъ Мецдорфъ, уже упомянутый мною [1]), затѣялъ устроить ученическое общество на самыхъ широкихъ

[1]) Онъ вскорѣ оставилъ консерваторію и навсегда переселился въ Германію, гдѣ пріобрѣлъ почетную извѣстность какъ композиторъ и капельмейстеръ. Г. Л.

основаніяхъ: мы по его плану должны были и пѣть, и играть, и лекціи читать, и знакомиться съ текущей музыкой, и знакомить другъ друга съ собственными произведеніями. Какъ это всегда бываетъ у мальчишекъ, мы принялись за дѣло горячо и отправились къ Антону Григорьевичу депутаціей просить его разрѣшенія на открытіе нашихъ дѣйствій. Онъ принялъ насъ степенно и ласково, внимательно выслушалъ наши желанія, но съ доводами нашими не согласился. Между прочимъ, какъ я помню, онъ сказалъ, что въ консерваторіи въ скоромъ времени начнутся ученическіе вечера, цѣль которыхъ сходна съ цѣлью нашего предполагавшагося общества. Излишне прибавлять, что общество такъ и не состоялось: оно распалось само собою, безъ всякаго давленія, а тѣмъ паче запрещенія со стороны начальства.

Вообще свободы намъ давали много. Болѣе строптивые на лекціяхъ предлагали вопросы или возражали профессорамъ, и какъ Н. И. Заремба, такъ и самъ Антонъ Григорьевичъ допускали возраженія и входили въ разборъ ихъ. Бывали между нами препорядочные лѣнтяи, въ отношеніи которыхъ начальство выказывало долготерпѣніе изумительное,—не потому ли, что само начальство было молодо и смотрѣло на свое юное созданіе глазами, полными оптимизма? О малѣйшемъ между нами талантѣ оно имѣло представленіе самое лестное, возбуждало, поощряло и баловало насъ на всѣ лады. Пишущему эти строки стоило выказать любовь къ Себастіану Баху—и сейчасъ же для него была учреждена органная стипендія, то есть онъ сталъ два раза въ недѣлю ходить въ лютеранскую Петропавловскую церковь и брать уроки у превосходнаго виртуоза Генриха Штиля, тогдашняго органиста. А такъ какъ казенныхъ денегъ на эту роскошь не было, то Антонъ Григорьевичъ платилъ изъ собственныхъ, какъ платилъ онъ за множество импровизованныхъ флейтистовъ, кларнетистовъ, валторнистовъ и контрабасистовъ, долженствовавшихъ составить новоиспеченный «ученическій оркестръ». Боже, что это былъ за оркестръ! Играли мы вещи довольно трудныя: Юпитера Моцарта, большую D-ду́рную симфонію Гайдна (которая съ финаломъ въ деревенскомъ родѣ), бетховенскаго Коріолана и тому подобное. Но фальшивили мы немилосердно. Хорошихъ скрипачей у насъ было сколько угодно, были два-три віолончелиста, а остальныхъ никого не было, такъ что играть намъ было просто не въ моготу. Мягкій и снисходительный въ своихъ теоретическихъ классахъ (инструментовки и свободной композиціи), Антонъ Григорьевичъ въ оркестровомъ классѣ сердился и кричалъ; доставалось то тому, то другому, но настоящаго страха всетаки не было. Слишкомъ была из-

вѣстна его доброта. Наставникъ бурливый, но отходчивый далеко не такъ грозенъ, какъ наставникъ ядовитый и безпощадный, всегда сохраняющій полное равновѣсіе духа. Возились мы съ этою классическою музыкою точно съ возомъ, попавшимъ въ непролазную трясину, «изъ кожи лѣзли вонъ», а толку не было, пока въ одно прекрасное утро внезапно не повѣяло новымъ воздухомъ. Почти одновременно появились флейтистъ Пуни, гобой Порошинъ, кларнетъ Квасниковъ, фаготъ Барышовъ и контрбасъ Макаровъ. И сдѣлался оркестръ какъ оркестръ; даже литавры стали сносны съ того дня, какъ я былъ изгнанъ съ этого отвѣтственнаго поста. Пока игралъ я, не могло быть ладу, такъ какъ вслѣдствіе нервности и трусости я барабанилъ хотя громко, но большею частью не въ тактъ. Однажды Антонъ Григорьевичъ, прикрикнувъ на меня, иронически назвалъ меня «композиторомъ», при чемъ половина оркестра фыркнула отъ смѣха: хотя я и находился въ композиторскомъ классѣ, но сочинять уже тогда не сочинялъ и задача, приносимая мною, принадлежала къ самымъ рѣдкимъ и страннымъ явленіямъ на нашемъ курсѣ. Болѣе солидный, замѣнившій меня литавристъ, умѣвшій не терять присутствія духа, былъ Чайковскій.

Литавры были не единственнымъ огорченіемъ, которое я причинилъ Антону Григорьевичу. Въ теченіи одного сезона я былъ аккомпаніаторомъ на спѣвкахъ хора Русскаго музыкальнаго общества. Спѣвки эти происходили въ залѣ консерваторіи; дирижировалъ Антонъ Григорьевичъ. Въ отроческіе годы я на фортепіано учился прилежно, такъ что отъ обязательнаго фортепіаннаго класса меня, послѣ четырехъ мѣсяцевъ у Герке, освободили. Разбиралъ я бойко и дома у себя игралъ піесы трудныя, хотя съ грѣхомъ пополамъ. Но потому ли, что я робѣлъ отъ излишней влюбленности въ Антона Григорьевича, потому ли, что я, стараясь глядѣть въ клавираусцугъ и не терять нити гармоніи, въ то же время запускалъ глазенапа то въ сторону сопрановъ, гдѣ сидѣла крупная юнонистая нѣмка, то въ сторону контральтовъ, гдѣ имѣлась маленькая и вертлявая русская, но только я игралъ какъ послѣдній сапожникъ. Помню, что на этихъ спѣвкахъ Антонъ Григорьевичъ, занятый несовершенствами хора, какъ-то не успѣвалъ бранить и меня и только отъ времени до времени бросалъ мнѣ взоры, исполненные негодованія. Разумѣется, что пѣть подъ мой аккомпаниментъ всетаки было возможно, такъ какъ большею частью попадались вещи съ аккомпаниментомъ легкимъ.

Первый годъ (въ классѣ гармоніи) я учился очень прилежно и пріобрѣлъ репутацію отличную, а на второй годъ съ самаго начала сезона началъ лѣниться и манкировать. Начальство молчало: про-

ходился строгій контрапунктъ и я по этому предмету былъ недурно подготовленъ раньше консерваторіи. Но лѣнь моя все увеличивалась и начала обращать на себя вниманіе. Въ одинъ ясный февральскій день, встрѣтивъ меня на подъѣздѣ Придворной Пѣвческой капеллы, послѣ одного изъ квартетныхъ утръ, Антонъ Григорьевичъ остановилъ меня и необыкновенно ласково сказалъ мнѣ: «Отчего вы, милостивый государь, не ходите въ консерваторію?» Было еще нѣсколько словъ, но я ихъ совершенно забылъ; зато какъ теперь помню необыкновенную кротость голоса и почувствованное мною смущеніе. Я остановился какъ вкопанный; Антонъ Григорьевичъ прошелъ мимо. Странно сказать, но съ этой встрѣчи, приведшей меня въ лирическій экстазъ, я сталъ заниматься хуже и хуже, а послѣдніе два года, можно сказать, только числился въ консерваторіи. Дошло до того, что я однажды получилъ оффиціальный запросъ, за подписью секретаря Прокоповича-Антонскаго, съ требованіемъ объяснить на какомъ основаніи я не посѣщаю классовъ. Могу сказать, что я уцѣлѣлъ чудомъ; вѣроятно, ни въ какой другой консерваторіи не оказали бы такого снисхожденія ученику, совершенно отбившемуся отъ ученія.

Изъ всѣхъ моихъ консерваторскихъ воспоминаній самый глубокій во мнѣ слѣдъ оставилъ одинъ случай, въ высшей степени характерный для личности Антона Григорьевича, хотя его участіе въ дѣлѣ ограничилось появленіемъ въ самомъ концѣ его, въ качествѣ deus ex machina. Разсказывая это происшествіе, я, къ крайнему своему сожалѣнію, буду имѣть тщеславный видъ человѣка, обѣщавшаго говорить о Рубинштейнѣ и вмѣсто того болтающаго о самомъ себѣ. Но Антонъ Григорьевичъ, хотя, повторяю, появляется только въ послѣдней сценѣ, тѣмъ не менѣе такъ высоко въ ней стоитъ надъ всѣми остальными участниками, что все таки играетъ первую роль.

III.

Неисправимая лѣность во мнѣ не охлаждала моего безумнаго обожанія къ директору консерваторіи, профессору композиціи и учредителю стипендій, не послужившихъ мнѣ въ прокъ. Какъ я уже говорилъ, въ этой моей страсти не было ничего оригинальнаго; не знаю даже, превосходилъ ли я другихъ интенсивностью чувства. Но знаю, что однажды это чувство, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ легкомысліемъ и недостаткомъ нравственнаго мужества, привело меня къ поступку довольно предосудительному. Между учениками, одинъ изъ самыхъ ярыхъ обожателей Рубинштейна былъ другъ и пріятель мой, упомянутый уже Люджеръ, англійскій католикъ, по языку скорѣе нѣмецъ,

чѣмъ англичанинъ, и петербуржецъ по рожденію. Свободно говорившій на четырехъ языкахъ, страстный любитель чтенія и бесѣдъ о прочитанномъ, нервный, раздражительный и восторженный, онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова «талантливая натура» [1]), между прочимъ, онъ обладалъ чутьемъ къ гармоническимъ красотамъ и вмѣстѣ со мною восхищался Бахомъ, Шуманомъ и Рихардомъ Вагнеромъ.

На такія горячія головы, какъ наши, не могла не подѣйствовать Юдиѳь Сѣрова, въ которой также, не смотря на возрастъ автора, чувствовалось нѣчто юношески-восторженное. Имя автора, конечно, было намъ извѣстно и до Юдиѳи; мы его уважали за критическій талантъ, но ненавидѣли за его нападки на Антона Григорьевича. Ученіе, что консерваторіи сами по себѣ вредны, казалось намъ похвалой диллетантизму; сверхъ того, мы сомнѣвались въ искренности Сѣрова, думая, что онъ безусловно отрицалъ пользу отъ консерваторіи только до той поры, пока самъ не получитъ приглашенія въ профессоры. Юдиѳь показала намъ его въ совершенно новомъ свѣтѣ и мы, повторяю, чрезвычайно увлекались ею. Другой товарищъ мой, Славинскій, познакомилъ меня съ Сѣровымъ, жившимъ тогда на углу Демидова переулка и Мойки, въ новоотстроенномъ домѣ Липина, противъ консерваторіи, какъ острилъ «Гудокъ». По вторникамъ, вечеромъ, у него собирались знакомые; изъ своихъ товарищей, я засталъ Рихарда Мецдорфа, остальные гости были все больше литераторы, преимущественно редакція только что запрещеннаго «Времени». Какъ радушный хозяинъ дома, какъ краснорѣчивый и остроумный проповѣдникъ (слово «собесѣдникъ» было бы тутъ не у мѣста), Сѣровъ очень понравился мнѣ и я сталъ часто посѣщать его вторники. Увлекаясь его умомъ, образованіемъ, живостью и любезностью, я въ то же время продолжалъ злиться на него за открытый имъ походъ на консерваторію и однажды откровенно высказалъ ему, что раньше полнаго окончанія курса, ни за что изъ нея не выйду. Какъ было бы хорошо, еслибъ я съумѣлъ сохранить то же нравственное мужество и во все продолженіе моего съ нимъ знакомства!

Весною 1864 года, Сѣровъ прочелъ три публичныя лекціи въ залѣ А. Г. Контскаго (въ домѣ Руадзе на Мойкѣ), въ которыхъ вкратцѣ очертилъ исторію оперы въ Россіи до «Русалки» Даргомыж-

---

[1]) Читая корректуру моихъ «воспоминаній», я получилъ нумеръ парижской газеты La Paix съ некрологомъ (весьма тепло написаннымъ) о моемъ старомъ товарищѣ. Возвращаясь въ Парижъ съ загородной экскурсіи, онъ, съ высоты огромнаго, цугомъ запряженнаго, омнибуса (tapissière), соскочилъ на полномъ ходу и упалъ. Его раздавило колесами и, послѣ семичасовыхъ страданій, онъ умеръ одинокій въ больницѣ. Люджеръ давно уже жилъ въ Парижѣ, гдѣ завѣдывалъ иностраннымъ отдѣломъ въ нѣсколькихъ газетахъ. Л.

скаго, а въ концѣ прицѣпилъ вылазку противъ консерваторій вообще, имѣя въ виду, конечно, петербургскую. И Люджеръ, и я кипѣли негодованіемъ; въ длинныхъ и пламенныхъ бесѣдахъ, длившихся до 2 — 3 часовъ ночи, мы съ нимъ вдвоемъ бранили Сѣрова и укрѣпляли другъ друга въ рѣшимости бороться съ диллетантизмомъ до послѣдней капли крови. Мы съ Люджеромъ договорились до того, что рѣшили поступить такимъ образомъ: я долженъ былъ написать полемическую замѣтку по поводу сѣровскихъ лекцій, а Люджеръ, подъ своимъ именемъ, отдать ее въ редакцію «Сѣверной Пчелы». Замѣтка была составлена и подписана «ученикъ консерваторіи». Редакція ее приняла и напечатала, а такъ какъ я, съ девятнадцатилѣтнимъ макіавеллизмомъ, принялся покупать экземпляры «Сѣверной Пчелы», разносить ихъ товарищамъ и восхвалять автора статьи, яко бы мнѣ неизвѣстнаго, то вскорѣ не стало сомнѣнія, что авторомъ былъ именно я. Девятнадцатилѣтнему юношѣ, писавшему отъ имени многихъ, не состоявшему присяжнымъ музыкальнымъ критикомъ и не собиравшемуся имъ сдѣлаться, не было никакой надобности подписываться собственной фамиліей; но скрыться также и отъ редакціи и спрятаться за Люджера было дѣломъ труса. Сѣрова, кажется, во время выхода моей замѣтки, уже не было въ Петербургѣ, но осенью, по возвращеніи, онъ обошелся со мною очень ласково, упомянулъ и о статьѣ, сказалъ, что прочелъ ее и нашелъ ее настолько глупою, что не рѣшается приписать ее мнѣ. Я же ни единымъ словомъ не вывелъ его изъ заблужденія.

Сколько разъ впослѣдствіи я съ жгучимъ стыдомъ вспоминалъ объ этомъ эпизодѣ въ моей жизни! Мнѣ нравился Сѣровъ и у меня не хватало духу отказать себѣ въ удовольствіи слушать его рѣчи, какъ не хватило духу отвѣтить на его колкую дипломатическую фразу откровеннымъ признаніемъ и предоставить ему самому продолжать или прекратить личныя со мною сношенія. Вмѣсто этого я избралъ такой образъ дѣйствія, что вышло «ни Богу свѣча, ни чорту кочерга». Однажды вступивъ на ложную дорогу, я сталъ запутываться все хуже и хуже. Когда вышелъ фельетонъ г. Кюи о Юдиѳи, по моему мнѣнію весьма несправедливый къ автору, я опять вознегодовалъ, но такъ какъ въ этотъ разъ я оказался на сторонѣ Сѣрова и кромѣ того во мнѣ уже проснулось литературное честолюбіе, то я написалъ листа два печатныхъ въ защиту Юдиѳи, снесъ ихъ Сѣрову и попросилъ его, чтобы онъ оказалъ мнѣ содѣйствіе къ напечатанію ихъ въ «Эпохѣ», бывшей, какъ извѣстно, продолженіемъ «Времени» и находившейся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Сѣрову. Я тутъ-же прочелъ ему свою рукопись; онъ ее расхвалилъ и мѣстахъ въ двухъ посовѣтовалъ смягчить выраженія, что я немедленно исполнилъ. Я снесъ свое произ-

веденіе въ редакцію, гдѣ оно пролежало мѣсяца два, а затѣмъ было мнѣ возвращено: въ этотъ промежутокъ времени «Эпоха», какъ нѣкогда Атеней, успѣла «погибнуть въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики».

На вторникахъ этого и предъидущаго сезоновъ (1863 — 1865) я прослушалъ значительную часть нумеровъ Рогнѣды въ исполненіи самого автора, пѣвшаго, какъ всѣ композиторы, то за хоръ, то за солиста, и аккомпанировавшаго себѣ на фортепіано. Думаю, что я если и восхищался вслухъ, то въ слишкомъ малой мѣрѣ и не такъ или не тамъ, гдѣ этого наиболѣе хотѣлось автору. Повидимому, Сѣровъ догадался, что Рогнѣда нравится мнѣ безконечно менѣе Юдиѳи, хотя я только разъ, по, поводу пѣсни дурака («За моремъ за синимъ») имѣлъ дерзость высказать ему свое мнѣніе. Какъ бы то ни было, но, вскорѣ послѣ перваго представленія Рогнѣды, въ «Русской Сценѣ» г. Михно появилась ругательная статейка на Рогнѣду, безсодержательная и нисколько для композитора не обидная, подписанная «ученикъ консерваторіи», такъ же какъ и моя замѣтка въ «Сѣверной Пчелѣ», причемъ неизвѣстный авторъ ссылался на мою замѣтку и приписывалъ ее себѣ. Статейка «Русской Сцены» обратила на себя мое вниманіе массою словъ, поставленныхъ въ кавычки, что было всегдашнею манерою Сѣрова. Вглядываясь ближе, я нашелъ, что и самый языкъ ея близко напоминалъ языкъ сѣровскихъ статей, да и по содержанію она представляла какъ бы сѣровскую пародію на рѣчи музыкальныхъ консерваторовъ. Не имѣя прямыхъ доказательствъ, я про себя рѣшилъ, что понялъ загадку. По совокупности уликъ было ясно, что статья лжеученика была написана самимъ Сѣровымъ и съ намѣреніемъ написана глупо, съ тѣмъ, чтобы, сославшись на мою статью какъ на свое произведеніе, подкинуть мнѣ и эту и такимъ образомъ выставить меня молодымъ человѣкомъ, говорящимъ пустяки. Обстоятельства сложились такъ, что я былъ принужденъ выйти изъ ретраншемента въ открытое поле. Я написалъ и подписалъ полною фамиліей письмо въ редакцію «Русской Сцены», въ которомъ назвалъ себя авторомъ статьи «Сѣверной Пчелы» и совершенно отрицалъ всякое участіе въ составленіи второй, а также отозвался незнаніемъ относительно того, кто былъ ея авторъ. Такъ какъ статейка лжеученика, повторяю, блистала преднамѣренною и сознательною глупостью, то я въ огражденіе себя долженъ былъ войти въ разсмотрѣніе дѣла по существу и высказалъ нѣсколько критическихъ мнѣній. Письмо мое было напечатано въ слѣдующемъ нумерѣ «Русской Сцены», конечно съ подписью фамиліи, и вызвало послѣдствія, совершенно мною неожиданныя.

Черезъ день или два по выходѣ моего письма въ печати прихожу я на репетицію концерта Русскаго Музыкальнаго Общества и, вѣ-

роятно, съ очень виноватымъ выраженіемъ лица, подхожу здороваться къ Антону Григорьевичу. Это было уже время моей полной и неисправной лѣни; Антонъ Григорьевичъ давно не удостоивалъ меня ни выговора, ни упрека и при встрѣчѣ со мною небрежно и сумрачно кивалъ мнѣ головой. Но виноватый видъ у меня былъ не отъ того, что у меня была совѣсть лѣнтяя, а оттого, что ученикъ стоялъ передъ любимымъ профессоромъ, сознавая, что онъ этого же профессора сдѣлалъ объектомъ своего сужденія въ газетной статьѣ. Нѣчто подобное дѣлалось со мною и гораздо позже, когда мнѣ приходилось высказывать сужденіе объ Антонѣ Григорьевичѣ и въ то же время чувствовать его невидимое присутствіе, его продолжающееся на меня давленіе. Я высказывался откровенно, порою можетъ быть даже рѣзко, но въ самой рѣзкости собственнаго тона я ощущалъ ноту пойманнаго школьника; мнѣ было совѣстно изрекать приговоръ надъ геніальнымъ учителемъ, которому я былъ обязанъ значительною частью своего собственнаго *я*. Но тогда дѣло было вновѣ и, повторяю, физіономія у меня была, вѣроятно, самая несчастная. Привѣтъ Антона Григорьевича ни мало меня не ободрилъ.

«Милостивый государь», загремѣлъ онъ, «вы осмѣлились напечатать статью, въ которой вы разсуждали обо мнѣ, своемъ начальникѣ. Вы, какъ ученикъ, не имѣете никакого права писать и печатать статьи. Знаете ли вы, милостивый государь, что у насъ въ совѣтѣ возбужденъ вопросъ о вашемъ исключеніи? Я, вѣроятно, буду защищать васъ и, можетъ быть, васъ и не исключатъ; но»... Остальную, весьма недлинную часть его рѣчи я совершенно забылъ. Вѣроятно, онъ мнѣ посовѣтовалъ отправиться домой и не показываться въ консерваторіи, пока мнѣ не станетъ извѣстнымъ рѣшеніе совѣта профессоровъ.

Что произошло на совѣтѣ—извѣстно мнѣ оффиціальнымъ путемъ лишь въ окончательномъ результатѣ. Я узналъ, что не былъ исключенъ и что, такимъ образомъ, могъ еще цѣлый годъ ходить или не ходить въ консерваторію и затѣмъ представить сочиненіе на полученіе диплома. Частнымъ же образомъ (между прочимъ, нѣсколько лѣтъ спустя, отъ покойнаго К. Ю. Давыдова), я узналъ вотъ что. Всѣ профессора были противъ меня: и Вѣнявскій, и Лешетицкій, и Дрейшокъ, и Н. И. Заремба, столь кроткій и терпѣливый со мной и столь (какъ мнѣ казалось и теперь кажется) меня любившій, и самъ Карлъ Юліевичъ, передавшій мнѣ о засѣданіи и нисколько не скрывавшій своей въ немъ роли. Горой стоялъ за меня одинъ лишь Антонъ Григорьевичъ, если не считать В. А. Кологривова, не имѣвшаго, какъ мнѣ кажется, права голоса въ совѣтѣ. Не смотря на то, что онъ сначала былъ въ меньшинствѣ, энергическій благожелатель мой, въ концѣ концовъ, успѣлъ убѣдить своихъ коллегъ и спасти меня.

Я съ удовольствіемъ вспоминаю объ этомъ случаѣ въ своей жизни, съ удовольствіемъ пока представляю себѣ въ немъ Антопа Григорьевича, гордость котораго столько же запрещала ему обращать вниманіе на то, что брешетъ про него тотъ или другой рецензентъ, будь онъ даже изъ учениковъ консерваторіи, сколько благодушіе его не допускало и мысли о томъ, чтобы изъ-за необдуманной горячей выходки сдѣлать зло бѣдному молодому человѣку и, быть можетъ, на всегда испортить его карьеру.

Но для меня урокъ былъ рѣшительный и благодѣтельный. Ни разу въ жизни я съ тѣхъ поръ (за исключеніемъ небольшой газетной хроники о спектаклѣ или концертѣ) не писалъ музыкально статьи иначе, какъ подписываясь полною фамиліей. Ходить съ поднятымъ забраломъ, открыто идти на встрѣчу непріятностямъ и столкновеніямъ всякаго рода сдѣлалось для меня какъ-бы постояннымъ нравственнымъ удовлетвореніемъ. Но то, за что меня хотѣлъ наказать (и едва-ли законно наказать) совѣтъ профессоровъ, то есть, что я открыто написалъ и подписалъ статью въ газетѣ (вѣдь если-бъ статья была анонимная, то не было-бы и состава преступленія), именно и составляло единственную свѣтлую точку въ этой столь мало для меня лестной исторіи. Я думалъ поступить по убѣжденію, облегчить душу задорной полемической статейкой и въ то же время продолжать черпать наслажденіе въ личныхъ бесѣдахъ съ человѣкомъ, котораго я ударилъ изъ-за угла. Какое горькое, но заслуженное униженіе! Александръ Николаевичъ Сѣровъ, котораго никто не считалъ особеннымъ столпомъ добродѣтели, который въ своихъ нападеніяхъ, отступленіяхъ и перемѣнахъ фронта довольно явно подчинялся вліяніямъ личныхъ счетовъ и неудовлетвореннаго самолюбія, могъ глядѣть на меня съ высоты своего презрѣнія, могъ перестать мнѣ кланяться за мое предательство!

Но не лестная для меня исторія эта еще разъ обрисовываетъ рыцарскую честность, незлобивость и великодушіе Антона Григорьевича. Что онъ не разсердился на газетную статью, въ которой девятнадцатилѣтній критикъ говорилъ о немъ тономъ хотя сочувственнымъ, но самоувѣреннымъ — въ этомъ я особеннаго геройства не вижу. Онъ былъ вполнѣ обстрѣленъ: умныя и глупыя статьи по его адресу, почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ, писались въ теченіи двадцатипяти лѣтъ до моего дебюта въ «Русской Сценѣ». Но повести за меня горячую и успѣшную борьбу, отстоять меня противъ единогласнаго требованія всѣхъ остальныхъ членовъ совѣта—это уже не гордое пренебреженіе, это дѣятельная теплота сердца.

И эту теплоту сердца Антонъ Григорьевичъ всегда вносилъ въ свои отношенія къ ученикамъ консерваторіи.

О теперешней его дѣятельности во вторичномъ его директорствѣ, столь сходномъ по духу и направленію съ тогдашнимъ, я и тогда, если имѣлъ-бы о ней точныя свѣдѣнія, намѣренно избѣгнулъ-бы говорить, такъ какъ событія слишкомъ близки настоящей минутѣ... Вѣроятно, и теперь на класныхъ скамьяхъ консерваторіи сидятъ молодые люди, глядящіе на Рубинштейна восторженными, полными вѣры, глазами, и тотъ изъ нихъ, который лѣтъ черезъ двадцать будетъ, какъ я, разсказывать о гуманности и добродушіи Антона Григорьевича, не знаетъ теперь, что именно ему выпадетъ эта доля. Но, обращаясь опять къ консерваторіи шестидесятыхъ годовъ, я скажу что̀ главнымъ образомъ характеризуетъ отношенія Антона Григорьевича къ ученикамъ. Онъ былъ, несмотря на свою молодость, несмотря также на массу занятій и цѣлей, совершенно постороннихъ консерваторіи, настоящимъ отцомъ учениковъ. Семейныя отношенія, какъ извѣстно, не исключаютъ ни размолвокъ, ни недоразумѣній, ни бурныхъ сценъ. Всего этого было достаточно и у Рубинштейна съ учениками, а бурныхъ сценъ, по его впечатлительному характеру, было пожалуй даже больше, чѣмъ нужно. Въ семьѣ случаются дѣти непослушныя и строптивыя, какъбы родившіяся на свѣтъ съ готовымъ протестомъ противъ авторитета, и такихъ пришлось пѣстовать и Рубинштейну. Изъ бывшаго у него въ рукахъ человѣческаго матеріала вышла впослѣдствіи и оппозиція ему. Скажу болѣе: нѣтъ ни одного его ученика, котораго можно было-бы назвать прямымъ подражателемъ ему, что̀ по-моему служитъ свидѣтельствомъ его уваженія къ свободѣ ученика, къ личности музыкальнаго таланта. Какъ-бы ни расходилось направленіе, усвоенное бывшимъ ученикомъ Антона Григорьевича, съ тѣмъ, которое такъ выпукло и энергично отпечатлѣлось въ творцѣ «Океана», онъ никогда, пока хоть сколько-нибудь находитъ или надѣется найти въ человѣкѣ серьезный трудъ и честное стремленіе, не прекращаетъ и не измѣняетъ къ нему своихъ личныхъ отношеній. Вся Европа знаетъ о необыкновенной денежной щедрости Антона Григорьевича, о его страсти благотворить на самую широкую ногу, но едва-ли въ равной мѣрѣ извѣстна эта, если можно такъ выразиться, щедрость духа, въ силу которой онъ ни зла не помнитъ, ни къ несовершенствамъ не придирается, ни на разногласіяхъ не останавливается, а напротивъ пользуется малѣйшимъ поводомъ къ сочувствію, малѣйшимъ правомъ любить и поддерживать. Если мы, ученики, были ему такъ дороги, то это происходитъ оттого, что Антону Григорьевичу дорого человѣчество и что самыя высокія, самыя идеальныя стремленія человѣчества нашли въ немъ глубоко-вѣрующаго поклонника, подобно тому, какъ они въ немъ-же нашли могучаго, вдохновеннаго представителя.

Ларошъ.

А. Г. Рубинштейну.

Художникъ звука! творческая сила
Подъ гнетомъ лѣтъ въ тебѣ не умерла,
Нѣтъ! музыка всего тебя взяла,
Всего тебя, какъ сѣтью, охватила.

Не властенъ ты, какъ смертный рядовой,
Забыть искусства высшее значенье:
Въ тебѣ—небесъ съ землею примиренье,
Звукъ—идеалъ живетъ въ тебѣ святой.

Ты всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ звуки
Въ душѣ своей вмѣщаешь, чародѣй!
Въ нихъ повѣсть бѣдъ, волненій и страстей,
Гимнъ радости и пѣснь любви и муки....

Все принялъ ты любовно и постигъ;
Ты въ звукахъ всю людскую эпопею
Прочувствовалъ, душой сроднился съ нею
И съ свѣточемъ во глубь ея проникъ.

О, свѣтелъ міръ мелодій и созвучій—
Міръ внутренній души твоей! Одинъ
Ты въ немъ царишь, маститый властелинъ,
Самодержавный и могучій!

А. Н. Яхонтовъ.

Псковъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

Первый, по времени, отзывъ объ А. Г. Рубинштейнѣ.

«Галатея» изд. 1839 г.

«Кстати упомянемъ еще объ этомъ monstre musical (дай Богъ побольше такихъ monstres!), родившемся и развившемся не подъ небомъ Италіи, а подъ снѣжнымъ небомъ нашей бѣлокаменной матушки Москвы: этотъ замѣчательный талантъ, извѣстный въ немногихъ только домахъ, гдѣ его слышали, слушаютъ да и заслушиваются, есть девятилѣтній сынъ здѣшняго фабриканта, г-на Рубинштейна, употребляющаго на усовершенствованіе блистательнаго дарованія своего ребенка-артиста бо́льшую часть своихъ незначительныхъ доходовъ — пожертвованіе, достойное похвалы и поощренія. Нѣкоторые любители музыки просили родителей, чтобы милый крошечный артистъ далъ имъ хоть одинъ концертъ, но скромные родители отклонили этотъ лестный вызовъ. Хотя мы очень сожалѣемъ о томъ, что у насъ будетъ меньше однимъ (относительно прекраснымъ) концертомъ, но мы не эгоисты и скажемъ, что скромность родителей очень похвальна и полезна для ихъ юнаго артиста! развивайте его талантъ въ тишинѣ: сцена для него всегда открыта и онъ никогда не опоздаетъ».

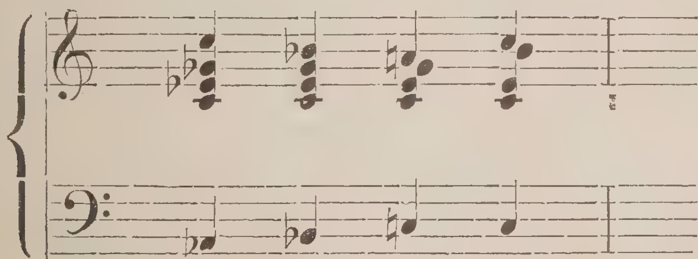
II.

Отзывъ Роберта Шумана о первомъ въ печати произведеніи А. Г. Рубинштейна.

А. Рубинштейнъ. «Ундина», этюдъ для фортепіано. 1843 г. Op. I.

«Первая работа даровитаго мальчика—піаниста-виртуоза, уже покрытаго громкой славой. Обладаетъ-ли онъ и выдающимся творческимъ дарованіемъ — рѣшить по лежащему передъ нами первому произведенію ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ

невозможно. Но уже преобладаніе въ небольшой вещицѣ мелодическаго элемента — хотя мелодія и не являетъ собой какой нибудь новизны прекраснаго — подаетъ надежду, что авторъ уже началъ постигать самую сущность музыки и будетъ чѣмъ дальше, тѣмъ удачнѣй развиваться въ этомъ направленіи. Названіе эпизода основано, главнымъ образомъ, на волнообразномъ движеніи фигуры аккомпанимента; чего-либо болѣе оригинальнаго, вполнѣ совершеннаго по законченности нельзя было и ждать отъ такого юнаго возраста. Но ни въ какомъ случаѣ не должны быть допустимы нечистыя гармоніи въ родѣ:

Всякій мало-мальски опытный музыкантъ могъ бы исправить ему это мѣсто».

Мелкія фортепіанныя вещи.

A. Rubinstein. «Undine», Etude für das Pianoforte. (1843).

Werk I.

Die erste Arbeit des talentvollen Knaben, der sich als Spieler einen schon grossen Ruhm gemacht. Ob er auch bedeutendes productives Talent habe, lässt sich nach dieser vorliegenden ersten Leistung weder behaupten, noch verneinen. Doch in dem kleinen Stücke das Melodische vorwiegt, ohne gerade eine schöne neue Melodie zu bieten, lässt hoffen, dass er das wahre Wesen der Musik zu begreifen angefangen und sich in diesem Sinne immer glücklicher entwickeln werde. Der Titel der Etude findet seinen Grund zumeist in der wellenförmigen Art der Begleitungsfigur; etwas Originelleres, durch und durch Gelungenes konnten wir von jungen Jahren nicht erwarten. In keinem Falle dürften aber unreine Harmonien stehen bleiben, wie

. . . .

jeder irgend leidlich gewandte Musiker hätte ihm die Stelle verbessern können.

Gesammelte Schriften über Musik und Musiker von Robert Schumann (4 Band). Leipzig, Georg Wigands Verlag, 1854.—(1843 г.). Т. IV.

Kürzere Stücke für Pianoforte.

III.

Записка А. Г. Рубинштейна въ дирекцію Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества.

22-го марта 1887 г.

Въ теченіи болѣе чѣмъ 25-лѣтняго своего существованія Императорское русское музыкальное общество выполнило успѣшно одну изъ главныхъ своихъ задачъ—распространеніемъ музыкальнаго образованія въ Россіи, учрежденіемъ консерваторій въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, музыкальныхъ школъ: въ Кіевѣ, Харьковѣ, Тифлисѣ и другихъ городахъ, устройствомъ симфоническихъ концертовъ и т. д. Остается выполнить еще великую задачу, а именно дать возможность отечественнымъ сочинителямъ ознакомить публику съ своими произведеніями, а отечественнымъ исполнителямъ открыть поприще для выказанія передъ публикой своихъ знаній.

Въ программахъ десяти симфоническихъ и стольких-же камерныхъ концертахъ, въ которыхъ требуется ознакомлять публику съ классическими произведеніями всѣхъ странъ и всѣхъ школъ и дать возможность публикѣ слышать таковыя въ возможно лучшемъ исполненіи и, кромѣ того, приглашать знаменитыхъ исполнителей иностранцевъ, остается слишкомъ мало мѣста для выполненія справедливыхъ требованій отечественныхъ сочинителей и исполнителей.

То же самое можно сказать и про театры дирекціи Императорскихъ театровь, коихъ существуетъ всего два въ Имперіи (кромѣ трехъ или четырехъ частныхъ провинціальныхъ, которые зиждятся на весьма шаткихъ основаніяхъ); разъ составъ труппы полонъ, исполнителямъ (пѣвцамъ и пѣвицамъ и оркестровымъ музыкантамъ) некуда дѣваться и они бо́льшею частію обязаны поступать въ опереточные и садовые театры,—карьера совсѣмъ не соотвѣтствующая ни стремленіямъ, ни честолюбію потратившихъ столько силъ и рвенія на высшее музыкальное образованіе въ консерваторіяхъ.

Еще хуже положеніе сочинителей оперъ; передъ ними дирекція всегда отговаривается репертуаромъ, и не безъ основанія: она обязана отдѣлять бо̀льшую часть представленій излюбленнымъ публикою операмъ, кромѣ того, операмъ заграничнаго репертуара, такъ что для молодыхъ отечественныхъ сочинителей нѣтъ ни мѣста, ни времени для разучиванія ихъ сочиненій.—Для выхода изъ этого грустнаго положенія, я предлагаю слѣдующее:

1) Русское музыкальное общество въ С.-Петербургѣ арендуетъ театръ на четыре вечера въ недѣлю (впослѣдствіи можетъ быть и

больше) и устраиваетъ въ немъ оперные представленія и концерты, а именно (кромѣ обычныхъ десяти симфоническихъ концертовъ), три оперныя представленія и одинъ концертъ въ недѣлю, при чемъ за мѣста назначается общедоступная плата.

2) Какъ оперныя представленія, такъ и концерты состоятъ исключительно только изъ сочиненій русскихъ подданныхъ прошедшаго и настоящаго времени.

3) Оперная труппа, хоръ изъ 60 человѣкъ и оркестръ изъ 40 человѣкъ, составляются изъ нынѣ неангажированныхъ артистовъ Императорскихъ театровъ и дополняются бывшими консерватористами и оканчивающими ежегодно курсъ въ консерваторіяхъ.

4) Оперные представленія и концерты имѣютъ быть круглый годъ (зиму и лѣто), за исключеніемъ времени и дней, по коимъ спектакли вообще воспрещаются.

5) Во время великаго поста, при запрещеніи оперныхъ представленій, имѣютъ быть концерты четыре раза въ недѣлю, и въ этихъ концертахъ велико-постнаго времени исполняются также и классическія и новѣйшія сочиненія другихъ странъ.

6) Оперы поются только на русскомъ языкѣ, въ концертахъ-же вокальные нумера могутъ быть исполняемы на всѣхъ языкахъ народностей, входящихъ въ составъ Россійской имперіи.

7) Всѣ представляемыя сочиненія какъ вокальныя, такъ и инструментальныя исполняются по мѣрѣ возможности, если они только удобоисполнимы и не написаны противъ правилъ теоріи музыки.

Въ случаѣ неодобренія распорядителями оперныхъ представленій и концертовъ упомянутыхъ произведеній, они передаются на судъ музыкальнаго комитета, составъ котораго заблаговременно избирается дирекціей с.-петербургскаго отдѣленія. Комитетъ окончательно рѣшаетъ подлежатъ-ли исполненію эти произведенія.

8) Въ программу входятъ всѣ отрасли музыки вокальной и инструментальной, т. е. народныя пѣсни (хоромъ или соло), танцовальная музыка, военная музыка, симфоническая, камерная, оперная и т. п. за исключеніемъ церковной музыки, но не исключая музыки духовнаго содержанія.

9) Цѣны за мѣста должны быть доступны всѣмъ, также и простонародью, т. е. съ 15 коп. за мѣсто и выше, но не превышая 3 рублей за мѣсто.

10) За исключеніемъ бель-этажа и 1-го яруса ложъ, весь театръ устраивается на одиночныя мѣста, безъ ложъ (или въ ложахъ другихъ ярусовъ, отдѣльныя мѣста нумеруются).

Ложи бель-этажа и 1-го яруса предлагаются публикѣ въ абонементъ.

Средняя и боковая ложи бель-этажа предлагаются Высочайшему двору и вмѣстѣ съ тѣмъ испрашивается за нихъ высшая плата въ видѣ субсидіи.

Боковая ложа бель-этажа съ правой стороны есть собственность покровителя на тѣхъ-же условіяхъ, а боковая ложа 1-го яруса съ правой стороны есть собственность дирекціи русскаго музыкальнаго общества.

Для окончательнаго выполненія изложенной выше великой задачи русскаго музыкальнаго общества, дирекція С.-Петербургскаго отдѣленія будетъ имѣть постоянную заботу о пріобрѣтеніи или постройкѣ собственнаго зданія для театра, въ которомъ будутъ предложены публикѣ мѣста (ложи и кресла) въ пожизненную собственность.

А. Г. Рубинштейнъ.

Примѣчаніе. На собраніи членовъ музыкальнаго общества, о которомъ идетъ рѣчь, записка А. Г. Рубинштейна въ принципѣ была принята 19 голосами противъ одного. Предложеніе-же «Русскаго музыкальнаго общества» внести на осуществленіе предпріятія 50 тысячъ изъ своего капитала принято 13 голосами противъ семи. **В. Т.**

IV.

От его имп. выс. в. к. Константина Николаевича.

(8 сент. 1887 г. А. Г. Рубинштейну, по случаю 25-лѣтія спб. консерваторіи).

Отъ души поздравляю тебя съ двадцати-пятилѣтіемъ созданной тобою консерваторіи, которая принесла уже столько пользы Россіи; прошу тебя передать мое сердечное поздравленіе всѣмъ членамъ консерваторіи, и учащимъ, и учащимся; желаю ей продолжать процвѣтать; они знаютъ, что я ихъ всѣхъ сердечно люблю. **Константинъ.**

V.

А. Г. Рубинштейнъ, по случаю исполнившагося 11-го іюля 1889 г. 50-лѣтія своей музыкальной дѣятельности, удостоился получить слѣдующія поздравительныя телеграммы: отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы, отъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и отъ Ихъ

Императорскихъ Высочествъ Великой Княгини Александры Іосифовны и Великаго Князя Константина Константиновича:

1.

Отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ:

«Императрица и Я искренно привѣтствуемъ васъ съ днемъ вашего юбилея, желаемъ вамъ отъ души еще много лѣтъ поработать на пользу музыкальнаго развитія нашей молодежи и композиторской вашей неутомимой дѣятельности». «Александръ».

2.

Отъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича.

«Сердечно поздравляю васъ, Антонъ Григорьевичъ, съ исполнившимся 50-лѣтіемъ вашей ревностной музыкальной дѣятельности. Дай Богъ вамъ силъ продолжать ее еще на многіе, многіе годы». «Николай»

3.

Отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Іосифовны.

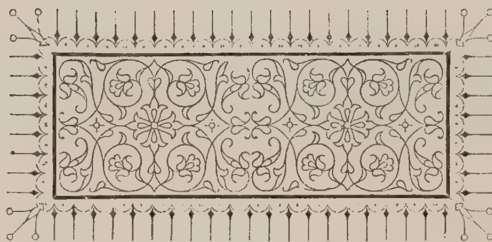
«Gedenke inmitten meiner grossen Sorge um meinen lieben Grössfürsten des Juwels unter den Künstlern, dem ich heute mehr als je das Allerbeste wünsche; dieser grosse Tag ist Allen theuer, die Sie kennen und verehren wie Jch».

«Alexandra».

4.

Отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича.

«Примите отъ Жены и Меня Наше искреннѣйшее привѣтствіе и пожеланія еще многихъ лѣтъ здоровья и силъ на пользу и славу нашего дорогаго искусства и на радость всѣмъ вашимъ поклонникамъ. Константинъ».

ЦѢНА **ТРИ** РУБЛЯ.

Складъ изданія въ главной конторѣ «Русской Старины» С.-Петербургъ, Большая Подьяческая, д. 7.
